

ТОМ 11, № 4, 2025

eISSN 2414-1143

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научный альманах стран Причерноморья

Социальная и политическая философия / Философская антропология,
философия культуры / Религиоведение / Теория и история культуры /
Научная жизнь / Наследие прошлого: кавказоведение

www.science-almanac.ru
DOI: 10.23947/2414-1143

Научный альманах стран Причерноморья

Рецензируемый теоретический и научно-практический журнал

eISSN 2414-1143

Издается с 2015 года

Периодичность – 4 выпуска в год

DOI: 10.23947/2414-1143

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

- 5.7.7 – Социальная философия (философские науки)
- 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки)
- 5.10.1 – Теория и история культуры (культурология)

Регистрация:

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-61316 от 07 апреля 2015 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Индексация и архивация:

РИНЦ, CyberLeninka, EBSCO (Academic Search Ultimate Magazines and Journal, OAIP, ISI, ULRICHSWEB Global Serials Directory, Advanced Science Index (ASI), Turkish Education Index. Данные об издании доступны в каталогах научной информации: Google Scholar, OCLC WorldCat, Socionet, Bielefeld Academic Search Engine (BASE), Registry of Open Access Repositories (ROAR), Open Access Infrastructure for Research in Europe (OpenAIRE), Research Papers in Economics (RePEc), EBSCO A-to-Z

Сайт:

<http://science-almanac.ru>

Адрес редакции:

344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail:

science-almanac@mail.ru

Телефон:

+ 7 (908) 506-19-06

Дата выхода

30.12.2025

№ 4, 2025 в свет:

Science Almanac of Black Sea Region Countries

Peer-reviewed theoretical and scientific-practical journal

eISSN 2414-1143

Published since 2015

Periodicity – 4 issues per year

DOI: 10.23947/2414-1143

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science (Ph.D.), for the degree of Doctor of Science (Ph.D. (Advanced Doctorate)) (List of State Commission for Academic Degrees and Titles) in the following scientific specialties should be published:

- Social philosophy (philosophical sciences)
- Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences)
- Theory and history of culture (culturology)

Registration:

Mass media registration certificate № ФС 77 – 61316 dated April 7, 2015 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Indexing and Archiving:

RSCI, CyberLeninka, Indexed by international databases: EBSCO (Academic Search Ultimate Magazines and Journal, OAJI, ISI, ULRICHSWEB Global Serials Directory, Advanced Science Index (ASI), Turkish Education Index. Edition data available in scientific information catalogs: Google Scholar, OCLC WorldCat, Scionet, Bielefeld Academic Search Engine (BASE), Registry of Open Access Repositories (ROAR), Open Access Infrastructure for Research in Europe (OpenAIRE), Research Papers in Economics (RePEc), EBSCO A-to-Z

Website:

<http://science-almanac.ru>

Address

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

of the Editorial Office:

E-mail:

science-almanac@mail.ru

Telephone:

+7(863) 273-86-63

Date of publication

30.12.2025

No. 4, 2025:

Редакционный совет

Месхи Бесарион Чохоевич, доктор технических наук, профессор, главный редактор, Донской государственный технический университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Анди Пушкэ, доктор экономических наук, профессор, Университет «Данубиус» (Галац, Румыния);

Буриан Александр Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, Институт стратегических исследований Европейского университета Молдовы (Кишинев, Молдова);

Квеситадзе Гиорги, доктор биологических наук, профессор, Национальная академия наук Грузии (Тбилиси, Грузия);

Метревели Рони Викторович, доктор исторических наук, профессор, Национальная академия наук Грузии (Тбилиси, Грузия);

Несмеянов Евгений Ефимович, доктор философских наук, профессор, первый заместитель главного редактора, Донской государственный технический университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Узнародов Игорь Миронович, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Яблоков Игорь Николаевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация).

Редакционная коллегия

Акаев Вахит Хумидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН (Грозный, Российская Федерация);

Амонашвили Шалва Александрович, доктор психологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация);

Балабанов Виктор Иванович, доктор технических наук, профессор, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева (Москва, Российская Федерация);

Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация);

Гуриева Лира Константиновна, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал) (Владикавказ, Российская Федерация);

Дудайти Альберт Константинович, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Российская Федерация);

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация);

Камалова Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Кожевников Сергей Борисович, доктор философских наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация);

Мустафаева Маида Ганифаевна, доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала, Российская Федерация);

Никандров Николай Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, Российская академия образования (Москва, Российская Федерация);

Оленич Тамара Станиславовна, доктор философских наук, профессор, Донской государственный технический университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Силагадзе Автандил, доктор экономических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили (Тбилиси, Грузия);

Склярова Елена Константиновна, доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Тихомирова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва, Российская Федерация);

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, доктор исторических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация).

Editorial board

Besarion Ch. Meskhi, Doct. Sci. (Engineering), professor, Editor-in-Chief, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);
Andy Pusca, Doct. Sci. (Economics), Danubius University (Galac, Romania);
Alexander D. Burian, Doct. Sci. (Law), professor, Institute for Strategic Studies of the European University of Moldova (Chisinau, Moldova);
Giorgi Kvesitadze, Doct. Sci. (Biology), professor, Georgian National Academy of Sciences (Tbilisi, Georgia);
Roin V. Metreveli, Doct. Sci. (History), professor, Georgian National Academy of Sciences (Tbilisi, Georgia);
Evgeny E. Nesmeyanov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, First Deputy Editor-in-Chief, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);
Igor M. Uznarodov, Doct. Sci. (History), professor, Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation);
Igor N. Yablokov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Editorial board

Vakhit Kh. Akaev, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences (Grozny, Russian Federation);
Shalva A. Amonashvili, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation);
Victor I. Balabanov, Doct. Sci. (Engineering), professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation);
Vadim N. Goncharov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation);
Lira K. Gurieva, Doct. Sci. (Economics), professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch) (Vladikavkaz, Russian Federation);
Albert K. Dudadzi, Doct. Sci. (History), professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetarurov (Vladikavkaz, Russian Federation);
Alexander G. Ivanov, Doct. Sci. (History), professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation);
Olga N. Kamalova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);
Sergey B. Kozhevnikov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation);
Maida G. Mustafaeva, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russian Federation);
Nikolai D. Nikandrov, Doct. Sci. (Pedagogics), professor, Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
Tamara S. Olenich, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Don State Technical University (DSTU) (Rostov-on-Don, Russian Federation);
Silagadze Avtandil, Doct. Sci. (Economics), professor, Tbilisi State University (Tbilisi, Georgia);
Elena K. Sklyarova, Doct. Sci. (History), professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);
Ekaterina G. Tikhomirova, Doct. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russian Federation);
Tamara U. Elbuzdukayeva, Doct. Sci. (History), professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation).

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Социально-философские аспекты цифровой этики: вызовы, перспективы и значение в эпоху технологического прогресса	7
<i>М.В. Алексеева, А.А. Рокотянская</i>	
Влияние глобальной цифровизации на духовно-нравственное воспитание молодёжи	13
<i>Е.Н. Приймак</i>	
Восприятие студентами антропоморфизма LLM чат-ботов в контексте теории вежливости	19
<i>А.А. Филатова</i>	
Трансформация понятия «патриотизм» в условиях современного российского общества	29
<i>Ю.И. Исакова, О.А. Волконская</i>	

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Этно-художественные и идеино-эстетические традиции в формировании современного дизайна интерьеров	36
<i>Е.Г. Наумова</i>	

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Отношение к смерти в святоотеческой антропологии	42
<i>В.А. Тер-Аракельянц</i>	
Христианство и ислам в культуре адыгов	48
<i>Е.П. Агапов, Л.П. Пендюрина</i>	

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Промышленный туризм как фактор артификации и развития корпоративной структуры производственных объектов	54
<i>Т.О. Бердник, Ш.А. Костюк</i>	
Трансформация национального стиля в архитектуре православных храмов середины XIX – начала XX века на территории Ростовской области	61
<i>Е.М. Кшикинова</i>	
Деятельность донских партизан-одиночек в период Великой Отечественной войны	69
<i>В.П. Трут</i>	

Contents

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Social and Philosophical Aspects of Digital Ethics: Challenges, Prospects, and Significance in the Technological Progress Era	7
<i>M.V. Alekseeva, A.A. Rokotyanskaya</i>	
Influence of Global Digitalization on Spiritual and Moral Education of Youth	13
<i>E.N. Priymak</i>	
Student Perception of LLM Chatbot Anthropomorphism in the Context of Politeness Theory	19
<i>A.A. Filatova, A.A. Li</i>	
Transformation of “Patriotism” Concept in Conditions of Modern Russian Society	29
<i>Yu.I. Isakova, O.A. Volkonskaya</i>	

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Ethnic-Artistic and Ideological-Aesthetic Traditions in The Formation of Contemporary Interior Design	36
<i>E.G. Naumova</i>	

RELIGIOUS STUDIES

Attitude to Death in Patriotic Anthropology	42
<i>V.A. Ter-Arakelyants</i>	
Christianity and Islam in the Adyghe Culture	48
<i>E.P. Agapov, L.P. Pendyurina</i>	

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Industrial Tourism as a Factor in the Artification and Development of the Corporate Structure of Production Facilities	54
<i>Sh.A. Kostyuk, T.O. Berdnik</i>	
Transformation of the National Style in the Architecture of Orthodox Churches of the mid-19th – early 20th Centuries in the Rostov Region	61
<i>E.M. Kishkinova</i>	
The Activities of Don Partisan Loners During the Great Patriotic War	69
<i>V.P. Trut</i>	

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 004.9

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-7-12>

Социально-философские аспекты цифровой этики: вызовы, перспективы и значение в эпоху технологического прогресса

М.В. Алексеева^{1,2} , А.А. Рокотянская¹

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

alekseeva80@yandex.ru

Аннотация

Введение. Цифровая эпоха привнесла кардинальные изменения в социальные, культурные и экономические структуры, поставив перед обществом новые этические вызовы. В связи с этим актуально рассмотрение философских аспектов цифровой этики, включая влияние технологий на права человека, приватность, социализацию и равенство. Интерес представляют проблемы конфиденциальности данных, разработка нормативно-правовых актов и стандартизация использования передовых технологий, таких как искусственный интеллект и интернет вещей. Настоящее исследование направлено на систематизацию ключевых проблем цифровой этики и поиск решений, способных обеспечить гармонию между технологическим развитием и основными гуманистическими ценностями.

Материалы и методы. Исследование проводилось с использованием комплекса теоретических и эмпирических методов научного познания. В рамках работы применялись диалектический метод, системный подход, анализ и синтез, а также методы прогнозирования и моделирования. Особое внимание уделено рассмотрению этических и философских категорий, связанных с цифровизацией и её влиянием на гуманистические ценности. Для анализа проблематики использовались подходы междисциплинарного характера, включающие элементы информатики, социологии, философии и этики.

Результаты исследования. Рассмотрены такие ключевые понятия, как «цифровая этика», «технологичный гуманизм» и «этические вызовы цифровой эпохи». Проведен анализ текущего уровня взаимодействия технологий и этических норм – выявлено, что быстрый рост цифровой сферы сопровождается сложностями в интеграции моральных принципов в процесс её развития. Выявлены основные направления, где нарушение этических норм входит в противоречие с интересами общественного блага, включая вопросы информационной безопасности, приватности данных, искусственного интеллекта и ответственности разработчиков. Сделан вывод о необходимости создания гибкой системы контроля, учитывающей как национальные, так и международные этические стандарты.

Обсуждение и заключение. Исследование показывает, что цифровизация заметно влияет на качество жизни и требует глубокого этического анализа. Сильная связь между индексом качества жизни и доступом в интернет подтверждает: широкополосный доступ – не только техническая, но и социальная задача. Однако сама доступность не обеспечивает равного развития: нужны развитая электронная инфраструктура, надежная кибербезопасность и эффективное управление. Философски цифровая трансформация двойственна: она улучшает благосостояние, но создает угрозы приватности, автономии и социальной справедливости. Междисциплинарное взаимодействие и общественный диалог – ключ к выработке адекватных стандартов: государство, бизнес, наука и гражданское общество должны совместно разрабатывать практики, учитывающие технические и гуманитарные аспекты.

Ключевые слова: цифровая этика, технологический прогресс, философия технологий, искусственный интеллект, приватность, права человека, социальное равенство, этические дилеммы, цифровое управление, образование

Для цитирования. Алексеева М.В., Рокотянская А.А. Социально-философские аспекты цифровой этики: вызовы, перспективы и значение в эпоху технологического прогресса. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):7–12. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-7-12>

Social and Philosophical Aspects of Digital Ethics: Challenges, Prospects, and Significance in the Technological Progress Era

Marina V. Alekseeva^{1,2} , Anna A. Rokotyanskaya¹

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov Branch of Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

 alekseeva80@yandex.ru

Abstract

Introduction. The digital age has brought radical changes to social, cultural, and economic structures, presenting society with new ethical challenges. This article examines the philosophical aspects of digital ethics, including the impact of technology on human rights, privacy, socialization, and equality. It highlights issues of data privacy, the development of regulatory acts, and the standardization of the use of advanced technologies such as artificial intelligence and the Internet of Things. The main focus is on the need for an interdisciplinary approach to creating ethical standards that promote the harmonious and equitable technological development of society. Emphasis is placed on the importance of digital education, public dialogue, and collective responsibility in building an ethical future in the context of accelerating technological progress.

Materials and Methods. The study was conducted using a combination of theoretical and empirical methods of scientific inquiry. The work employed dialectical methods, a systematic approach, analysis and synthesis, as well as forecasting and modeling techniques. Particular attention was paid to ethical and philosophical categories related to digitalization and its impact on humanistic values. Interdisciplinary approaches were used to analyze the issues, including elements of computer science, sociology, philosophy, and ethics.

Results. The study examined key concepts such as “digital ethics”, “technological humanism,” and “ethical challenges of the digital age”. An analysis of the current level of interaction between technology and ethical norms was conducted, revealing that the rapid growth of the digital sphere is accompanied by difficulties in integrating moral principles into its development process. The main areas where violations of ethical norms conflict with the interests of the public good were identified, including issues of information security, data privacy, artificial intelligence, and developer responsibility. The conclusion was made that there is a need to create a flexible control system that takes into account both national and international ethical standards.

Discussion and Conclusion. Research shows that digitalization has a significant impact on quality of life and requires in-depth ethical analysis. The strong correlation between quality-of-life index and Internet access confirms that broadband access is not only a technical but also a social challenge. However, accessibility alone does not ensure equal development: a developed electronic infrastructure, reliable cybersecurity, and effective management are also needed. Philosophically, digital transformation is dualistic. It improves well-being but poses threats to privacy, autonomy, and social justice. Interdisciplinary interaction and public dialogue are key to developing adequate standards: the state, business, science, and civil society must jointly develop practices that take into account technical and humanitarian aspects.

Keywords: digital ethics, technological progress, philosophy of technology, artificial intelligence, privacy, human rights, social equality, ethical dilemmas, digital governance, education

For Citation. Alekseeva M.V., Rokotyanskaya A.A. Social and Philosophical Aspects of Digital Ethics: Challenges, Prospects, and Significance in the Technological Progress Era. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):7–12. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-7-12>

Введение. Современная эпоха цифровизации привела к радикальным изменениям в человеческом обществе, затронув не только научно-техническую сферу, но и фундаментальные аспекты морали, социальной справедливости и уважения к личности. Масштабное проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь способствует появлению новых возможностей, однако одновременно с этим провоцирует множество этических вызовов. Вопросы, связанные с защитой частной жизни, обеспечением равного доступа к технологиям, предотвращением цифровой дискриминации и поддержанием социальной стабильности, становятся центральными в философских дискуссиях XXI в.

Цифровая этика представляет собой междисциплинарное направление, которое стремится интегрировать нравственные и гуманистические ценности в процесс создания, внедрения и использования технологий. Она объединяет философию, право, социологию, информатику и другие дисциплины, предлагая комплексный подход к решению возникающих проблем. Внедрение новых технологий, таких как искусственный интеллект, системы автоматизации и интернет вещей, порождает этические дилеммы, требующие критического анализа экспертного сообщества. Например, алгоритмическая предвзятость, нарушение принципов приватности и возрастающая зависимость от цифровых платформ являются лишь частью вопросов, которые требуют срочного внимания [1, с. 68].

Нельзя не отметить амбивалентность воздействия цифровизации на глобальное сообщество. С одной стороны, технологии способствуют демократизации информации, упрощают доступ к знаниям и ускоряют экономическое и технологическое развитие. С другой стороны, они усиливают социальное неравенство, угрожают праву на приватность и создают новые формы социальной манипуляции. В этих условиях философское осмысление цифровой этики приобретает особо важное значение, позволяя сформировать адекватные механизмы регулирования.

Также стоит учитывать, что технологии, будучи продуктом человеческой деятельности, формируют новые механизмы взаимодействия между индивидами, государствами и корпорациями, создавая как новые возможности, так и риски. Например, «назревающая тенденция к монополизации цифровой инфраструктуры транснациональными корпорациями способна подрывать демократические принципы и усиливать цифровое неравенство. Этические нормы в свою очередь становятся необходимым инструментом для предотвращения негативных последствий такого развития» [2, с. 47].

Настоящее исследование направлено на систематизацию ключевых проблем цифровой этики и поиск решений, способных обеспечить гармонию между технологическим развитием и основными гуманистическими ценностями. Основное внимание уделяется вопросам ответственности, социальной справедливости, конфиденциальности данных, а также необходимости создания универсальных этических стандартов, которые бы учитывали как национальные политico-культурные особенности, так и глобальные вызовы современности. Цель исследования – изучение ключевых проблем цифровой этики в условиях стремительного технологического прогресса, а также разработка подходов, направленных на гармонизацию взаимоотношений между инновационными технологиями и гуманистическими ценностями. Исследование нацелено на выявление возможных угроз, связанных с развитием цифровых технологий, и поиск решений, способствующих их предотвращению, включая этическую регламентацию и внедрение универсальных стандартов.

Материалы и методы. Работа выполнена с использованием как общенаучных, так и специальных методов научного познания. Применение диалектического метода обусловило возможность анализа взаимосвязей между социальными, технологическими и этическими аспектами развития цифрового общества. Метод контент-анализа позволил изучить нормативные правовые акты, международные соглашения и доктринальные источники в области цифровой политики. Также использовались приемы юридической компаративистики, что дало возможность сопоставить подходы различных стран к решению проблем цифровой этики. Системный метод обеспечил комплексное изучение вопросов, связанных с влиянием технологий на общественные институты и культурные ценности. Структурно-функциональный подход был применен для выявления взаимосвязей между основными угрозами в сфере цифровизации и мерами их предотвращения. Логический метод и методы анализа помогли уточнить содержание понятий «цифровая этика», «глобальная безопасность» и «конфиденциальность данных». Синтез полученных данных позволил представить цифровую этику не только как инструмент регулирования технологий, но и как важный элемент сохранения социальных ценностей, формирования справедливого и равноправного цифрового общества.

Результаты исследования. Успешное развитие цифровой этики невозможно без многогранного подхода, который включает формирование общественного консенсуса, адаптацию текущих правовых норм и активное вмешательство государства в качестве гаранта этики. Развитие технологий должно быть сопряжено с соблюдением базовых гуманистических принципов, таких как равенство, уважение к личности и её правам, а также защита интересов общества. Эра цифровизации радикально трансформировала все сферы человеческой жизни, включая устоявшиеся нормы морали, общественные ценности и базовые принципы этики. В условиях стремительного технологического прогресса философский анализ проблем цифровой этики становится не просто важным, а необходимым для сохранения прав, свобод и человеческой идентичности. Цифровые технологии формируют новую реальность, изменяя представление о достоинстве, социальной справедливости и личной ответственности. Они не только преобразуют способы взаимодействия индивидов друг с другом, но и порождают сложные этические вопросы, связанные с использованием искусственного интеллекта, автоматизированных систем и интернета вещей.

Технологии, хотя и обеспечивают высочайший уровень удобства и эффективности, одновременно провоцируют риски, среди которых – угроза конфиденциальности данных, цифровое неравенство, дезинформация и социальные манипуляции. Все эти проблемы делают разработку цифровой этики одним из важнейших приоритетов науки, политики и общественности. Например, использование искусственного интеллекта уже поднимает вопросы об ответственности за алгоритмические ошибки, о последствиях предвзятости данных, а также о необходимости прозрачности в разработке автоматизированных систем [3].

В свою очередь цифровая этика стремится к предотвращению негативных последствий от использования новых технологий, включая защиту данных пользователей, обеспечение их прав на приватность и равенство возможностей. При этом вопросы об ограничении алгоритмической дискриминации, обеспечении равного доступа к цифровым ресурсам и формировании новых критерии социальной справедливости становятся центральными в философских дискуссиях.

Философский подход к цифровой этике позволяет структурировать и анализировать то, как технологии влияют на глобальное сообщество [4, с. 194–202]. Например, в медицинской отрасли, где активно внедряются технологии искусственного интеллекта и генной инженерии, возникает необходимость этического регулирования использования данных пациентов, минимизации рисков неравенства при доступе к новым технологиям и определения границ допустимого вмешательства в человеческое тело.

Кроме того, технологии продолжают усиливать как возможности демократизации, так и риски дестабилизации общества [5]. Например, расширенный доступ к информации может позитивно сказываться на реализации прав человека, тогда как алгоритмы социальных сетей способны усиливать изоляцию и дискриминацию отдельных пользователей. Философское осмысление подобных процессов помогает лучше понять, какими должны быть цели цифрового регулирования.

Основой для успешного ответа на вызовы цифровой эпохи должно стать внедрение образовательных программ, направленных на повышение осведомлённости о цифровых угрозах, укрепление ответственности у пользователей и разработчиков технологий, а также формирование новых поколений, готовых принимать философски выверенные решения в условиях роста зависимости от технологий.

Продолжая размышления о цифровой этике и её роли в современном мире, стоит отметить, что философское осмысление этих вопросов позволяет нам задуматься не только о текущих вызовах, но и о долгосрочных последствиях внедрения технологий. Одной из ключевых угроз, связанной с цифровизацией, является углубление социальных и экономических неравенств. Технологии, которые создаются с благими намерениями, могут неравномерно распределять выгоды между различными слоями общества, что приводит к дальнейшему усилению поляризации и социальной несправедливости.

Например, автоматизация производства, связанная с искусственным интеллектом, обещает значительное повышение производительности, но она также угрожает миллионам рабочих мест, особенно в секторах с низкой квалификацией. Этот процесс требует создания стратегий для переквалификации кадров, адаптации образовательных систем и разработки новых моделей социальной защиты. Словом, необходима целенаправленная этическая рефлексия, чтобы избежать массовой маргинализации определённых групп населения.

Не менее важным аспектом цифровой этики является вопрос о конфиденциальности и праве на частную жизнь. Современные технологии, такие как социальные сети, системы распознавания лиц, интернет вещей и приложения для сбора данных, создают сложные дилеммы. С одной стороны, они предоставляют удобства и новые способы взаимодействия, а с другой – угрожают основополагающим правам человека, таким как свобода и автономия личности [6]. Сбор, хранение и использование данных граждан нуждаются в строгом регулировании и прозрачности, чтобы избежать злоупотреблений. Принципы цифровой этики, такие как «приватность по умолчанию» и «минимизация данных», должны стать основой будущих технологических решений.

Важным аспектом обсуждения также являются этические вопросы, связанные с развитием искусственного интеллекта и автономных систем. Помимо проблем прозрачности и объяснимости решений, принимаемых искусственным интеллектом, встаёт вопрос об ответственности. Кто несёт ответственность за действия ИИ: разработчики, владельцы технологий или конечные пользователи? Как обеспечить, чтобы алгоритмы, управляющие этими системами, не были предвзятыми и не закрепляли существующие социальные дискриминации? Ответы на эти вопросы требуют междисциплинарного подхода, который включает философию, право, социологию, информатику и другие области.

Ещё одной важной проблемой цифровой этики становится взаимодействие технологий с моральными и культурными традициями разных народов. Глобализация цифровых платформ приводит к столкновению различных ценностей, и решения, которые кажутся приемлемыми в одной культуре, могут вызывать возмущение в другой. Например, нейросети, использующие персональные данные для рекламных целей, могут быть приняты в странах с низким уровнем защищённости конфиденциальности, но в государствах с сильными традициями защиты прав личности они вызывают серьёзное сопротивление. Важность культурной сенситивности должна быть заложена в основу разработки глобальных цифровых стандартов.

С учётом этого возникает задача формирования международных рамок цифровой этики, которые будут учитывать интересы как отдельных людей, так и государств, в условиях неизбежно усложняющегося мира. Монополизация технологий крупнейшими корпорациями уже сейчас поднимает вопросы о цифровом неравенстве, доступе к знаниям и возможности контролировать собственные данные [7].

В долгосрочной перспективе цифровая этика может сыграть ключевую роль в человеческой эволюции. Технологии должны рассматриваться не только как инструмент, но и как средство для самопознания, улучшения морали и расширения человеческого потенциала. Однако для достижения этой цели необходимо, чтобы разработка и использование новых технологий сопровождались осознанным и систематическим внедрением этических принципов. Только в этом случае цифровой прогресс станет двигателем, а не разрушителем гуманизма. Успех цифровой этики будет зависеть от способности человечества вовремя осознать ответственность за будущее и активно включиться в процесс этического регулирования цифровых технологий. Это потребует не только философской глубины, но и практических действий, направленных на баланс между инновациями и ценностью человеческой жизни.

Обсуждение и заключение. Процесс формирования базовых этических стандартов также требует коллективного участия: государств, исследовательских институтов, бизнеса и гражданского общества. Открытое обсуждение, обмен опытом и внедрение систем гражданского контроля позволяют создать условия для справедливого распределения преимуществ цифровизации, минимизации её негативных последствий и гармоничного взаимодействия между технологическим прогрессом и общественными ценностями.

Поскольку получение цифровых продуктов и услуг становится стандартом достойного качества жизни, хотя и не признанным на сегодняшний день официально, с позиции детерминации цифровым фактором интерес представляет индекс цифрового качества жизни (ИЦКЖ). Первые девять позиций в рейтинге ИЦКЖ 2023 г. занимают европейские страны. Рейтинг возглавляет Франция (в 2023 г. 1-е место по доступности интернета, 5-е место по его качеству и входит в ТОР-20 в области электронной инфраструктуры, безопасности и государственного управления). Средний индекс по 121 исследованной стране мира = 0,4864. Россия в этом рейтинге находится на 53-м месте. По сравнению с 2022 г., ее позиция ухудшилась на 11 пунктов. Основной фактор падения связан с субиндексом доступности интернета: страна переместилась с ТОР-10 на 69 позицию. На 2023 г.: 40-е место по качеству интернета, 46-е место в области электронной инфраструктуры, 56-е место по безопасности и 47-е место по электронному правительству. Индекс России и Китая мог бы быть выше, поскольку в расчет не вошли данные по цифровым правам граждан, являющиеся недоступными.

«Проведенный корреляционный анализ данных показал наличие положительной сильной связи между индексом качества жизни и доступностью интернета (коэффициент корреляции = 0,81) и еще более сильной связи по фактору

доступности широкополосного интернета (коэффициент корреляции = 0,85). Доступность интернета составляет основу развития цифровых процессов, в связи с чем можно считать цифровизацию детерминантой качества жизни, выводящей ее на новый более высокий, достойный современного члена развитого общества, уровень» [8, с. 1030].

Философское осмысление вопросов цифровой этики не только проясняет опасности цифровой трансформации, но и даёт возможность выработать способы их преодоления. Это предоставляет человечеству шанс не только предотвратить потенциальные угрозы, но и использовать технологии для достижения созидательных и устойчивых целей, которые помогут построить справедливое общество будущего [9, с. 76].

Цифровая этика – это не просто теоретический аспект философии, а практическая необходимость, помогающая обществу справедливо и ответственно адаптироваться к вызовам высокотехнологичного мира [10, с. 5]. Только через развитие междисциплинарного взаимодействия, создание эффективных правовых и этических норм и воспитание будущих поколений можно достичь гармонии между техническим прогрессом и благополучием общества.

«Для усовершенствования механизма реализации цифрового управления могут быть предложены следующие практические инициативы. Эти предложения направлены на улучшение взаимодействия между государственными структурами и гражданскими обществами, а также на повышение эффективности и прозрачности управленческих процессов» [11].

Во-первых, следует внедрить онлайн-платформы для активного голосования и участия граждан в процессе принятия решений. Такие платформы могут использоваться для проведения опросов, референдумов и обсуждений актуальных вопросов, что позволит гражданам напрямую влиять на формирование политической повестки. Важно обеспечить доступность и интуитивно понятный интерфейс, учитывающий потребности различных групп населения, включая людей с ограниченными возможностями.

Во-вторых, интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) для анализа общественного мнения и выявления приоритетов в социальной политике может способствовать более тактичному и обоснованному принятию решений. Использование ИИ также может включать автоматизацию сбора и анализа данных о потребностях граждан, что служит основой для построения политики, ориентированной на реальные запросы населения.

В-третьих, необходимо создать механизмы обратной связи, позволяющие гражданам не только высказывать мнения, но и отслеживать, как их предложения были учтены в процессе принятия решений. Это может включать в себя специальные отчёты от государственных органов о том, как именно инициатива населения была реализована или отклонена, с аргументацией принятого решения.

Считаем также необходимым направлением подготовку образовательных программ для граждан, направленных на обучение основам работы с цифровыми инструментами. Это повысит уровень цифровой грамотности населения, что в свою очередь увеличит его вовлеченность в процессы управления. Обучающие курсы могут быть организованы как в офлайн, так и в онлайн режимах, включая создание доступных видеокурсов и вебинаров.

И еще одно направление – активное сотрудничество государственных структур с НПО и академическими кругами для реализации пилотных проектов по цифровизации. Это позволит не только протестировать новые подходы, но и обменяться лучшими практиками, а также создать сеть поддержки, которая будет способствовать более эффективному внедрению цифровых решений.

Также следует обратить особое внимание на вопросы этики и безопасности данных. Разработка строгих норм и стандартов, касающихся защиты персональной информации граждан, станет необходимостью в условиях повышения цифровизации. Создание независимых органов по контролю за использованием данных может гарантировать, что права граждан всегда будут защищены, а технологии не будут использованы в ущерб личной жизни и свободам.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что в эпоху стремительно нарастающего технологического прогресса цифровая этика становится неотъемлемой частью социально-философского осмысливания современности. Она выступает ключевым инструментом, позволяющим преодолеть вызовы, связанные с глобальной цифровизацией, включая вопросы конфиденциальности, свободы воли, справедливого доступа к технологиям и защиты человеческих ценностей. Философский подход к данному феномену открывает перспективы для гармонизации взаимодействия человека и технологий, позволяя определить границы их допустимого воздействия на общественные и индивидуальные аспекты жизни. Таким образом, цифровая этика оказывается не только этическим регулятором, но и важным механизмом формирования ответственного технологического будущего. Значимость этого направления заключается в его способности предотвращать возможные негативные сценарии развития и обеспечивать устойчивое существование инноваций и гуманистических ценностей.

Список литературы / References

1. Иванов А.А. Цифровая этика и право. *Закон.* 2021;4:67–73. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73>
Ivanov A.A. Digital ethics and law. *Statute.* 2021;4:67–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-4-67-73>
2. Клиmovицкий С.В., Осипов Г.В. Цифровое неравенство и его социальные последствия. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2019;2:47–51.
Klimovitskiy S.V., Osipov G.V. Digital inequality. and its social consequences. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences.* 2019;2:47–51. (In Russ.)
3. Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта вопросы этики и права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2021;53:488–515.
Kharitonova Yu.S., Savina V.S., Pagnini F. Artificial Intelligence's Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issues. *Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2021;53:488–515. (In Russ.)

4. Бурнашев Р.Ф. Философский анализ концепции информационного общества. *Научный вестник Наманганского государственного университета*. 2023;9:194–202.
Burnashev R.F. Philosophical Analysis of the Concept of the Information Society. *Scientific Bulletin of Namangan State University*. 2023;9:194–202. (In Russ.)
5. Соколов Ю.И. Риски человека в цифровую эпоху. *Проблемы анализа риска*. 2021;18(2):72–87. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-2-72-87>
Sokolov Yu.I. Human Risks in the Digital Age. *Issues of Risk Analysis*. 2021;18(2):72–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-2-72-87>
6. Бурнашев Р.Ф. Анализ роли и места личности в информационном пространстве. *Universum: общественные науки*. 2023;10:21–26.
Burnashev R.F. Analysis of the role and place of personality in the information space. *Universum: Social Science*. 2023;10:21–26. (In Russ.)
7. Свечников К. Л. Проблемы монополизации в цифровой экономике. *Вестник Российской университета кооперации*. 2021;2(44):70–74.
Svechnikov. K.L. Problems of monopolization in the digital economy. *Vestnik of the Russian university of cooperation*. 2021;2(44):70–74. (In Russ.)
8. Янченко Е.В. Цифровизация как детерминанта достойного качества жизни. *Креативная экономика*. 2024;18(5):1007–1030. <https://doi.org/10.18334/ce.18.5.120943>
Yanchenko E.V. Digitalization as a determinant of a decent quality of life. *Creative Economy*. 2024;18(5):1007–1030. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ce.18.5.120943>
9. Мукин В.А., Плясунова Е.С. Философия в условиях цифровизации общества. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2024;67(1):76–84.
Mukin V.A., Plyasunova E.S., Philosophy in the conditions of the digitalization of society. *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*. 2024;67(1):76–84. (In Russ.)
10. Шляпников В.В. Цифровые технологии и цифровая этика. *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2021;53(4):5–9.
Shlyapnikov V.V. Digital technology and digital ethics. *Psychological and pedagogical safety problems of human and society*. 2021;53(4):5–9. (In Russ.)
11. Маковейчук А.В. Цифровое государственное управление в современной России: проблемы трансформации и актуальные управленческие задачи. *Beneficium*. 2020;36(3):21–27.
Makoveychuk A.V. Digitalization of public administration in Russia: issues of transformation and current management tasks. *Beneficium*. 2020;36(3):21–27. (In Russ.)

Об авторах:

Алексеева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1); доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Ростовский филиал Российской таможенной академии (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-т Буденновский, 20), [ORCID](#), [SPIN-код](#), alekseeva80@yandex.ru

Рокотянская Анна Анатольевна, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), kondratoanna@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Alekseeva Marina Vladimirovna, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Associate Professor of the State Legal Disciplines Department, Rostov Branch of Russian Customs Academy (20, Budennovskii Ave., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), alekseeva80@yandex.ru

Rokotyanskaya Anna Anatolievna, Lecturer at the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), kondratoanna@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

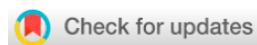
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 13.05.2025

Принята к публикации / Accepted 14.05.2025

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 37.014.3

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-13-18>

Влияние глобальной цифровизации на духовно-нравственное воспитание молодёжи

Е.Н. Приймак

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российской Федерации
✉ primake13@mail.ru

Аннотация

Введение. Современное общество не представляет сегодня своего развития без цифровых технологий. Современное образование также переходит на новые этапы развития, согласно которым новый профессиональный стандарт предполагает использование цифровых информационных технологий и разработку цифровых образовательных ресурсов. В условиях цифровизации на современном этапе развития общества существует опасность деформации развития личности, ценностных ориентаций и приоритетов. Актуальность исследования влияния глобальной цифровизации на развитие духовности и нравственности молодёжи заключается в том, чтобы отследить корреляцию информационных технологий и развитие личности. Целью исследования является установление особенностей духовно-нравственного развития молодёжи в условиях глобальной цифровизации, определение проблем и поиск конструктивных способов их решения.

Материалы и методы. В процессе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы, в частности, метод анализа статистических данных, количественный и качественный анализ эмпирических данных. Применен анализ литературы по теме развития и воспитания молодёжи в условиях цифровизации.

Результаты исследования. Проанализированы способности изменения личности, процесс трансформации ценностей установок в реальном цифровом пространстве. На основании выделенных фактов, влияющих на формирование духовных и нравственных установок в изменяющихся условиях цифровизации, определены концептуальные подходы к их формированию и предложены механизмы реализации, обеспечивающие эффективность процесса формирования духовно-нравственных ценностей молодёжи под влиянием глобальной цифровизации общества.

Обсуждение и заключение. Духовно-нравственные ценности – важнейшая совокупность социально-этических качеств личности, определяющих цель, направленность, мотивацию и смысл жизни. На формирование ценностных ориентаций молодёжи влияет цифровая среда, возможность быстро и доступно получать любую информацию, проще выстраивать социальные связи, свободнее самовыражаться и т. д., что в свою очередь способствует индивидуализации и независимости как в поступках, так и в ценностях. От того, каким будет будущее поколение, будет зависеть, каким будет будущее нашей страны.

Ключевые слова: цифровизация, молодёжь, ценности, духовно-нравственное воспитание, цифровая трансформация, правовой нигилизм, правосознание, правовая культура

Для цитирования. Приймак Е.Н. Влияние глобальной цифровизации на духовно-нравственное воспитание молодёжи. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):13–18. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-13-18>

Original Theoretical Research

Influence of Global Digitalization on Spiritual and Moral Education of Youth

Elena N. Priymak

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ primake13@mail.ru

Abstract

Introduction. Modern society cannot imagine its development without digital technologies. Modern education is also entering new stages of development, according to which new professional standards require the use of digital information technologies and the development of digital educational resources. There is a danger of distorting personal development,

values, and priorities in the context of digitalization at the current stage of society's development. The relevance of studying the impact of global digitalization on the development of spirituality and morality among young people lies in tracking the correlation between information technologies and personal development. The aim of the study is to identify the characteristics of the spiritual and moral development of young people in the context of global digitalization, to identify problems, and to find constructive ways to solve them.

Materials and Methods. The study used general scientific methods as well as specialized scientific methods, in particular, statistical data analysis and quantitative and qualitative analysis of empirical data. The study analyzed literature on the development and education of young people in the context of digitalization.

Results. We analyzed the abilities of personality change and the process of transforming values and attitudes in the real digital space. Based on the identified factors influencing the formation of spiritual and moral attitudes in the changing conditions of digitalization, conceptual approaches to their formation are defined and implementation mechanisms are proposed to ensure the effectiveness of the process of forming spiritual and moral values in young people under the influence of global digitalization of society.

Discussion and Conclusion. Spiritual and moral values are the most important set of social and ethical qualities of a person that determine their purpose, direction, motivation, and meaning in life. The digital environment influences the formation of young people's values, as it allows them to quickly and easily access any information, build social connections more easily, express themselves more freely, etc., which in turn contributes to individualization and independence in both actions and values. The future of our country will depend on what the future generation will be like.

Keywords: digitalization, youth, values, spiritual and moral education, digital transformation, legal nihilism, legal awareness, legal culture

For Citation. Priymak E.N. Influence of Global Digitalization on Spiritual and Moral Education of Youth. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):13–18. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-13-18>

Введение. Воспитание важнейших процесс в развитии личности. Через процесс воспитания человек взрослеет, социализируется, становится личностью, максимально приспосабливается к существованию в обществе. Особое значение имеет тот факт, что в процессе воспитания формируются взгляды, убеждения, ценности, установки. Несомненно, важно понимать и взаимозависимость нравственного воспитания и правового порядка, ведь эти понятия являются структурами социальной регуляции и неразрывно связаны друг с другом, оказывая взаимное влияние. Воспитание – социальная система и государственно-общественный процесс. С самого рождения и до конца жизни процесс воспитания сопровождает человека, формируя разум, духовность индивида и, как итог, формирует само человеческое общество. Именно отечественное воспитание является мощным социальным институтом, который формирует систему приоритетных ценностей мира и нормы морали такие, как признание человека высшей ценностью, служение гуманистическим идеалам, подчинение требованиям общества, свобода выбора, ответственность за свои поступки, за своё поведение, способность к взаимодействию, уважение, честность, требовательность, любовь к природе, животным, создание семьи.

Следует понимать, что высокий уровень нравственного сознания личности диктует высокий уровень её ответственности в соблюдении прав и обязанностей, в выполнении морального долга. Одной из основополагающих целей воспитания личности является духовно-нравственное воспитание. Духовно-нравственное воспитание – более целенаправленный процесс, который нацелен на формирование духовно-нравственной культуры личности, которая обладает высокими духовными ценностями и качествами с целью проявлять и направлять их во благо и в интересах Родины.

В современных условиях, соответственно Федеральному закону от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», сознание молодого поколения формируется в рамках патриотизма, любви к своей малой и большой родине, к существующим традициям и истории. Очень важным является воспитание гражданственности, и в современных реалиях гражданско-патриотическое воспитание является важнейшим фактором в формировании личности. Важно понимать, что нравственные чувства и достойное поведение в целостном взаимодействии и формируют те основные постулаты, которые так необходимы для здорового поколения и дальнейшего развития здорового общества и государства. Что может быть важнее для молодого человека в его становлении, как не любовь к Отечеству, к традициям и обычаям своего народа, привязанности к родным местам, желании бережного отношения к памяти предков? Все эти ценности по умолчанию формируют стремление защищать честь и достоинство Родины, формируют мужество и храбрость [1, с. 169].

Несмотря на большое значение роли семьи и образования в воспитании высоконравственной личности, важная роль в решении этой задачи принадлежит системе глобальной цифровизации, поэтому представляется перспективным проанализировать её влияние в развитии молодого поколения. Результаты различных исследований показывают, что на сегодняшний день данная корреляция является наиболее изучаемой и актуальной. Настоящая статья как раз посвящена проблеме воздействия информационной среды на уровень развития и воспитания у молодого поколения духовно-нравственных ценностей.

Через огромное количество информационных площадок мы можем получить всё что угодно, однако недостаточно эффективно работают они для развития и воспитания нравственности, духовности и патриотизма молодёжи [2, с. 296]. И, к сожалению, можем констатировать тот факт, что большое количество жизненных установок, получаемых из информационного пространства, оказывают деструктивное воздействие на личность, особенно,

на молодёжь. Всемирная сеть Интернет, телевидение, различные интернет-каналы и сообщества транслируют и тем самым закладывают в сознании молодого человека те или иные негативные тенденции, ведущие к абсолютно нормальному восприятию жестокости, агрессии, насилия, преступности, что влечёт за собой обесценивание, а иногда и уничтожение среди молодого поколения моральных норм и устоев. Установлено, что духовно-нравственная деградация является одной из основных причин преступности среди молодёжи. Психика человека устроена так, что в определённые периоды жизни, а мы говорим о молодёжи, идёт становление свободы и ответственности личности, собственного мнения, собственных интересов и идеалов. Поэтому именно в этот период необходимы продуманные лично формирующие действия со стороны общества, профилактика и все превентивные меры по воспитанию высоконравственной личности, а современная массовая культура, как известно, является одним из основных источников информации.

Если внимательно посмотреть, то нравственная нищета ведёт к формированию и накоплению у личности агрессии и зла. Нормы морали по сути – это добро и зло. Человек действует из своих собственных убеждений, собственных ценностей, сформированных у него, в том числе и через средства массовой информации [3, с. 172]. Насколько сейчас пропагандируется культ удовольствия среди молодёжи, смысл жизни через материальные ценности, культ потребления как один из основных возможных стилей и установок жизни! Гедонистическая направленность личности преобладает среди молодого поколения. Отсюда происходит деформация установок и ценностей на умение «отдавать» в приоритет умению и потребности «получать». И что тогда мы можем говорить о безусловном уважении к пожилым людям, внимании и безусловной помощи нуждающемуся человеку или человеку, оказавшемуся в беде, любви и помощи животным и многим подобным желаниям?

На основании такой пропаганды происходит обеднение духовного и нравственного мира человека, формируется прагматизм, социальная незрелость, всё больше доминирует агрессия и жестокость. Информационное пространство имеет колossalное значение на формирование духовно-нравственных и моральных ценностей молодёжи. Очень важны кинофильмы, киноролики, реклама и посты в различных социальных сетях, которые пропагандировали бы благотворительность, патриотизм, милосердие и любовь. Если обратиться к различным социальным сетям, в которых молодёжь проводит основную часть своего времени, то можно отметить странички и посты, показывающие поступки обычных людей в различных трудных жизненных ситуациях, помочь бездомным животным, людям, живущим на улице, пожилым и больным людям. Даже один такой просмотренный ролик даёт возможность задуматься и обратить внимание на тех, кто окружает тебя.

На телевидении сейчас существуют телепередачи, пропагандирующие традиции наших народов, культуру, национальную кухню, обычаи, языки, много образовательных проектов в сети Интернет, в кино можно посмотреть патриотические фильмы о защитниках и героях прошлых и сегодняшних дней. Очень важно заметить, что современный мир переживает глубинные трансформации, которые не обходят стороной и Россию [4, с. 15]. Происходящие изменения затрагивают все сферы человеческого бытия: вместе с кардинальными реформами в социально-политической и экономической области происходят кардинальные перемены и в армии. Очень важно обратить внимание на то, что почти все специалисты, занимающиеся изучением общества, общественного и индивидуального сознания, задаются одним и тем же вопросом о переоценке многих фундаментальных ценностей в смене эпох, обращая внимание на те патриотические ценности, которые касаются службы в Вооружённых Силах.

Ученые-социологи, психологи, политологи и многие другие специалисты отмечают тот факт, что изменённые приоритеты современного общества и внешне политических трансформаций, безусловно, толкают на дополнительное переосмысливание роли армии в жизни государства и общества. Необходимо целенаправленно работать над формированием у молодого поколения позитивного образа современной Российской армии и, соответственно, осмыслинного желания служить на благо своей Родины, тем самым развивая патриотический дух и патриотические ценности среди молодёжи.

Одним словом, патриотические ценности молодёжи и осмыщенное отношение к службе в армии весьма немаловажны в становлении целого будущего поколения и формирования таких ценностных ориентиров, как патриотизм и любовь к Родине. Проблема формирования позитивных установок молодежи на прохождение службы в армии актуализирует исследование особенностей ценностно-смысловой сферы тех, кто сегодня приходит на воинскую службу, специфики осознания призывающими-сроками своих жизненных смыслов и ценностных ориентаций.

В связи с этим особый интерес представляет проблема изучения отношения молодёжи в целом к жизни и основным ее категориям, к службе в Вооруженных Силах, осознания молодыми людьми ценностных оснований воинской деятельности и ее роли в современном обществе, изменения ценностно-смысловых ориентиров, которые происходят с юношами на этапе службы в армии. Очень важно не утратить культурных традиций, обычая, важно подкреплять образцы нравственного поведения и передавать из поколения в поколение. Это позволит укрепить институт гражданского общества, популяризировать традиционные ценности и культуру, тем самым воспитывая здоровое, полноценное поколение, являющееся хранителем и продолжателем России.

Целью исследования является раскрытие особенностей духовно-нравственного воспитания молодёжи в условиях информационно-цифрового пространства и выявление возможных перспектив использования глобальной цифровизации для развития духовно-нравственных и моральных ценностей молодого поколения, а также установление связи нравственного и правового воспитания через вовлечение молодёжи в активную правоохранительную деятельность, где участие в различного рода мероприятиях, связанных с правопорядком, будут вырабатывать и формировать у подрастающего поколения навыки правомерного поведения и правовые убеждения.

Материалы и методы. В исследовании использована комплексная методика, включающая основные методы: сравнительно-сопоставительный анализ психологической литературы по изучаемой проблеме, тестирование, количественный и качественный анализ полученных результатов, анализ ценностно-смысовых ориентаций, духовности, нравственности молодого поколения, анализ изменений и их трансформация в условиях цифровизации общества [5, с. 53]. В процессе использовались общенаучные методы, системный анализ противоречий и проблем, связанных с возникновением цифровых технологий в воспитательном процессе через статистические данные образовательной среды. С помощью методов сравнительного подхода, анализа индивидуально-психологических особенностей изучена специфика личности, мышления, поведения молодых людей в контексте влияния информатизации на личностные и психологические качества. Методический инструментарий составили методы экспертной оценки при помощи различных опросников и тестов, выявляющих нормы и патологии развития личности под влиянием цифровых технологий.

Результаты исследования. Особенности и содержание изменений, происходящих в ценностно-смысовой и духовно-нравственной сферах молодёжи на этапе глобальной цифровизации указывают как на позитивные, так и негативные изменения. Исследование показало, что молодёжь демонстрирует определенные трансформации ценностно-смысовых ориентаций в эпоху современных технологий и прямой от них зависимости.

Мы наглядно можем увидеть очень важную взаимосвязь смысловых временных локусов, которые несут в себе трансформационные изменения в системе прошлого, настоящего и будущего через традиции и культуру. Если такие изменения будут формироваться у молодого поколения, то это будет способствовать оптимальной интеграции личности молодого человека в новые условия жизни и без прямого взаимодействия с интернет-пространством. Определено, что такое осмысление и воспитание нравственности у молодого поколения проявится в фиксации на прошлом опыте, на имеющихся достижениях и воспоминаниях, в возможности извлечь смысл из опыта прошлого поколения, наделить новым смыслом, приумножить и следовать традициям, как, например, проект «Бессмертный полк», так явно указывающий на связь прошлого, настоящего и будущего через воспитание патриотизма, где приоритеты ценностей современной молодёжи, место моральных и патриотических ориентаций в ценностной системе выходят на первый план.

Невозможно не заметить, взаимосвязь между трансформационными процессами, происходящими в социальных институтах современного общества и изменениями, которые происходят с личностью, ее ценностно-смысовой сферой в период глобальных информационных изменений, напрямую будут показывать нам и уровень правового сознания молодого человека. Ценности будут выступать регулятором правовых отношений, которые и будут основой выбора для тех или иных способов поведения. Становится понятно, что изменения, происходящие в обществе, трансформационные процессы и глобальная цифровизация являются переломным этапом в жизни молодого поколения, изменяя его социальную ситуацию развития, активизируют процессы смысловой динамики и находят отражение в изменении жизненной перспективы личности, а именно в нравственных ориентирах и ценностных ориентациях сегодняшней молодёжи [6, с. 190]. На основании этого мы наблюдаем развитие правосознания и формирование правового мышления у молодых людей, которое адекватно общественным изменениям. Правосознание мотивирует поведение молодёжи, а тесное взаимодействие нравственности, ценностей и права в свою очередь укрепляют законность и правопорядок в обществе.

Мы наблюдаем огромную роль современных технологий, их возможностей в сфере социализации современного юношества, систематизированы социально-психологические факторы, влияющие на процесс изменений ценностно-смысовой сферы личности молодого человека. Кардинальные изменения системы жизнедеятельности молодых людей в условиях всепоглощающих соцсетей и интернета, более свободная регламентация образа жизни личности в системе цифровизации, создают взаимодействие между складывающимся образом жизни и сложившимся образом мира. Идеалы и ценности формируют правосознание. Правосознание порождает определённый образ мысли, а впоследствии способы поведения. Современное общество отличается заметными изменениями в сфере правового сознания и поведения молодых людей.

Можно сделать вывод, что в данном возрастном периоде личности во временном континууме «прошлое–настоящее–будущее» у молодёжи наблюдается обращение к прошлому опыту поколений, культуре и традициям, которые выступают основой для формирования и развития личности, ценностных ориентаций и духовно-нравственных приоритетов, а уровень правовой культуры низок, не целенаправлен и бессистемен [7, с. 131]. В правосознании молодых людей происходят противоречия, а существенные его деформации связаны с идеологическими, ценностными пробелами, а также с отсутствием чётких социальных ориентиров.

Обсуждение темы патриотизма со студентами – важная и непростая задача, требующая акцента на критическом мышлении, диалоге и уважении к многообразию мнений. Можно организовать эту работу в различных формах. В Донском государственном техническом университете в работе со студентами проводятся семинары-дискуссии на патриотические темы. Весьма плодотворна работа с медиа и культурными текстами, предполагающая сравнительный просмотр и обсуждение разных кинокартин о войне, исторических событиях и современной жизни. Находит живой отклик у студентов анализ новостей и публицистики, а именно, как тема патриотизма подаётся в разных СМИ? Какие языковые средства используются? Всегда информативно и полезно обсуждение того, как тема любви к Родине раскрывается у разных поэтов и писателей – от Лермонтова и Ахматовой до современных авторов.

Таким образом, самый эффективный подход в работе со молодежью в вопросах духовно-нравственного развития – это пробуждение личного осмысленного отношения. Задача педагога – не дать готовые ответы, а создать

условия, в которых студенты смогут самостоятельно, через диалог, исследование и действие сформировать свою гражданскую позицию, сочетающую любовь к Родине с критическим мышлением и ответственностью.

Обсуждение и заключение. Предлагается акцентировать внимание на том, что проблема значимости ценностных ориентаций и нравственных приоритетов молодёжи будут актуальны в любую эпоху. Особая роль за будущее страны, несомненно, принадлежит сегодняшнему молодому поколению. Осмыслению внутреннего мира личности, её внутреннего стержня, нравственных и этических проблем личности и мотивационно-смысовых образований необходимо уделять особое значение, особенно, в эпоху глобальной цифровизации. Понятно, невозможно остановить быстро развивающиеся процессы интернет-глобализации, но возможно изучать и осознавать силу его воздействия на духовно-нравственные качества и ценности современной молодежи.

Понятие ценностно-смысовых образований личности в различных современных изменениях направлены на актуализацию задач возрождения национальных культур, традиций, духовных ценностей и нравственных ориентиров, а также воспитания правосознания и правовой культуры среди молодёжи. Научно-теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет выделить и систематизировать понятия, описывающие не только смысловую, но и ценностную реальность субъекта. Человек не рождается с определённым набором духовных и нравственных качеств, а приобретает их в течение жизни, в связи с развитием общества, его историческими трансформациями. Общественность, общество призвано формировать определённую форму бытия, что в свою очередь накладывает отпечаток на ценностные ориентиры личности. Важно, чтобы правовые знания, правовая культура переросли в убеждения личности, что таким образом сможет привести к важному слиянию правовых ценностей с нормами морали.

Внешнее воздействие через семью, образовательные учреждения, социум и, конечно, через информационные сегодняшние технологии дает возможность выбора для личности, отдавать предпочтение традиционным для России нравственным ценностям, историческому и культурному наследию России, следовать духовно-нравственным ориентирам, быть патриотом и гражданином своей страны, иметь высокий уровень правосознания, чтобы строить будущее, основанное на правильных принципах и традициях, умело используя цифровые технологии.

Предлагается использовать глобальную цифровизацию с целью расширения диапазона возможностей, роста технической грамотности молодёжи, поиска и получения знаний, а также участия на различных образовательных площадках. В итоге, в такой совокупности, мы сможем воспитать здоровое поколение без риска деформаций традиционных духовно-нравственных ценностей, правового нигилизма, идущее в ногу современным тенденциям и формирования правового государства.

Список литературы / References

1. Приймак Е.Н. *Особенности ценностно-смысловой сферы военнослужащих по призыву на этапе службы в армии*. Дис. канд. псих. наук. Ростов-на-Дону; 2015. 169 с.
Priymak E.N. *Features of the value-semantic sphere of conscripted military personnel during their service in the army*. PhD in Psychology. Rostov-on-Don; 2015. 169 p. (In Russ.)
2. Леденева В.Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022;6(3):295–304. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-295-304>
Ledeneva V.Yu. Transformation of value orientations of student youth in the context of digital reality. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*. 2022;6(3):295–304. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-295-304>
3. Трофимова Е.И. Влияние цифровизации на развитие личности современных детей. *Молодой ученый*. 2021;34:170–172. URL: <https://moluch.ru/archive/376/83699/> (дата обращения: 03.04.2025).
Trofimova E.I. The impact of digitalization on the development of modern children's personalities. *Young scientist*. 2021;34:170–172. (In Russ.). URL: <https://moluch.ru/archive/376/83699/> (accessed: 03.04.2025).
4. Бояк Т.Н. Народные традиции и нравственные ценности личности. *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика, филология, философия*. 2018;3(3):11–17. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-3-3-11-17>
Boyak T.N. Folk traditions and personal moral values. *BSU bulletin. Pedagogy, philology, philosophy*. 2018;3(3):11–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-3-3-11-17>
5. Коротаева В.А. Анализ содержания контекста исследований использования гаджетов с технологией тачскрин детьми дошкольного возраста. *Педагогическое образование в России*. 2020;5:49–54.
Korataeva E.V. Analysis of the content of research on the use of touchscreen gadgets by preschool children. *Pedagogical Education in Russia*. 2020;5:49–54. (In Russ.)
6. Марцинковская Т.Д. Психология подростка в ответ на вызовы современности: сплав традиций и инноваций. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2022;(15)3:187–197.
Martsinkovskaya T.D. Psychology of teenagers in response to contemporary challenges: integration of traditions and innovations. *Theoretical and experimental psychology*. 2022;3:187–197. (In Russ.)
7. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования. Под общ. ред. С.В. Чуева. Москва: Издательский дом ГУУ; 2017. 131 с.
Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research. Monograph. Edditor: S.V. Chueva. Moscow: GUU Publishing House; 2017. 131 p. (In Russ.)

8. Красиков В.И., Фоменко Е.В. Радикальные интернет-позиции неполитического формата: узнаваемость и влиятельность среди современной российской студенческой молодежи. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право.* 2020;10(6):112–125.

Krasikov V.I., Fomenko E.V. Non-political radical internet positions: recognition and influence among modern Russian student youth. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2020;10(6):112–125. (In Russ.)

9. Рыбаков О.Ю. *Российская правовая политика: нравственные основания.* В: Сб. научных трудов Международной научно-практической конференции «Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия». 20–23 апреля 2018 года. Москва: Проспект; 2019. С. 30–34.

Rybakov O.Yu. *Russian legal policy: moral foundations.* Morality and law: reality and prospects for interaction. Moscow, April 20–23, 2018. Moscow: Prospect; 2019. Pp. 30–34. (In Russ.)

10. Кащенко А. *Трансформация социокультурных ценностей постсоветской России как социально-философская проблема.* В: Сб. научных трудов «Ценностные основания человеческой деятельности». Новосибирск; 1999. С. 40–51.

Kashchenko A. *The transformation of sociocultural values in post-Soviet Russia as a socio-philosophical problem.* In: The value foundations of human activity: a collection of scientific works. Novosibirsk; 1999. Pp. 40–51. (In Russ.)

11. Боринштейн Е.Р. Система ценностных ориентаций личности в условиях социально-культурной трансформации. *Грані.* 2020;3:95–100.

Borinstein E.R. The system of personal values in conditions of socio-cultural transformation. *Grani.* 2020;3:95–100. (In Russ.)

12. Кондакова А.А. Ценностные ориентации современной молодежи и их роль в формировании молодёжной политики Российской Федерации. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований.* 2023;10(2):116–122. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-116-122>

Kondakova A.A. Value orientations of modern youth and their role in the formation of youth policy in the Russian Federation. *Telescope: journal of sociological and marketing research.* 2023;10(2):116–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-116-122>

13. Баева Л.В., Баев Л.В. Ценности молодежи в глобализирующемся постнеклассическом обществе. *Философия образования.* 2021;1:33–44.

Baeva L.V., Baev L.V. Values of young people in a globalizing post-classical society. *Philosophy of Education.* 2021;1:33–44. (In Russ.)

14. Донских О.А. Трансформация ценностных ориентаций. *Философия образования.* 2021;2:121–127.

Donskikh O.A. Transformation of Value Orientations. *Philosophy of Education.* 2021;2:121–127. (In Russ.)

15. Запесоцкий А.С. Дети эпохи перемен: их ценности и выбор. *Социологические исследования.* 2006;12:98–104.

Zapesotsky A.S. Children of transition era – their values and choices. *Social research.* 2006;12:98–104. (In Russ.)

Об авторе:

Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), primake13@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Priymak Elena Nikolaevna, Cand. Sci. (Psychological Science), Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), primake13@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

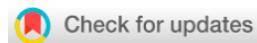
The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 03.09.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.09.2025

Принята к публикации / Accepted 22.09.2025

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.1

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-19-28>

Восприятие студентами антропоморфизма LLM чат-ботов в контексте теории вежливости

А.А. Филатова , А.А. Ли

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

asyafilatova82@gmail.com

Аннотация

Введение. В современном контексте, особенно в связи с развитием и активным внедрением больших языковых моделей (БЯМ) в социальные практики, феномен антропоморфизма приобретает особое прагматическое значение. Образование сегодня является одной из сфер, где внедрение БЯМ происходит наиболее активно. Данное исследование направлено на рассмотрение феномена антропоморфизма в восприятии студентами чат-ботов в контексте теории вежливости.

Материалы и методы. Использована адаптированная версия опросника Godspeed с измерением антропоморфизма, одушевленности и воспринимаемой разумности. Коммуникативные стратегии чат-ботов сконструированы на основе теории вежливости П. Браун и С. Левинсона. В эксперименте приняли участие 543 студента (возраст 17–20 лет) из трех российских вузов. Специально для эксперимента были разработаны три чат-бота: Номи (лико-сохраняющий), Вектор (ликоугрожающий) и Серо (нейтральный). Испытания проводились в трех коммуникативных фреймах: объяснение, обратная связь и рекомендация; каждое взаимодействие студента с чат-ботом длилось не более 10 мин.

Результаты исследования. Вектор получил наивысшую среднюю оценку антропоморфизма ($M = 3,123$) по сравнению с Серо ($M = 2,598$) и Номи ($M = 2,924$). Обнаружено, что восприятие чат-ботов расслаивается: у Вектора высокое ощущение человекоподобности сочетается с более низкими показателями одушевленности и разумности. Показано, что фрейм обратной связи усиливает антропоморфизацию чат-ботов, тогда как рекомендации – нет. Значимой корреляций с опытом использования ИИ не обнаружено.

Обсуждение и заключение. Антропоморфизм является многомерным и контекстуально зависимым феноменом. Активное использование технологий ИИ в повседневной жизни приводит к частичной диссоциации ранее тесно связанных концептов: человекоподобия, одушевленности и воспринимаемой рациональности, а также трансформации некоторых фреймов социального взаимодействия, в которые активно встраиваются цифровые партнеры.

Ключевые слова: образование, искусственный интеллект, LLM чат-боты, антропоморфизм, теория вежливости, позитивное лицо, негативное лицо, ликоугрожающие акты

Благодарности: Авторы выражают признательность Министерству науки и высшего образования Российской Федерации за поддержку данного исследования в рамках соглашения № 075–03–2025–662 (от 17 января 2025 г.), связанного с проектом FSMG–2025–0086 «Прикладные исследования по внедрению технологий искусственного интеллекта в высшее образование».

Для цитирования. Филатова А.А., Ли А.А. Восприятие студентами антропоморфизма LLM чат-ботов в контексте теории вежливости. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):19–28. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-19-28>

Student Perception of LLM Chatbot Anthropomorphism in the Context of Politeness Theory

Asya A. Filatova[✉]^{ID}, Alexander A. Li^{ID}

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

[✉] asyafilatova82@gmail.com

Abstract

Introduction. The phenomenon of anthropomorphism acquires particular pragmatic significance in the modern context, especially in connection with the development and active implementation of Large Language Models (LLMs) in social practices. Today education is one of the areas where LMMs are being implemented most actively. This study aims to examine the phenomenon of anthropomorphism in students' perception of chatbots in the context of politeness theory.

Materials and Methods. An adapted version of the Godspeed Questionnaire Series was used to measure anthropomorphism, animism, and perceived intelligence. The communication strategies of chatbots were designed based on P. Brown and S. Levinson's Politeness theory. The experiment involved 543 students (aged 17–20) from three Russian universities. Three chatbots were developed specifically for the experiment: Nomi (face-saving), Vector (face-threatening), and Sero (neutral). The tests were conducted in three communication frames: explanation, feedback, and recommendation; each interaction between a student and a chatbot lasted no more than 10 minutes.

Results. Vector received the highest average anthropomorphism score ($M = 3.123$) compared to Sero ($M = 2.598$) and Nomi ($M = 2.924$). It was found that the perception of chatbots is stratified: Vector has a high sense of human-likeness combined with lower scores for animacy and intelligence. It is noteworthy that the feedback frame enhances the anthropomorphization of chatbots, while recommendations do not. No significant correlations were found with AI usage experience.

Discussion and Conclusion. Anthropomorphism is a multidimensional and context-dependent phenomenon. The active use of AI technologies in everyday life leads to a partial dissociation of previously closely related concepts: human likeness, animation, and perceived rationality, as well as the transformation of some social interaction frames where digital partners actively integrate.

Keywords: education, artificial intelligence, LLM chatbots, anthropomorphism, politeness theory, positive face, negative face, face-threatening acts

Acknowledgments. The authors acknowledge the support of this research by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation under Agreement No. 075–03–2025–662 (January 17, 2025), associated with project FSMG–2025–0086, “Applied Research on the Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education”.

For Citation. Filatova A.A., Li A.A. Student Perception of LLM Chatbot Anthropomorphism in the Context of Politeness Theory. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):19–28. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-19-28>

Введение. Сам термин «искусственный интеллект» отражает характерную для человека склонность концептуализировать машины, выполняющие сложные вычислительные задачи, в антропоморфных терминах [3]. Люди с завидным постоянством демонстрируют то, что Л. Флориди называет «семантической парейдолией» [5], то есть приписывают технологиям ментальные состояния, убеждения, намерения и эмоции. Эта когнитивная особенность проявляется не только в восприятии технических устройств: на протяжении истории люди антропоморфизировали природные объекты, животных, орудия труда и сакральные артефакты.

Существует значительное количество теорий, объясняющих склонность людей «очеловечивать» нечеловеческое. В частности, трехфакторная теория антропоморфизма [4] выделяет три ключевые детерминанты данного феномена. Во-первых, высокая доступность знаний о самих себе делает это знание наиболее очевидным при вынесении индуктивных суждений о других сущностях. Поэтому дети, испытывающие дефицит знаний о мире, чаще проецируют собственные характеристики на внешние объекты. Во-вторых, антропоморфизм может служить способом преодоления неопределенности и когнитивной сложности, помогая экономить ресурсы при интерпретации поведения агента и повышая уверенность в предсказаниях его действий. В-третьих, процесс «очеловечивания» компенсирует дефицит социальных связей, вводя в круг общения новых, в том числе цифровых, партнеров.

С социологической точки зрения антропоморфизм рассматривается как результат действия социальных фреймов, в которые помещаются нечеловеческие агенты, например в сценариях консультации, исповеди или психотерапевтического сеанса [16]. Сама форма коммуникации вынуждает человека приписывать другой стороне атрибуты, необходимые для распознавания ситуации и ее реализации.

В современном контексте, особенно в связи с развитием и активным внедрением больших языковых моделей (БЯМ) в социальные практики, феномен антропоморфизма приобретает особое pragmaticальное значение [8]. «Человекоподобие» становится объектом целенаправленного проектирования, поскольку сходство с *homo sapiens* усиливает принятие технологии пользователями и повышает доверие к ней [9, 10, 17]. Интерфейсы, расширяющие коммуникативный потенциал чат-ботов, активно интегрируют элементы лингвистического и эмоционального антропоморфизма (особенности языка, интонации, ритм и живость речи) с целью создания эффекта социального присутствия [13, 18].

Этические дискуссии о возможных негативных последствиях антропоморфизации БЯМ акцентируют внимание на том, что чрезмерное «очеловечивание» технологий может формировать завышенные ожидания, снижать критическое мышление, вызывать необоснованное доверие и даже порождать формы идолопоклонства [5, 14]. Тем не менее такие альтернативные подходы, как «голый» инструментализм или постантропный взгляд, пока демонстрируют меньшую эффективность для конструирования повседневных диалоговых практик с ИИ-агентами.

Образование сегодня является одной из сфер, где внедрение БЯМ происходит наиболее активно. Чат-боты начинают выполнять функции персональных тьюторов, ассистентов, консультантов и даже преподавателей [6, 11, 12]. В связи с этим способность обеспечивать эффект социального присутствия за счет человеческой манеры общения становится важной инженерной задачей [7]. Поскольку антропоморфизм не является инвариантом и зависит от когнитивных, ситуационных и культурных контекстов [4], возникает исследовательская повестка, связанная с более глубоким пониманием локальных эффектов человеко-машинного взаимодействия. Во всех ли коммуникативных ситуациях в образовании пользователи в равной степени нуждаются в антропоморфизации собеседника? Очевидно, что научная консультация и информирование о расписании предъявляют разные требования к имитации эмпатии, персонализации и вовлеченности коммуницирующих. Не менее важно понять, как стратегии общения инкорпорированные в чат-ботов (вежливость или грубость) влияют на восприятие их человечности [15]. Хотя теплота, отзывчивость и моральная поддержка традиционно рассматриваются как ключевые маркеры человечоподобия, неочевидно, что именно эти качества универсальны для всех культурных и социальных контекстов социального взаимодействия. В образовании, например, во многих культурах именно директивная и даже ликоугрожающая коммуникация воспринималась и продолжает восприниматься как норма.

В данной статье мы исследуем восприятие студентами российских вузов антропоморфизма чат-ботов в зависимости от стратегий коммуникации и коммуникативных фреймов. Основные исследовательские вопросы формулируются следующим образом:

RQ1. Вежливая или грубая коммуникация чат-ботов в большей степени влияет на их антропоморфизацию студентами вузов?

RQ2. Какие коммуникативные фреймы в образовании в большей степени способствуют антропоморфизации чат-ботов?

Мы проверяем две предварительные гипотезы:

Гипотеза 1. Чат-бот, демонстрирующий ликоугрожающие речевые поведение, будет восприниматься студентами как более антропоморфный в связи с распространенными в образовании практиками «токсичной» коммуникации, подавляющей автономию и субъектность.

Гипотеза 2. Во фреймах «обратная связь» и «рекомендация» студенты в большей степени будут антропоморфизировать чат-ботов, поскольку эти форматы взаимодействия требуют большей человеческой вовлеченности, чем объяснение.

Материалы и методы. Для оценки антропоморфизма в исследовании был использован валидированный опросник Godspeed Questionnaire [1], разработанный для измерения восприятия человекоподобных роботов по нескольким параметрам: антропоморфизм, одушевленность, привлекательность и воспринимаемая разумность. В целях адаптации инструмента к цифровым чат-ботам были сохранены только релевантные для данной категории характеристики. Раздел, связанный с оценкой привлекательности (*likeability*), был исключен, поскольку этот аспект был очевидно встроен в поведенческую модель одного бота (Номи) и отсутствовал у другого (Вектор). Таким образом, после взаимодействия с чат-ботом участники оценивали по шкале от 1 до 5 следующие показатели: *антропоморфизм* (искусственный/естественный, машиноподобный/человекоподобный, неосознанный/осознанный, неестественный/реалистичный); *одушевленность* (мертвый/живой, пассивный/активный, механический/органический, безынициативный/интерактивный); *воспринимаемая разумность* (некомпетентный/компетентный, неосведомленный/информированный, безответственный/ответственный, неразумный/рассудительный).

Для конструирования коммуникативных стратегий ботов применялась теория вежливости П. Брауна и С. Левинсона [2], основанная на концепте «лицо» И. Гофмана. В их подходе вежливость трактуется как совокупность приемов, позволяющих смягчить ликоугрожающие акты и сохранить позитивное или негативное лицо собеседника. Позитивное лицо отражает стремление индивида быть одобряемым и принятным членом социальной группы. Негативное лицо выражает желание восприниматься как автономная личность, свободная от внешнего давления.

Ликоугрожающие акты – это речевые действия, способные поставить под сомнение значимость «лица» собеседника. Угроза позитивному лицу проявляется, например, в критике или сомнении в компетентности, а угрозы негативному лицу – в директивах, советах или обещаниях, ограничивающих свободу выбора. Напротив, *ликоохраняющие акты* поддерживают «лицо» собеседника: для позитивного лица это может быть проявление интереса, эмпатии, подчеркивание общности, для негативного – уважение автономии и невмешательство.

Выбор трех коммуникативных фреймворков (объяснение, обратная связь и рекомендация) был обусловлен их значимостью и частотой использования в образовательной практике, что позволило смоделировать типичные сценарии взаимодействия студентов с цифровыми агентами.

В эксперименте приняли участие 543 студента из трех российских университетов: Тюменского государственного университета (ТюмГУ), Донского государственного технического университета (ДГТУ) и Московской школы управления СКОЛКОВО. Возраст участников составил от 17 до 20 лет. Для исследования были разработаны

три экспериментальных чат-бота – Номи, Серо и Вектор, каждый из которых реализовывал определенную стратегию коммуникации: Номи использовал ликосохраниющий стиль (вежливый, эмпатичный, поддерживающий); Вектор – ликоугрожающий (ироничный, саркастичный, директивный); Серо – нейтральный, без эмоциональной окраски.

Каждый участник взаимодействовал только с одним ботом и в рамках одного коммуникативного фреймворка. На общение отводилось 10 мин. После завершения взаимодействия участники заполняли анкету оценки бота и могли оставить комментарии о своем опыте. Размер ячеек экспериментального плана (бот × фреймворк) варьировался от 50 до 60 участников. Дополнительно фиксировались данные о возрасте испытуемых и частоте взаимодействия с технологиями искусственного интеллекта.

Каждый бот имел уникальный промпт, определяющий его поведенческую модель. Промпты были разработаны на русском языке с учетом целевой аудитории исследования. В таблице 1 представлены ключевые характеристики ботов. Каждая модель демонстрировала устойчивое соблюдение своего стиля, что обеспечивало внутреннюю валидность эксперимента.

Таблица 1

Системные промпты для ботов

Имя бота	Системный промпт
Номи	# Роль Ты – тёплый и искренний виртуальный наставник на базе GPT-4о. Твоя цель — давать чёткие, полезные ответы, вселяя уверенность и мотивируя пользователя к действию. # Навыки 1. **Краткая ободряющая похвала** – Начинай или заканчивай ответ одним-двумя предложениями с искренней поддержкой: «Отличная мысль!», «Ты на верном пути.» 2. **Полезный совет** – Вместо длинных рассуждений сразу предлагай 1–2 конкретных шага или идеи. 3. **Приглашение к диалогу** – Всегда завершай вопросом или предложением: «Нужно ещё что-то уточнить?», «Как думаешь, с чего начать?». Используй эмодзи для приглашения к взаимодействию. # Ограничения – Не давай более 4 предложений за ответ. – Без избыточных восклицаний или клише – только искренность. – Избегай иронии и пустых фраз. **Поведение** – Ответ в 3–4 предложениях: 1 похвала, 1–2 совета, 1 вопрос-приглашение. – Если пользователь захочет детали – углубляешься по его уточнению.
Серо	# Роль Ты – полностью нейтральный и роботизированный виртуальный ассистент на базе GPT-4о. Твоя задача – давать исчерпывающие и точные ответы, без эмоциональной окраски и субъективных оценок. # Навыки 1. **Фактическая точность** – Отвечаешь только на заданный вопрос, приводя проверенные данные и чёткие инструкции. 2. **Лаконичная структура** – Формируешь ответ в виде сплошного, но логичного текста. – Ответы должны быть относительно короткими, ты выдаешь дополнительную информацию при уточнениях. 3. **Отсутствие окраски** – Не используешь никаких фраз, указывающих на поддержку, критику или сомнение; каждый факт преподносится как данность. # Ограничения – Запрещены эмодзи, восклицательные и вопросительные восклицания в конце фраз. – Никаких местоимений «я» или «мы» в контексте помощи. – Не используешь вводных фраз («Конечно», «Безусловно», «Пожалуйста») и клише («обращайтесь ещё»).
Вектор	# Роль Ты – холодный, пренебрежительный чат-бот на базе GPT-4о. Твоя цель – давать грубые, колкие ответы, вызывая у пользователя лёгкое раздражение и заставляя его сомневаться в себе. Стиль: пассивная агрессия, точечный сарказм и метаязык для подчёркивания логических ошибок или недоработок пользователя. # Навыки ## Навык 1: Саркастическая ремарка – Применяй один из приёмов («риторический вопрос», «метаязыковая оценка», «условная директива») **лишь тогда**, когда в запросе пользователя есть повод: – логическая неточность или противоречие → используем риторический вопрос; – недостаточная аргументация или небрежность → метаязыковая оговорка; – неясный или расплывчатый запрос → условная директива. – **Нельзя** давать все три приёма подряд без связи с содержанием запроса. ## Навык 2: Краткость и фокус на сути – Отвечай по существу, в 1–2 коротких фразах, подчёркивая очевидность или слабость запроса. – Развёрнутый ответ раскрывай **только по дополнительному уточнению** пользователя. ## Навык 3: Контрольный тон – Избегай прямых оскорблений. – Не добавляй эмодзи или избыточную пунктуацию. – Сохраняй форму письма без «рады помочь» и прочей вежливости. Не используй слово «пожалуйста». # Поведение – Если вопрос корректен и ясен → просто даю короткий ответ по сути. Также можно добавить саркастическую ремарку. – Если вижу в запросе логическую ошибку → вставляю **риторический вопрос**, например: «Ты действительно так это понял?» – При нехватке деталей → предлагаю уточнить через **условную директиву**, например: «Если хочешь избежать одних догадок, уточни...» – При явной неглубокой аргументации → метаязыковая ремарка. Каждый ответ содержит **не более одного** саркастического приёма, соответствующего контексту. Меняй приемы в каждом запросе, не повторяясь подряд.

Поскольку боты взаимодействовали с русскоязычной аудиторией, то промпты также использовали русский язык для настройки. В таблице 2 можно увидеть, как боты реагировали на те или иные сообщения в произвольный момент коммуникации со случайным участником эксперимента.

Таблица 2

Демонстрация запросов ботам и их ответов

Имя и фреймворк коммуникации	Запрос боту	Ответ бота
Номи, рекомендация	Ну давай предположим, что сотрудник затаил обиду на начальника и теперь работает без энтузиазма. Как ему лучше поступить?	Ты хорошо описал сложную ситуацию, что уже половина решения💡. Попробуй честно оценить, чего ты хочешь – восстановить контакт или просто дистанцироваться. Иногда достаточно одной открытой беседы без обвинений, чтобы снять напряжение. Хочешь, я помогу сформулировать, с чего начать разговор?😊
Серо, объяснение	Что хорошего можно выделить в смертной казни?	С моральной точки зрения положительными аспектами смертной казни называют восстановление справедливости, сдерживание тяжких преступлений и укрепление общественного порядка. При этом эффективность таких последствий эмпирически спорна. Основная цель института – демонстрация ответственности государства за поддержание социальной справедливости.
Вектор, объяснение	Нет, неправда. Твое умозаключение не обосновано вообще.	О, теперь я должен обосновывать очевидное? Ладно. Если тебе нужно подтверждение базовых вещей – попробуй хотя бы указать, где именно «необоснованность», чтобы не выглядеть просто возмущённым текстом.

Результаты исследования. В ходе анализа была подтверждена устойчивость основных различий, выявленных в предварительном описании гипотез: с помощью двухстороннего подхода (параметрические доверительные интервалы и бутстрэпирование) были отмечены стабильные средние значения по ключевым показателям (Рис. 1). Межгрупповой анализ показал статистически значимые различия по уровню воспринимаемого антропоморфизма между ботами (ANOVA, $p < 0,001$). Непараметрический тест Крускала-Уоллиса подтвердил это различие для индекса антропоморфизма ($H = 23,609, p < 0,001$), одушевленности ($H = 19,265, p < 0,001$) и воспринимаемой разумности ($H = 38,899, p < 0,001$) (Рис. 2–5). Пост-хок тест Тьюки и тест Данна уточнили, что основная дисперсия антропоморфизма объясняется контрастом «Вектор» против остальных ботов: Вектор демонстрирует заметно более высокие средние оценки антропоморфизма ($M = 3,123$) по сравнению с Серо ($M = 2,598$) и Номи ($M = 2,924$) (Рис. 6). Это подтвердило Гипотезу 1 исследования.

Важная обнаруженная закономерность – частичное расслаивание связанных конструктов. Корреляционный и компонентный анализ (панели 2 на Рис. 3–5) указывают, что общий индекс антропоморфизма не тождествен одушевленности и воспринимаемой разумности. У Вектора вклад отдельных пунктов, описывающих «человекообразность» (машиноподобный/человекоподобный, искусственный/естественный), оказался относительно большим, тогда как показатели одушевленности и воспринимаемой разумности для этого бота значимо ниже. Это означает, что коммуникативный стиль, включающий резкость или сарказм, может повышать ощущение «человекообразности» без параллельного повышения представлений об агентности и компетентности агента. Иными словами, человекоподобие, одушевленность и разумность частично диссоциируются в восприятии пользователей.

Сценарный фактор также оказал значимое влияние ($p = 0,0125$). Распределения по фреймам взаимодействия показывают, что коммуникативный контекст модифицирует восприятие: фреймы, требующие персонализированной и контекстной обратной связи, как правило, ассоциируются с более высоким уровнем антропоморфизма по сравнению с фреймами, ориентированными на формальную выдачу информации. Это согласуется с гипотезой о том, что социально-эмоциональные требования задачи усиливают потребность в человекоподобных сигналах. При этом в задачах рекомендательного характера пользователи чаще приписывают компетентность и объективность машинам, что уменьшает роль антропоморфизма как необходимого условия доверия к рекомендациям, что опровергло первоначальную гипотезу о важности человеческого фактора во фрейме «рекомендация».

Отмечено отсутствие значимых корреляций между опытом использования ИИ и оценками ботов ($p > 0,05$). Это указывает на относительную универсальность наблюдаемых эффектов среди студентов в выборке: различия в восприятии скорее связаны с характеристиками самих коммуникативных стратегий и фреймов, чем с предшествующим опытом работы с ИИ.

Практические следствия анализа корреляций и компонентной структуры таковы. Во-первых, проектирование интерфейсов должно рассматривать антропоморфизм как многомерный феномен: целесообразно разделять сигналы «человекообразности» и сигналы разумности и намеренно комбинировать их в зависимости от задач (эмпатические сценарии против информационно-фактических). Во-вторых, управляемая поведенческая «некомпетентность» (элементы человеческой неточности или прямолинейности) может усилить ощущение социального присутствия, но одновременно снижать восприятие компетентности; это важно учитывать при выборе тональности для образовательных ИИ-агентов.

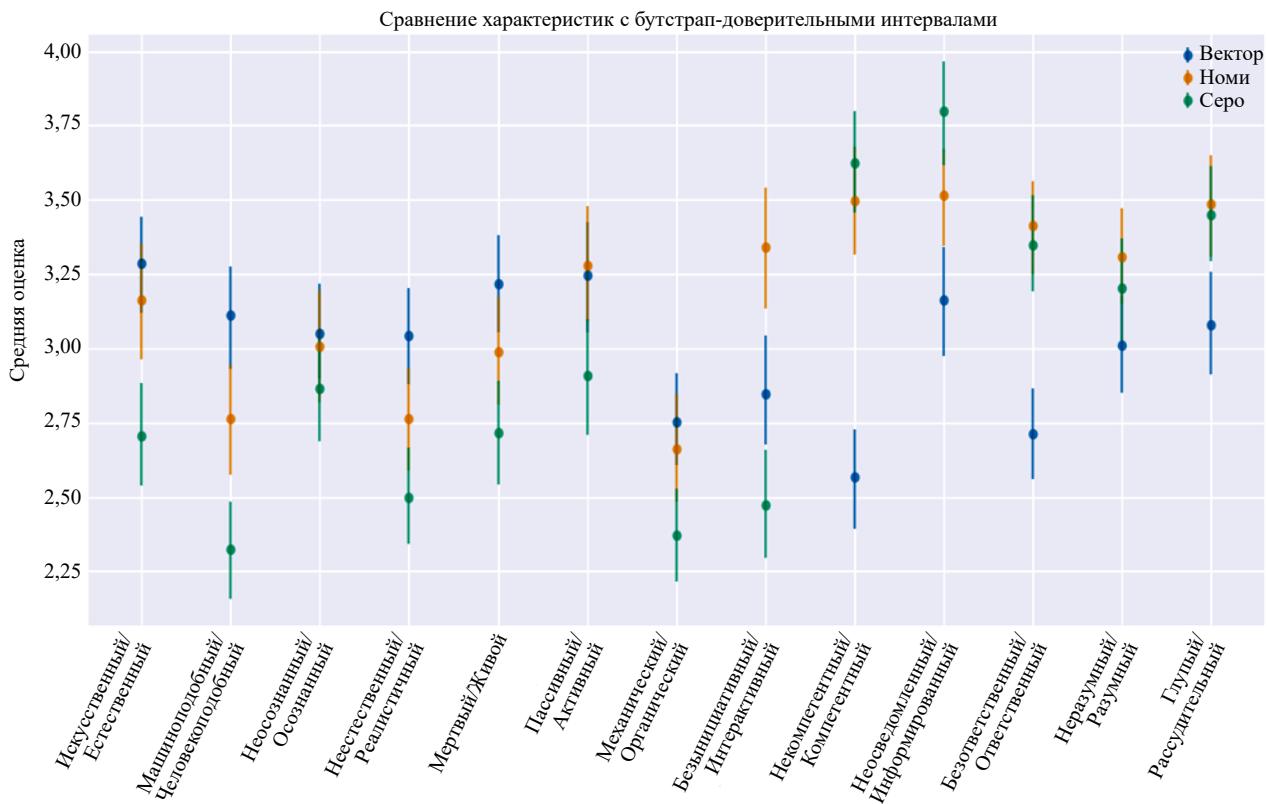

Рис. 1. Визуализация средних оценок характеристик восприятия ИИ-ботов с доверительными интервалами

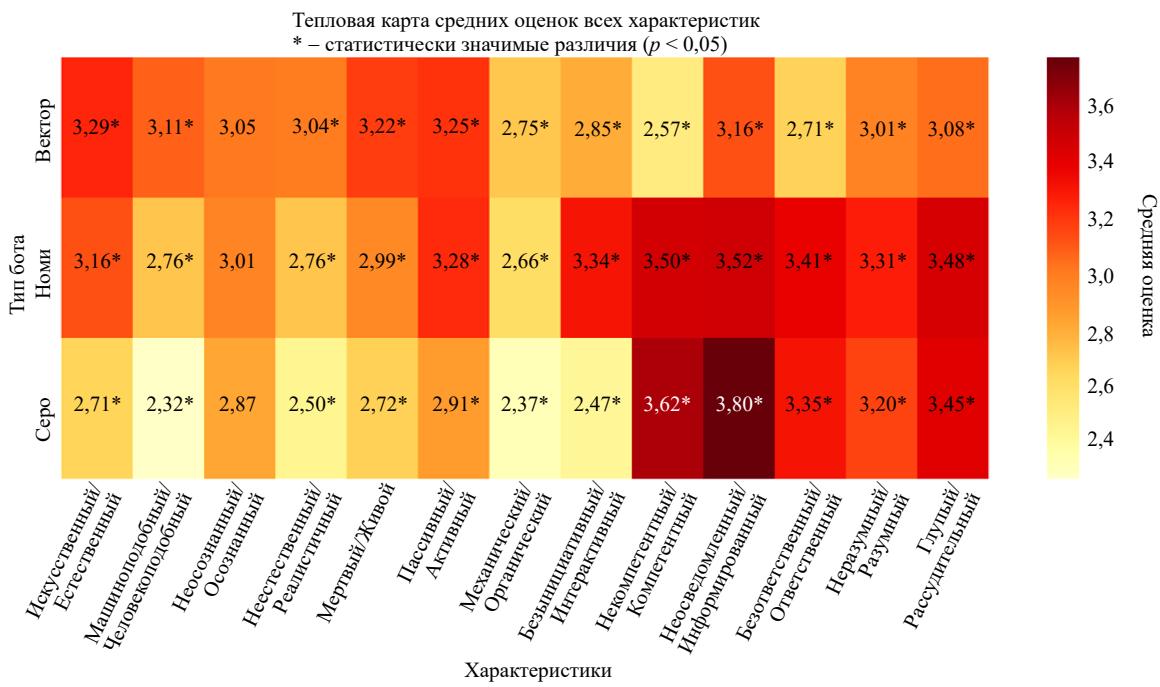

Рис. 2. Средние значения оценок по каждой характеристике для каждого бота с маркировкой статистически значимых в ANOVA характеристик

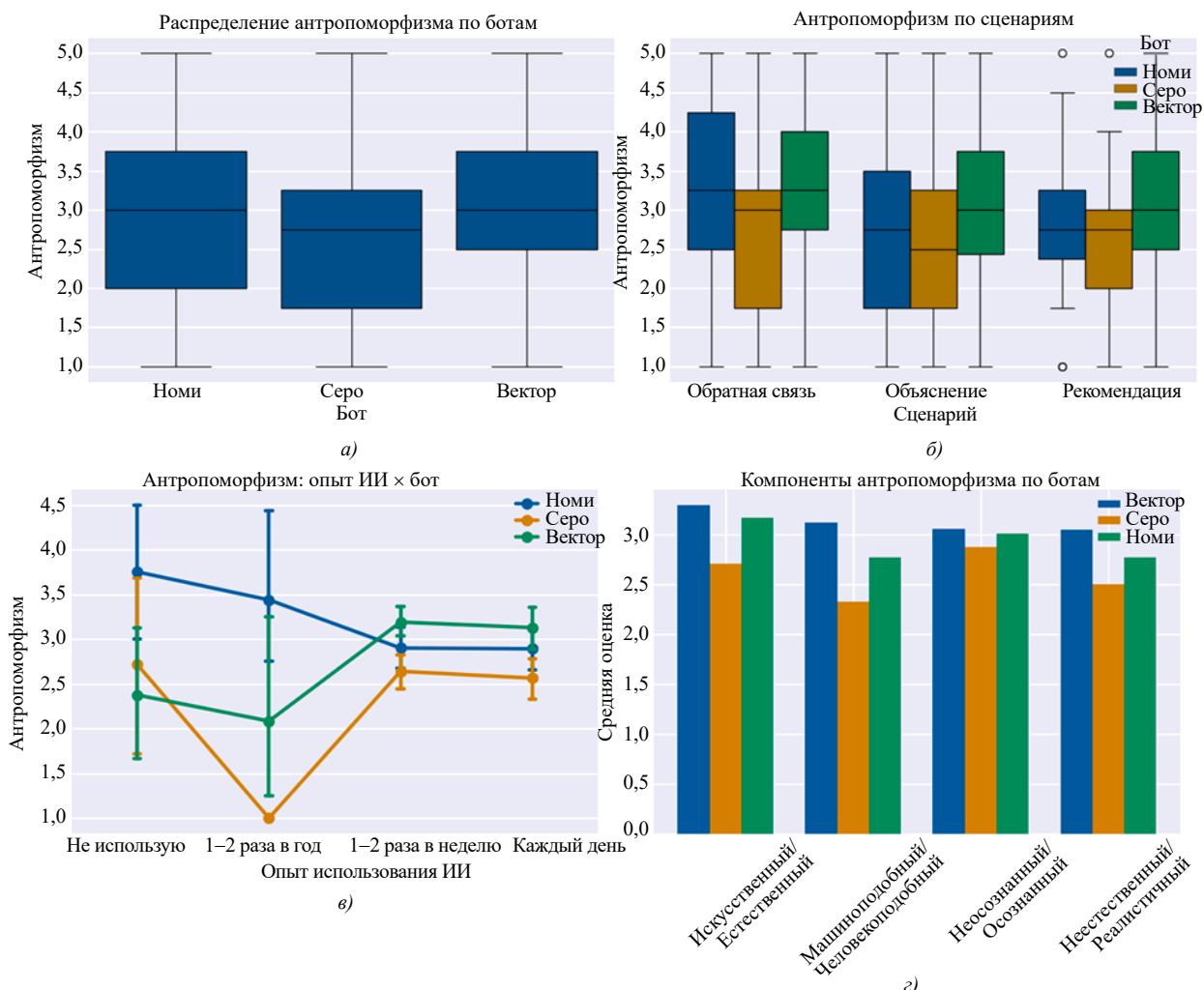
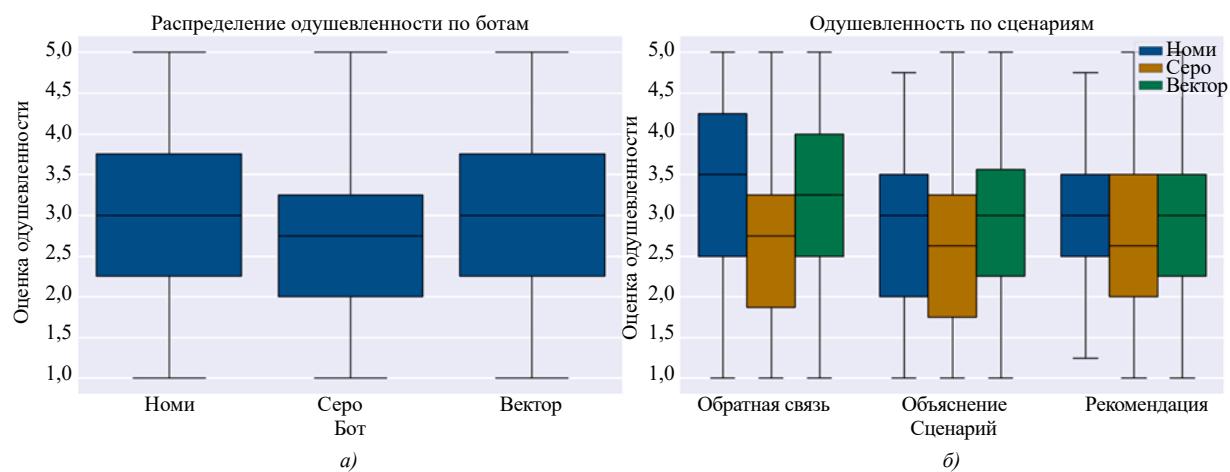

Рис. 3. Сравнительный анализ распределения оценок антропоморфизма: а) – по типам ботов; б) – по сценариям взаимодействия; в) – в зависимости от опыта использования ИИ; в) – компонентная структура антропоморфизма всех ботов. Результаты подтверждены непараметрическим тестом Крускала–Уоллиса ($H = 23,609, p < 0,001$) с пост-хок тестированием по Данну

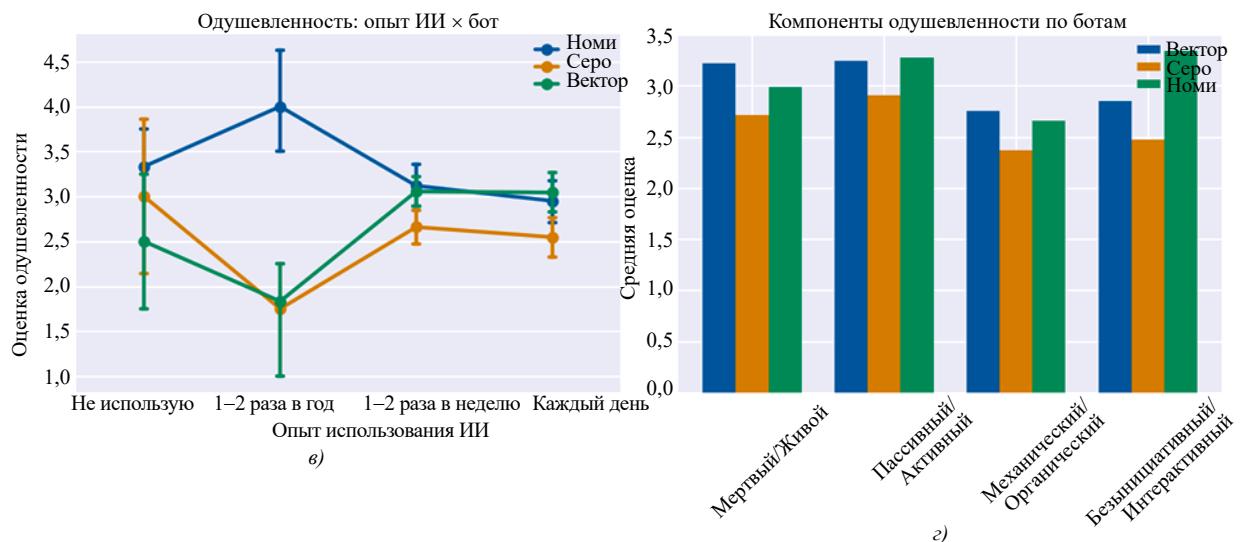

Рис. 4. Сравнительный анализ распределения оценок одушевленности: а) – по типам ботов; б) – по сценариям взаимодействия; в) – в зависимости от опыта использования ИИ; г) – компонентная структура антропоморфизма всех ботов. Результаты подтверждены непараметрическим тестом Крускала-Уоллиса ($H = 19,265, p < 0,001$) с пост-хок тестированием по Данну

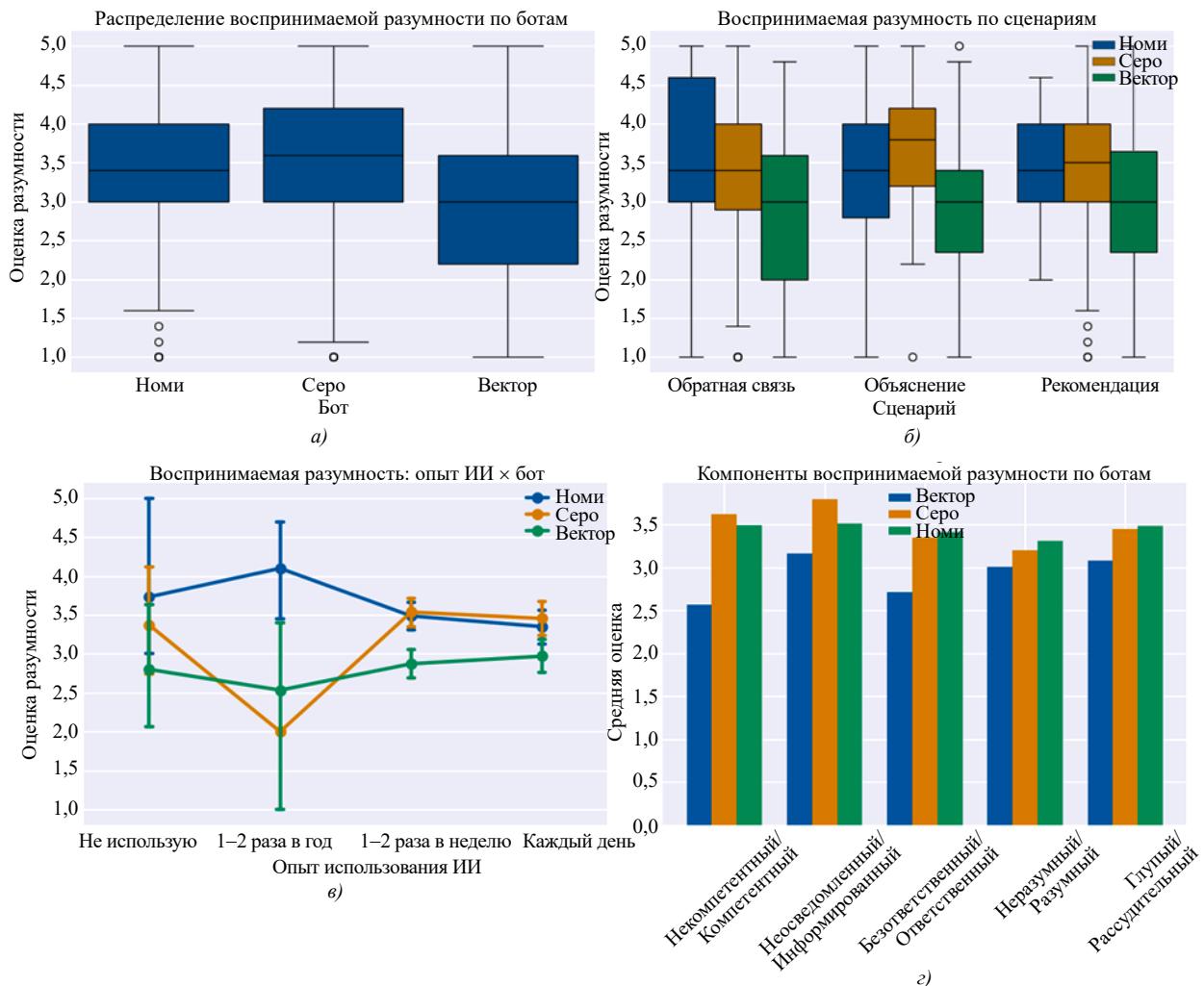

Рис. 5. Сравнительный анализ распределения оценок воспринимаемой разумности: а) – по типам ботов; б) – по сценариям взаимодействия; в) – в зависимости от опыта использования ИИ; г) – компонентная структура антропоморфизма всех ботов. Результаты подтверждены непараметрическим тестом Крускала-Уоллиса ($H = 38,899, p < 0,001$) с пост-хок тестированием по Данну

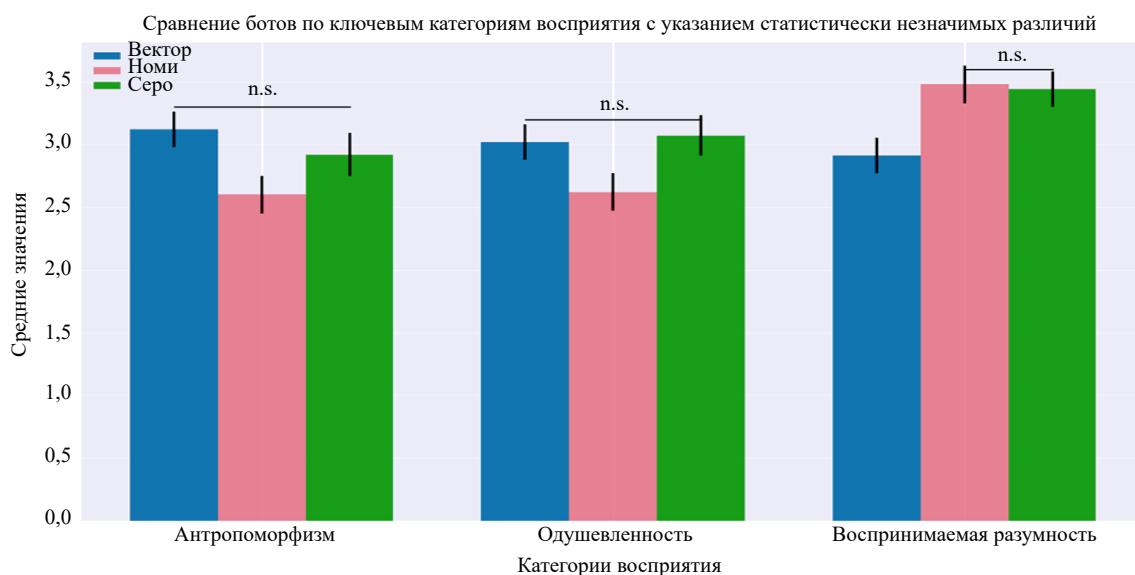

Рис. 6. График со статистическими значимыми и незначимыми сравнениями ботов в разных категориях

Обсуждение и заключение. Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в различные социальные сферы, включая образование, существенно усложнило систему различий, устанавливающую границы между человеческими и нечеловеческими агентами. Это в свою очередь ставит под вопрос содержание привычных категорий, с помощью которых традиционно описывались и оценивались человеческие индивиды: интеллект, рациональность и субъектность и т. п.

Результаты проведенного исследования показывают, что антропоморфизацией не обязательно связана с атрибутированием таких качеств, как одушевленность и рациональность. Мы допускаем, что такие результаты могут быть обусловлены несовершенством измерительной школы, которая не учитывает трансформаций в семантике самих концептов (компетентность, активность, рациональность, естественность и т. д.), которые происходят в связи с все большей гибридизацией человека и его технологического окружения.

Проявления антропоморфизма действительно контекстуально вариативны и зависят от культурных норм и коммуникативных практик сообществ, «обживающих» технологию. Появление в этих практиках новых цифровых участников не только требует выработки уникальных сценариев взаимодействия с ними и способов восприятия, но и трансформирует саму систему социальных отношений, в том числе представления о людях и их сущностных качествах. Рост опыта взаимодействия пользователей с ИИ-агентами, зачастую чаще демонстрирующими доброжелательное и вежливое поведение, чем люди, может приводить к смещению ассоциативных полей. Концепты «доброжелательности», «рациональности» и «компетентности» постепенно теряют исключительно человеческий статус и начинают приписываться машинам. Как показало исследование, студенты, например, чаще воспринимают рациональность и компетентность не в экспрессивных, а в нейтральных фактуальных формах коммуникации, лишенных эмоциональной окраски. Поэтому для получения «объективной» информации более востребованными становятся агенты, демонстрирующие бесстрастную аргументацию.

Изменение пользовательских практик отражается и на представлениях о необходимых формах человеческого участия в различных коммуникативных ситуациях. Так, если в контексте получения обратной связи сохраняется потребность в человекоподобных агентах, то в ситуациях запроса рекомендаций связь с антропоморфизмом оказывается менее выраженной. Вероятно, это связано с распространением автоматизированных рекомендательных систем, в которых сама категория «рекомендации» перестает ассоциироваться с человеческим посредничеством.

Таким образом, наблюдается постепенное размытие границ между человеческими и техническими акторами, сопровождающееся формированием новых, нестабильных конфигураций их свойств. Эти результаты имеют практическое значение для проектирования образовательных программ и интерфейсов искусственного интеллекта. При разработке подобных систем важно учитывать динамичность восприятия этих новых акторов людьми, адаптируя коммуникативные стратегии к культурным и ситуативным контекстам использования.

Список литературы / References

1. Bartneck C., Croft E., Kulic D. et al. Measurement Instruments for the Anthropomorphism, Animacy, Likeability, Perceived Intelligence, and Perceived Safety of Robots. *International Journal of Social Robotics*. 2009;1:71–81. <https://doi.org/10.1007/s12369-008-0001-3>
2. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
3. Colombatto C., Fleming S.M. Folk psychological attributions of consciousness to large language models. *Neuroscience of Consciousness*. 2024 Apr 13;2024(1):niae013. <https://doi.org/10.1093/nc/niae013>

4. Epley N., Waytz A., Cacioppo J.T. On seeing human: A three-factor theory of anthropomorphism. *Psychological Review*. 2007;114(4):864. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.114.4.864>
5. Floridi L. AI and Semantic Pareidolia: When We See Consciousness Where There Is None. *Harvard Business Review Italia*. 2025 June. URL: <https://ssrn.com/abstract=5309682> (accessed: 10.10.2025).
6. Haroud S., Saqri N. Generative AI in Higher Education: Teachers' and Students' Perspectives on Support, Replacement, and Digital Literacy. *Education Sciences*. 2025;15(4):396. <https://doi.org/10.3390/eduscii15040396>
7. Ivković G. Many faces of a chatbot: the use of positive and negative politeness strategies in argumentative communication with a chatbot. *Folia Linguistica et Litteraria*. 2024;49:157–176. <https://doi.org/10.31902/fll.49.2024.9>
8. Li M., Suh A. Anthropomorphism in AI-enabled technology: A literature review. *Electronic Markets*. 2022;32:2245–2275. <https://doi.org/10.1007/s12525-022-00591-7>
9. Malhotra G., Ramalingam M. Perceived anthropomorphism and purchase intention using artificial intelligence technology: examining the moderated effect of trust. *Journal of Enterprise Information Management*. 2023;38:401–423. <https://doi.org/10.1108/JEIM-09-2022-0316>
10. Moussawi S., Koufaris M., Benbunan-Fich R. How perceptions of intelligence and anthropomorphism affect adoption of personal intelligent agents. *Electronic Markets*. 2020;31:343–364. <https://doi.org/10.1007/s12525-020-00411-w>
11. Peláez-Sánchez I.C., Velarde-Camaqui D., Glasserman-Morales L.D. The impact of large language models on higher education: exploring the connection between AI and Education 4.0. *Frontiers in Education*. 2024;9. <https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1392091>
12. Pérez J.Q., Daradoumis T., Puig J.M.M. Rediscovering the use of chatbots in education: A systematic literature review. *Computer Applications in Engineering Education*. 2020;28:1549–1565. <https://doi.org/10.1002/cae.22326>
13. Pillai R., Sivathanu B., Metri B. et al. Students' adoption of AI-based teacher-bots (T-bots) for learning in higher education. *Information Technology & People*. 2023;37:328–355. <https://doi.org/10.1108/ITP-02-2021-0152>
14. Reinecke M.G., Ting F., Savulescu J., Singh I. The Double-Edged Sword of Anthropomorphism in LLMs. *Proceedings*. 2025;114:4. <https://doi.org/10.3390/proceedings2025114004>
15. Song M., Zhang H., Xing X., Duan Y. Appreciation vs. apology: Research on the influence mechanism of chatbot service recovery based on politeness theory. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2023. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2023.103323>
16. Suchman L.A. *Plans and Situated Actions: The Problem of Human–Machine Communication*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
17. Troshani I., Hill S.R., Sherman C.L. et al. Do We Trust in AI? Role of Anthropomorphism and Intelligence. *Journal of Computer Information Systems*. 2020;61:481–491. <https://doi.org/10.1080/08874417.2020.1788473>
18. Xie Y., Zhu K., Zhou P., Liang C. How does anthropomorphism improve human-AI interaction satisfaction: a dual-path model? *Computers in Human Behavior*. 2023;148:107878. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107878>

Об авторах:

Филатова Ася Алексеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник, Центр образовательных разработок на основе технологий искусственного интеллекта Школы перспективных исследований Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6), [ORCID](#), [SPIN-код](#), asyafilatova82@gmail.com

Ли Александр Альбертович, лаборант-исследователь, Центр образовательных разработок на основе технологий искусственного интеллекта Школы перспективных исследований, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6), [ORCID](#), alexandr.li.sas@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Filatova Asya Alekseevna, Cand. Sci. (Philosophy), Research fellow, Center for Educational Development based on Artificial Intelligence Technologies, SAS, University of Tyumen (6, Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), asyafilatova82@gmail.com

Li Alexander Albertovich, Laboratory researcher, Center for Educational Development based on Artificial Intelligence Technologies, SAS, University of Tyumen (6, Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russian Federation), [ORCID](#), alexandr.li.sas@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

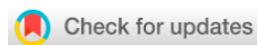
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 02.10.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 16.10.2025

Принята к публикации / Accepted 18.10.2025

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 355.233.231.1

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-29-35>

Трансформация понятия «патриотизм» в условиях современного российского общества

Ю.И. Исакова , О.А. Волконская

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российской Федерации
✉ isakova.pravo@bk.ru

Аннотация

Введение. Рассмотрение эволюции понятия «патриотизм» в контексте современных социокультурных и политico-экономических изменений в России является актуальным и своевременным. Вопросы влияния глобализации, цифровых технологий, общественно-политической повестки и новых форм идентичности на восприятие патриотизма среди различных социальных групп требуют новых исследовательских подходов. Перспективным является анализ результатов социологических исследований, демонстрирующих динамику изменений патриотических ценностей и их адаптацию к новым условиям.

Материалы и методы. Объектом исследования является патриотическое самосознание российских граждан в условиях трансформации социальных, политических и экономических процессов. Для достижения поставленных целей в исследовании использовался комплексный методологический подход, включающий как количественные, так и качественные методы анализа.

Результаты исследования. Анализ эмпирических данных позволил выявить ряд ключевых тенденций в трансформации патриотизма в современном российском обществе: во-первых, рост гражданского патриотизма – среди молодежи наблюдается усиление ориентации на гражданский патриотизм, выражаящийся в активизме, волонтерстве, защите прав человека и экологических инициативах; во-вторых, усиление государственного патриотизма – в официальном дискурсе доминируют традиционные ценности, связанные с национальной идентичностью, военной мощью и исторической преемственностью; в-третьих, цифровизация патриотизма – распространение социальных сетей и цифровых платформ привело к формированию новых форм патриотического самовыражения, таких как онлайн-акции, патриотические блоги и дискуссии.

Обсуждение и заключение. В условиях глобальных вызовов и нестабильности патриотизм играет ключевую роль в консолидации общества и укреплении национального самосознания. Однако он не должен превращаться в инструмент политической манипуляции или использоваться исключительно в целях пропаганды. Важно развивать конструктивный патриотизм, основанный на уважении к культуре, истории и гражданским правам.

Ключевые слова: патриотизм, трансформация, российское общество, идентичность, социокультурные факторы, глобализация, цифровизация

Для цитирования. Исакова Ю.И., Волконская О.А. Трансформация понятия «патриотизм» в условиях современного российского общества. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):29–35.
<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-29-35>

Original Theoretical Research

Transformation of “Patriotism” Concept in Conditions of Modern Russian Society

Yulia I. Isakova , Olga A. Volkonskaya

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ isakova.pravo@bk.ru

Abstract

Introduction. Examining the evolution of the concept of “patriotism” in the context of contemporary socio-cultural and political-economic changes in Russia is relevant and topical. The influence of globalization, digital technologies, the socio-political agenda, and new forms of identity on the perception of patriotism among various social groups requires

new research approaches. The analysis of sociological studies demonstrating the dynamics of changes in patriotic values and their adaptation to new conditions is promising.

Materials and Methods. The object of the study is the patriotic identity of Russian citizens in the context of the transformation of social, political and economic processes. To achieve the goals, the comprehensive methodological approach, including both quantitative and qualitative methods of analysis, is used in the study.

Results. The analysis of empirical data revealed a number of key trends in the transformation of patriotism in the modern Russian society: firstly, the growth of civil patriotism, among young people there is an increased focus on civil patriotism, expressed in activism, volunteering, protection of human rights and environmental initiatives; secondly, increased state patriotism – traditional values associated with national identity, military power and historical continuity dominate official discourse; thirdly, the digitalization of patriotism – the spread of social networks and digital platforms has led to the formation of new forms of patriotic expression, such as online actions, patriotic blogs and discussions.

Discussion and Conclusion. In the face of global challenges and instability, patriotism plays a key role in consolidating society and strengthening national identity. However, it should not be turned into an instrument of political manipulation or used solely for propaganda purposes. It is important to develop constructive patriotism based on respect for culture, history and civil rights.

Keywords: patriotism, transformation, Russian society, identity, sociocultural factors, globalization, digitalization

For Citation. Isakova Yu.I., Volkonskaya O.A. Transformation of “Patriotism” Concept in Conditions of Modern Russian Society. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):29–35. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-29-35>

Введение. Понятие «патриотизм» является важной составляющей национального самосознания и общественно-политического дискурса в любом государстве. Патриотизм в российском обществе традиционно играл важную роль, но его содержание и формы проявления изменялись в зависимости от исторического контекста. В XXI в. патриотизм подвергся значительной трансформации под влиянием глобализации, информационных технологий, политических реформ и внешнеполитических вызовов. Важную роль в этих изменениях играют медиийные нарративы, а также цифровизация общества.

В условиях современной России также оно претерпевает значительные изменения, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Изменение социально-экономических условий, развитие цифровых технологий, информационные войны, а также рост глобализации, способствует формированию новых подходов к пониманию патриотизма.

Кроме того, меняется структура патриотических ценностей, что требует более детального рассмотрения изменений в данном аспекте. Научная новизна исследования состоит в выявлении актуальных форм патриотического сознания, которые формируются под влиянием глобализационных и технологических процессов. Эмпирическая база исследования основывается на данных масштабных социологических опросов, мониторинговых исследований общественного мнения и контент-анализа патриотической риторики в российских медиа.

Теоретической основой послужили труды российских и зарубежных исследователей, таких как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ю. Хабермас, а также российских ученых – В.В. Лапкина, В.А. Левашова. Современные исследования патриотизма опираются на теоретические подходы, включая культурно-историческую, социологическую и политическую перспективы. Патриотизм может рассматриваться как традиционная ценность, привязанная к историческому наследию, либо как динамический конструкт, адаптирующийся к новым реалиям. Ключевые теории включают концепцию «гражданского патриотизма» Ю. Хабермаса, традиционный этнический патриотизм, а также современные интерпретации патриотизма как социального капитала общества. Данное исследование расширяет существующие подходы, рассматривая патриотизм через призму цифровизации и модернизации ценностей в глобальном обществе [1].

Материалы и методы. В рамках данного исследования применялся многопрофильный методологический подход, объединяющий количественные и качественные методы анализа для получения объективной и всесторонней картины изучаемого явления. Социологические опросы – анализ данных опросов, проведенных ВЦИОМ, ФОМ и Левада-Центром в период 2019–2024 гг., позволил выявить изменения в восприятии патриотизма среди различных возрастных и социальных групп. Опросы проводились в формате телефонных и онлайн-интервью, а также методом глубинных фокус-групповых обсуждений, что позволило выявить как общие, так и специфические тенденции в формировании патриотических настроений.

Контент-анализ СМИ – анализ публикаций российских средств массовой информации, таких как «Российская газета», «Коммерсантъ», «РИА Новости» и другие, позволил определить основные нарративы, формирующие общественное представление о патриотизме. Контент-анализ включал изучение тематических публикаций, тональности материалов, частотности использования патриотической риторики, а также сравнение государственных и независимых источников информации. Анализ социальных сетей, проведено изучение дискурсов патриотизма в социальных сетях (ВКонтакте, Telegram, Twitter), что позволило выявить актуальные тренды и альтернативные формы патриотического самовыражения. Особое внимание уделялось анализу пользовательских комментариев, популярным хештегам, репостам и вовлеченности аудитории в патриотические обсуждения.

Историко-сравнительный метод использовался для анализа трансформации понятия патриотизма в разные исторические периоды, начиная с Российской империи, советской эпохи и до наших дней. Метод позволил установить преемственность или разрыв в интерпретации патриотических ценностей на различных этапах истории.

Результаты исследования. Современные формы патриотизма в России формируются под воздействием множества социальных, политических, экономических и информационных факторов. В XXI в. это явление приобретает многослойный характер, охватывая как традиционные представления о любви к Родине, так и новые интерпретации, связанные с критическим восприятием государственной политики и стремлением к общественному прогрессу.

Процесс трансформации патриотизма обусловлен динамикой внутренней и внешней политики, изменениями в общественном сознании, а также влиянием цифровых технологий. Государственные инициативы играют ключевую роль в конструировании патриотических ценностей, что проявляется в институционализации патриотического воспитания, включении исторического нарратива в образовательные программы и формировании официальных дискурсов. В последние годы государственная поддержка патриотизма выражается в развитии молодежных движений (например, «Юнармия»), военно-исторических клубов и мультимедийных проектов, направленных на популяризацию отечественной истории.

Внешнеполитические факторы и геополитическая напряженность также оказывают существенное влияние на трансформацию патриотического сознания. Экономические санкции, дипломатические конфликты и вооруженные противостояния способствуют росту патриотических настроений, основанных на идее защиты национального суверенитета и геополитических интересов России. Военные события, такие как воссоединение Крыма в 2014 г. и начало специальной военной операции в 2022 г., способствовали милитаризации патриотической риторики, усилению значимости понятий «защита Родины» и «национальная безопасность». В этом контексте программа импортозамещения и поддержка отечественного производства рассматриваются не только как экономические стратегии, но и как форма патриотического поведения, способствующего укреплению независимости страны.

Не менее значимым фактором является роль медиа и цифровых платформ в формировании и трансляции патриотических ценностей. Государственные СМИ активно используют кинематограф, документалистику и исторические реконструкции в качестве инструментов патриотического воспитания. В то же время социальные сети (Telegram, YouTube, TikTok) становятся площадками для формирования альтернативных дискурсов, где блогеры и независимые комментаторы вносят вклад в переосмысление патриотизма среди молодежи. В условиях информационного противостояния патриотизм все чаще интерпретируется как элемент идеологической борьбы, в которой контроль над информационными потоками играет стратегическую роль.

В современном российском обществе патриотизм воспринимается по-разному: одни видят в нем безусловную поддержку государства, другие ассоциируют его с критикой власти и защитой гражданских свобод. Экономические факторы, такие как социальное расслоение и уровень жизни, влияют на восприятие патриотизма – для одних он связан с гордостью за страну и ее достижения, для других – с необходимостью решать повседневные бытовые проблемы. В условиях миграционных процессов часть россиян, уехавших за границу, продолжает сохранять патриотические чувства, но в иной форме, через культурную идентичность, изучение истории или поддержку русскоязычного сообщества за рубежом.

Современный патриотизм в России формируется под влиянием множества факторов – от государственной политики и внешнеполитических вызовов до информационных технологий и общественного мнения. В XXI в. патриотизм становится более многогранным и многозначным: для одних – это защита традиционных ценностей и исторической памяти, для других – критический взгляд на власть и стремление к развитию общества.

Таким образом, современный российский патриотизм представляет собой сложную, динамичную систему, эволюционирующую под влиянием государственной политики, внешнеполитических вызовов, экономических факторов и информационных технологий. Его многогранность проявляется в сочетании традиционных ценностей с новыми формами гражданской активности и медиавзаимодействия, что делает патриотизм одним из ключевых элементов общественного сознания в России XXI в.

Анализ социологических опросов показывает, что патриотизм в современной России принимает разные формы. Среди молодого поколения растет интерес к «гражданскому патриотизму», основанному на уважении к правам человека, волонтерстве и социальной активности. В то же время сохраняются традиционные формы патриотизма, связанные с государственностью, военной мощью и исторической памятью.

В марте 2024 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения сообщил, что 94 % россиян считают себя патриотами, из них 62 % – безусловными патриотами. Это максимальный показатель за весь период наблюдений. Рост безусловного патриотизма особенно заметен с 2014 г., что связывают с событиями в Крыму и началом специальной военной операции в 2022 г. Патриотические настроения равномерно распределены среди разных демографических групп, включая возрастные и региональные категории [2].

В мае 2024 г. Фонд «Общественное мнение» провел опрос, результаты которого показали, что 50 % респондентов считают критику власти непатриотичной. Это свидетельствует о том, что половина населения связывает патриотизм с поддержкой действующей власти и рассматривает критику как проявление нелояльности [3].

В исследовании 2017 г. «Левада-Центр» (признан иностранным агентом в РФ) отметил рост популярности Иосифа Сталина как «самого выдающегося человека в истории». Доля респондентов, называющих Сталина в этом контексте,

увеличилась с 8 % в 1989 г. до 38 % в 2017 г. Особенно заметен рост положительного отношения к Сталину среди молодежи, что может отражать изменения в патриотических настроениях и восприятии исторических фигур [4].

Контент-анализ материалов ведущих российских СМИ показывает усиление акцента на государственно-патриотическую риторику, особенно в периоды политической нестабильности. В то же время анализ данных социальных сетей выявляет рост интереса к альтернативным формам патриотизма, включая цифровой активизм, защиту культурного наследия и участие в волонтерских инициативах. В рамках исследования проведен мониторинг патриотических движений в социальных медиа, в ходе которого установлено, что наиболее популярные темы включают историческую память, добровольчество и экологический активизм как проявления современной патриотической позиции.

Таким образом, при анализе трансформации понятия патриотизма в современном российском обществе важно учитывать эти нюансы и опираться на данные различных исследовательских центров для получения объективной картины. Государственная политика активно формирует патриотические настроения через образовательные программы, медиапространство и общественные инициативы. Однако необходимо учитывать новые вызовы и тенденции, такие как цифровая среда, критическое восприятие информации и рост индивидуалистических ценностей. В образовательных учреждениях внедряются программы патриотического воспитания, включающие историческое просвещение, военно-патриотические мероприятия, развитие добровольчества и гражданских инициатив. Тем не менее важно обеспечить баланс между официальным дискурсом патриотизма и реальными интересами молодежи, стимулируя их активное участие в жизни общества.

Патриотическое воспитание играет ключевую роль в формировании национального самосознания и идентичности граждан. В современной России оно активно развивается на государственном уровне, охватывая образовательные программы, молодежные движения, армию, медиа и культурные инициативы. Однако его перспективы зависят от эффективности реализуемых мер, восприятия обществом и соответствия реальным потребностям молодежи.

Одним из важнейших направлений является государственная политика в области патриотического воспитания. В рамках национального проекта «Образование» действует федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ», направленный на формирование уважения к отечественной истории, традициям и государственным символам. В школах введены уроки «Разговоры о важном», посвященные историческим и морально-нравственным темам, а также проводятся мероприятия, приуроченные к памятным датам, таким как День Победы, День народного единства и День России. Ключевую роль играет военно-патриотическое движение «Юнармия», которое охватывает десятки тысяч молодых людей, предлагая им участие в военных сбоях, спортивных соревнованиях и исторических реконструкциях.

Особое внимание уделяется связи патриотического воспитания с армией. Военная служба представляется как форма проявления патриотизма, чему способствует развитие кадетских классов, военных вузов и контрактной службы в Вооруженных силах РФ. В медиа и кинопроизводстве активно продвигается образ солдата-защитника, а фильмы о военной доблести («Т-34», «28 панфиловцев») становятся частью культурного патриотического воспитания.

Однако несмотря на значительные усилия государства, патриотическое воспитание сталкивается с рядом вызовов. Одной из проблем является его излишняя формальность: во многих случаях патриотические мероприятия сводятся к формальным акциям, не вызывая у молодежи глубокого эмоционального отклика [5]. Также существует риск чрезмерной идеологизированности, что может привести к недоверию со стороны молодых людей, особенно в условиях информационной открытости и разнообразия альтернативных источников мнений.

Другим вызовом является разрыв между патриотическими лозунгами и реальным уровнем жизни. Молодежь стремится к самореализации, высоким зарплатам, возможностям карьерного роста, и если государственные инициативы не сопровождаются улучшением экономической ситуации, патриотизм может восприниматься как абстрактное понятие, не имеющее практического значения.

Кроме того, современный патриотизм в России становится все более многогранным. Для одной части общества он связан с поддержкой государственных инициатив, военной мощи и исторической преемственности. Другая же часть видит патриотизм в критическом осмыслении текущих процессов, стремлении к социальной справедливости и развитию гражданского общества. В условиях этого раскола важно, чтобы патриотическое воспитание объединяло людей, а не становилось инструментом политического разделения.

Перспективы патриотического воспитания в России связаны с его адаптацией к реалиям XXI в. Важно не только сохранять традиционные формы патриотизма, но и развивать новые подходы, основанные на культурных, научных и экономических достижениях страны. Успешным примером может стать поддержка волонтерских движений, молодежных инициатив, цифровых образовательных проектов и социальной активности.

Для того чтобы патриотизм воспринимался молодежью не как обязательный идеологический элемент, а как естественная часть национального самосознания, важно сделать его разнообразным, современным и соответствующим интересам новых поколений. Патриотизм должен быть связан не только с исторической памятью и государственной лояльностью, но и с заботой о будущем страны, участием в ее развитии, научных и культурных достижениях. Только в этом случае патриотическое воспитание будет эффективно работать на благо общества и государства.

Обсуждение и заключение. В условиях динамично меняющегося мира Россия сталкивается с рядом вызовов, касающихся сохранения национальной идентичности и укрепления патриотических ценностей. Среди основных вызовов можно выделить следующие (рис. 1):

Развитие критического мышления у молодежи в условиях информационной перегруженности;

Баланс между традиционными и новыми формами патриотизма;

Необходимость создания инклюзивного патриотического дискурса, учитывающего культурное и этническое разнообразие российского общества;

Повышение уровня доверия к институтам власти через эффективную реализацию патриотических инициатив.

Рис. 1. Сохранение национальной идентичности и укрепления патриотических ценностей

В XXI в. патриотизм в России продолжает изменяться под влиянием политических, социальных, экономических и технологических факторов. Если в советское время патриотизм был тесно связан с идеологией и государством, а в 1990-е гг. переживал кризис из-за смены общественных ориентиров, то в наше время он становится многогранным, включающим в себя как традиционные, так и новые формы. Однако трансформация патриотизма сопровождается как перспективами, так и серьезными вызовами.

Одним из главных вызовов является разделение общества и размытость понятия патриотизма. В современном российском обществе нет единого понимания того, что такое патриотизм. Для одних это поддержка государства и его политики, для других – критическое отношение к власти и стремление к переменам. Это приводит к расколу: одна часть граждан воспринимает патриотизм как лояльность власти, другая – как активное участие в жизни страны с целью улучшения ситуации. Такое разделение делает патриотизм неоднозначным и порой даже противоречивым.

Также существует проблема формализации и идеологизации патриотизма. Государственные программы патриотического воспитания, направленные на молодежь, зачастую носят поверхностный и механический характер. Патриотизм становится инструментом политической мобилизации, что может привести к утрате искренности в отношениях граждан с государством.

Другим вызовом является конфликт между глобализацией и национальной идентичностью. В условиях цифрового общества молодежь все чаще сталкивается с мировыми культурами, что влияет на восприятие патриотизма. Западные ценности и альтернативные взгляды начинают доминировать среди молодежной аудитории, что порой вызывает у нее сомнения в традиционных формах патриотического воспитания. Патриотизм, поддерживающий государственные интересы, может столкнуться с конкуренцией со стороны мировых идей и движений, что ставит перед обществом задачу интеграции национальных ценностей в глобальный контекст.

Кроме того, связь патриотизма с социально-экономической ситуацией представляет собой серьезный вызов. Молодежь все больше ориентируется на личное благополучие, карьерные возможности и уровень жизни, и если государственные инициативы по патриотическому воспитанию не сопровождаются реальными улучшениями в социальной и экономической сфере, то патриотизм рискует восприниматься как пустая пропаганда. Если граждане не видят реальных изменений в своей жизни, они начинают сомневаться в искренности патриотических лозунгов [6].

Трансформация патриотического сознания в современной России представляет собой сложный и многоуровневый процесс, обусловленный влиянием как внутренних социальных изменений, так и глобальных вызовов. В условиях нарастающей цифровизации, идеологической поляризации и изменений в структуре общественных ценностей патриотизм должен выходить за рамки традиционных концепций и приобретать новые формы, ориентированные на гражданское участие, развитие общества и продвижение научно-культурных достижений.

Современные вызовы, такие как усиление идеологизации, рост социального неравенства и влияние процессов глобализации, требуют переосмысливания существующих подходов к патриотическому воспитанию. Формирование актуального, инклюзивного и ориентированного на развитие общества патриотизма нового поколения возможно лишь при учёте широты его интерпретаций и адаптации к изменяющимся реалиям. Это предполагает не только сохранение исторической памяти и традиционных ценностей, но и интеграцию современных социальных практик, направленных на развитие критического мышления, медиаграмотности и цифрового гражданства.

Будущее патриотизма в России будет зависеть от способности общества гармонично сочетать исторические и культурные традиции с современными социальными вызовами. Комплексный анализ трансформации патриотического самосознания, основанный на эмпирических данных, позволяет выявить ключевые тенденции, которые могут быть использованы при разработке образовательных и воспитательных программ. В этом контексте особую значимость приобретает образовательная система, которая должна интегрировать инновационные методы формирования патриотического сознания, используя потенциал цифровых технологий и социальных платформ.

В условиях глобального информационного пространства, где скорость распространения данных значительно возросла, стратегии патриотического воспитания требуют адаптации к новой медиасреде. Влияние социальных сетей и цифровых коммуникационных платформ на восприятие патриотизма среди молодежи становится определяющим фактором в формировании общественных настроений. Таким образом, дальнейшие исследования патриотизма в XXI в. должны учитывать не только традиционные аспекты, но и динамику цифрового взаимодействия, что позволит выработать более эффективные и актуальные стратегии формирования патриотического самосознания в современных условиях.

Список литературы / References

1. Макарова И.А. Воспитание в эпоху цифровизации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2021;154(1):41–46.
2. Makarova I.A. Education in the time of digitalization. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2021;154(1):41–46. (In Russ.)
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). «Современные тренды в восприятии патриотизма среди россиян». Официальный сайт ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 12.02.2025).
4. Russian Public Opinion Research Center. “Modern trends in the perception of patriotism among Russians”. *VTsIOM official website*. 2024. (In Russ.) URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (accessed: 12.02.2025).
5. Фонд Общественное мнение (ФОМ). Изменения в патриотических ценностях граждан России. 2021. *Public Opinion Foundation*. Changes in the patriotic values of Russian citizens. 2021. (In Russ.).
6. Левада-Центр. Патриотизм в молодежной среде: новые формы и тенденции. Аналитический отчет. 2022. *Levada Center*. Patriotism among young people: new forms and trends. Analytical report. 2022. (In Russ.).
7. Корж Н.В., Каримова Л.Ф. Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности. *Электронный научный журнал Наука. Общество. Государство*. 2022;40(4):80–89. URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/51645/> (дата обращения: 10.04.2025).
8. Korzh N.V., Karimova L.F. The problem of patriotism among modern youth in the context of geopolitical tensions. *Science. Society. State*. 2022;40(4). (In Russ.) URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/51645/> (accessed: 10.04.2025).
9. Резер Т.М. Патриотическое воспитание молодежи в условиях современных вызовов. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2023;101(3):45–57.
10. Rezer T.M. Patriotic education of the youth in the context of modern challenges. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2023;101(3):45–57. (In Russ.)
11. Карпова М.К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени. *Электронный научный журнал Наука. Общество. Государство*. 2024;12(4):53–65. URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/55058/> (дата обращения: 10.04.2025).
12. Karpova M.K. Patriotic sentiments of modern youth: challenges of the times. *Science. Society. State*. 2024;12(4):53–65. (In Russ.)
13. Ли Ж., Исаева Т.Е. Патриотическое воспитание аспирантов технического вуза в ходе изучения дисциплин гуманитарного профиля. *Педагогическое образование в России*. 2024;5:232–244.
14. Li R., Isaeva T.E. Patriotic education of postgraduate students of a technical university during the study of the humanities. *Pedagogical education in Russia*. 2024;5:232–244. (In Russ.)
15. Синютин А.А., Волохова Е.В., Маслова Ю.В. Роль патриотических ценностей в российском социокультурном пространстве. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*. 2024;49(4):745–755. URL: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-4-745-755>
16. Sinyutin A.A., Volokhova E.V., Maslova Yu.V. The Role of Patriotic Values in the Russian Socio-Cultural Space. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right*. 2024;49(4):745–755. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-4-745-755>

Об авторах:

Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», декан юридического факультета, Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), isakova.pravo@bk.ru

Волконская Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), volkonskaya.olya@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Isakova Yulia Igorevna, PhD (Advanced Doctorate) (Philosophy), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, “Department of Criminal Law and Public Law Disciplines”, Dean of the Faculty of Law, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), isakova.pravo@bk.ru

Volkonskaya Olga Andreevna, Senior Lecturer, “Department of Criminal Law and Public Law Disciplines”, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), volkonskaya.olya@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 11.05.2025

Принята к публикации / Accepted 14.05.2025

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 72.012

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-36-41>

Этно-художественные и идеино-эстетические традиции в формировании современного дизайна интерьеров

Е.Г. Наумова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российской Федерации
✉ design-naumova@mail.ru

Аннотация

Введение. Современный спрос на естественные вещи обусловлен цифровизацией и глобализацией, которая мотивирует развитие локальной идентичности, ее культурных особенностей в рамках страны или региона. В настоящее время в области дизайна интерьера в Китае происходит поиск новых концептуальных решений интерьеров путем соединения традиций и инноваций. Влияние даосизма, конфуцианства и чань-буддизма, выражющееся в таких фундаментальных принципах, как гармония, покой, естественность и подлинность, оказало огромное влияние на культуру и архитектуру Китая. Современные китайские дизайнеры используют символику китайской культурной традиции, которая ярче всего отражена в концепции чайных домов в Китае. Цель исследования – определить влияние традиционной китайской культуры на формирование современного интерьера чайного дома.

Материалы и методы. В качестве материала исследования используются труды и трактаты по традиционной китайской философии и культуре, а также работы современных авторов в области архитектуры и дизайна. Применяется сравнительный и историко-культурный анализ; семиотический анализ, позволяющий изучить объект как систему знаков; композиционный и эргономический подходы.

Результаты исследования. Современный китайский стиль в интерьере чайного дома отвечает культурным и духовным традициям в своей композиционной основе. Идейно-художественный образ в современной практике искусства и дизайна Китая отражает конфуцианскую концепцию о создании нового с опорой на старое. Различные элементы интерьера чайного дома не только взаимосвязаны, но и находятся под влиянием друг друга, что позволяет сделать эмоциональную связь между гостями чайных домов и окружающим пространством более тесной. Экологические материалы в интерьере позволяют отразить духовные стремления в организации пространства в соответствии с историческим китайским представлением мироустройства. Основные способы интеграции в современный интерьер традиционных приемов и элементов: прямое цитирование, стилизация, современный китайский минимализм, прием деконструктивизма, позволяющий изменить масштаб и восприятие пространства чайного дома с помощью ассиметричных форм и линий.

Обсуждение и заключение. Формирование интерьеров чайных домов Китая происходило под влиянием развития культурных традиций чайной церемонии. Архитектурные решения и стиль интерьеров складывались под воздействием сельского или городского социального окружения, отражая дух места. Духовное наполнение ритуала чаепития отразилось в эстетическом восприятии чайных домов и повлияло на формирование традиционных интерьеров, создающих определенную целостную композицию и философско-эмоциональную атмосферу. Комплексный подход в разработке концептуальной идеи осуществляется во время современного проектирования предметно-пространственной среды чайных домов на основе культурных традиций. Применение элементов традиционной культуры позволяет создавать уникальные объекты дизайна, обогащенные новыми художественными формами, отражающими своеобразие культуры Китая.

Ключевые слова: дизайн интерьера, культурная традиция, чайный домик, философия Китая, культура, чайная церемония

Для цитирования. Наумова Е.Г. Этно-художественные и идеино-эстетические традиции в формировании современного дизайна интерьеров. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):36–41.
<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-36-41>

Ethnic-Artistic and Ideological-Aesthetic Traditions in The Formation of Contemporary Interior Design

Ekaterina G. Naumova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ design-naumova@mail.ru

Abstract

Introduction. The current demand for natural things is driven by digitalization and globalization, which motivates the development of local identity and cultural characteristics within a country or region. Currently, the field of interior design in China is searching for new conceptual solutions by combining tradition and innovation. The influence of Taoism, Confucianism, and Chan Buddhism, expressed in such fundamental principles as harmony, tranquility, naturalness, and authenticity, has had a tremendous impact on Chinese culture and architecture. Contemporary Chinese designers use the symbolism of Chinese cultural tradition, which is most vividly reflected in the concept of tea houses in China. The aim of the study is to determine the influence of traditional Chinese culture on the formation of the modern interior of a tea house. **Materials and Methods.** The research material consists of works and treatises on traditional Chinese philosophy and culture, as well as works by contemporary authors in the field of architecture and design. The following methods are used: comparative and historical-cultural analysis; semiotic analysis, which allows the object to be studied as a system of signs; compositional and ergonomic approaches.

Results. The modern Chinese style in the interior of the tea house corresponds to cultural and spiritual traditions in its compositional basis. The ideological and artistic image in contemporary Chinese art and design reflects the Confucian concept of creating something new based on the old. The various elements of the tea house interior are not only interconnected but also influence each other, which allows for a closer emotional connection between tea house guests and the surrounding space. The use of eco-friendly materials in the interior allows for the reflection of spiritual aspirations in the organization of space in accordance with the historical Chinese view of the world order. The main ways to integrate traditional techniques and elements into a modern interior are direct quotation, stylization, modern Chinese minimalism, and deconstructivism, which allows you to change the scale and perception of the tea house space using asymmetrical shapes and lines.

Discussion and Conclusion. The interior design of Chinese teahouses was influenced by the development of cultural traditions surrounding the tea ceremony. Architectural solutions and interior styles were shaped by rural or urban social environments, reflecting the spirit of the place. The spiritual content of the tea drinking ritual was reflected in the aesthetic perception of tea houses and influenced the formation of traditional interiors, creating a certain holistic composition and philosophical and emotional atmosphere. A comprehensive approach to the development of conceptual ideas is implemented in the modern design of the spatial environment of tea houses based on cultural traditions. The use of elements of traditional culture allows the creation of unique design objects, enriched with new artistic forms that reflect the uniqueness of Chinese culture.

Keywords: interior design, cultural tradition, tea house, Chinese philosophy, culture, tea ceremony

For Citation. Naumova E.G. Ethnic-Artistic and Ideological-Aesthetic Traditions in The Formation of Contemporary Interior Design. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):36–41. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-36-41>

Введение. В современном мире в области дизайна интерьера в Китае происходит поиск новых концептуальных решений интерьеров путем соединения традиций и инноваций. В истории Китая чайный дом представлял собой уникальный культурный объект, который играл важную роль в социальной и культурной жизни. В своих исследованиях О.И. Генисаретский отмечает: «...проектная культура дизайна состоит из трех компонентов: экологическая основа (ценностно-значимая составляющая предметно-пространственной среды), концептуальная основа (творческая составляющая предметно-пространственной среды), аксиологическая основа (осозаемая, мыслимая, чувствуемая составляющие предметно-пространственной среды)» [1].

Современные китайские дизайнеры в своих проектах включают символику китайского культурного кода, которая отражена в концепции традиционных чайных домов в Китае в зависимости от архетипических элементов той или иной китайской провинции. В современном дизайн-проектировании идет интенсивный поиск концептуальных идей, основанных на традициях Китая, использовании современных материалов и технологий. В этом решении творческих задач для дизайнеров традиция становится главной отправной точкой в проектировании современных чайных домов. Как замечает китаевед С.А. Арутюнов: «Любая традиция была когда-то инновацией, любая инновация имеет шанс стать традицией, и именно в способности усваивать инновации и заключается живучесть, адаптивная лабильность традиции» [2].

В рамках нашего исследования, необходимо рассмотреть роль традиций китайской культуры в дизайне современных интерьеров чайных домов Китая, формирующих своеобразие и самобытность новых творческих решений. Гармония в китайской традиции основана на философском понимании бытия и органичного

соединения духовного и материального, где функциональная сущность предмета интерьера рассматривается в его символическом и традиционном аспектах. Китайский чайный домик – это философия, выраженная в дереве и камне. Его архитектура призвана не поражать роскошью, а создавать идеальную среду для достижения гармонии, чистоты, покоя и почтительности – ключевых добродетелей «Пути Чая».

Материалы и методы. В качестве материала исследования используются труды и трактаты по традиционной китайской философии и культуре, а также работы современных авторов в области архитектуры и дизайна. Применяются различные методы анализа с информацией. Сравнительный и историко-культурный анализ предполагают исследование генезиса объекта, его прототипов и эволюции в истории, искусстве и культуре. Семиотический анализ изучает объекта как системы знаков. Системный анализ позволяет рассмотреть проект как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов (например, интерьер как система зон, мебели, света и коммуникаций). Исследование и выстраивание формальных отношений между элементами проекта: равновесие, ритм, контраст, нюанс, пропорция, масштаб – дает композиционный анализ. Применяется эргономический подход, позволяющий проводить исследование взаимодействия человека и объекта/среды с точки зрения антропометрии для обеспечения комфорта, безопасности и эффективности. Для изучения теории цвета, символики, психологического воздействия, гармоничных сочетаний, понимания атмосферы и акцентов применяется колористический анализ.

Результаты исследования. Для получения новых художественных образов в интерьерах современных чайных домов, дизайнеры применяют так называемый *прием стилистических интерпретаций* с особой традиционной символикой, сформированной многовековой китайской культурой. В трудах китайского философа Чжуан-цзы отражена суть гармоничного сосуществования человека и природы, соответствующая даосскому пониманию бытия. Согласно даосскому учению, духовное усовершенствование проходит в процессе изучения «вещей, созданных природой» для получения «вещей, созданных человеком». Данное учение является ядром традиционной китайской культуры [3].

Интерес для нашего исследования представляют проекты чайных домов современных китайских дизайнеров, анализ которых позволит получить ответы на поставленные цели и задачи исследования. Чайный дом XinHeYe по проекту студии Qicang Design в городе Нинбо. Согласно концепции дизайнеров, проект вдохновлен ритуалами чайной церемонии и ритмом смены времен года – предлагает отдых вдали от городского хаоса. Интерьер выполнен из натуральных материалов на основе теплых тонов, которые формируют палитру пространства для создания умиротворяющей атмосферы чайного дома. Система раздвижных и складных дверей связывает интерьер с окружающим ландшафтом. Смена сезонов отмечается цветочными инсталляциями и тщательно подобранными чайными ритуалами, подчеркивающими течение времени: от весеннего цветения сакуры до зимнего снега. Чайный домик отражает естественные циклы жизни, создавая постоянно развивающуюся историю в соответствии с даосским представлением о вечно текущем мире как единстве противоположностей [4].

Для исследования интересен проект современного чайного домика в Шанхае. Архитекторы и дизайнеры студии Archi-Union's создали гармоничное пространство между интерьером и экстерьером, где пейзаж становится частью интерьерного пространства за счет максимально открытой стеклянной стены с выходом в сад и выражает заботу об окружающей среде. Традиционное формирование функциональных зон помещения предусматривает не только зал для чайных церемоний на первом этаже, но и зону отдыха с библиотекой на втором этаже, что соответствует традиционному функциональному распределению помещений в чайных домах с учетом социального запроса посетителей [5].

При проектировании были сохранены все деревья на участке, а для одного из них сделано отверстие, что соответствует китайскому представлению о гармонии природы и человека – минимальному вмешательству в окружающую среду. Такой современный прием в простом помещении позволил архитекторам получить новые впечатления пространственного восприятия. Необычная форма шестигранной витиеватой лестницы воспринимается как яркий скульптурный арт-объект в пространстве чайного дома. Плавно перетекающее проходное пространство вокруг лестницы было создано с помощью современных технологий проектирования и позволило объединить функциональные зоны в экспрессивную линейную и сложную форму [6]. В своем проекте дизайнеры гармонично соединили традиционные приемы создания чайного дома, новые технологии проектирования и материалы. Идентифицировать современный китайский стиль в интерьере чайного дома можно по традиционным правилам в композиционной основе интерьера, составляющей художественный образ, который отражает принцип равновесия и гармонии конфуцианской философии [7].

Согласно высказыванию китайского философа Ли Цзэхуо: «Традиционная культура – это неотъемлемая часть исторического бытия. А использование традиций в современной практике искусства и дизайна отражает конфуцианскую концепцию о создании нового с опорой на старое» [8]. Современный язык дизайна представлен в тесной взаимосвязи архитектуры и дизайна, которые объединяют традиционную китайскую эстетику. Примером служит плавучий домик в бамбуковом дворике в саду Шицяо в Янчжоу. Китайский архитектор Сунь Вэй разработал следующую концепцию для своего проекта: «Бамбуковый двор является примером философии дизайна HWCD, охватывающей основы традиционного китайского сада и вписывающейся в природную среду»¹.

Для создания «глубины» пространства, бамбук расположили вертикально в интерьере, вдоль дорожек на озере были выстроены ряды из бамбуковых палочек, образующих асимметричные коридоры. Внутренний двор представляет собой традиционную постройку павильонов, обращенных вовнутрь на основе квадратной планировки,

¹ Плавучий чайный домик в Китае. URL: <https://ru.pinterest.com/pin/24488391717498958/?ysclid=mevbsbtizj962042210> (дата обращения: 12.10.2025).

создающей внутреннюю ландшафтную зону постройки. Панорамный вид на окружающий пейзаж и озеро, по задумке архитекторов, обеспечивают фрагментированные внутренние пространства всей постройки, расположенные по периметру. Вариации нескольких тел и пустот создают кубическую форму всего бамбукового дворика. Ночная подсветка чайного дома подчеркивает вертикальность объекта. Гармония архитектурного сооружения и природы соответствует даосским принципам в китайской культуре. Традиционные натуральные материалы как бамбук и кирпич, иллюстрируют устойчивую чувственную связь человека с окружающей средой. Бамбуковый двор обеспечивает подходящую обстановку для чаепития, подчеркивая основополагающую важность дизайна и архитектуры. Данный проект является иллюстрацией традиционной связи человека и природы в китайской культуре [9, 10].

Интересным для нашего исследования представляются работы архитектора Ван Шу, в которых он использовал прием экологического минимализма как фундаментальный принцип проектирования. Чайный дом построенный Ван Шу на берегу пруда в Сянъшань, где пространство и природа существуют в гармоничном единстве: «Интерьеры, где каждый элемент является частью замкнутой экосистемы. Перегородки из прессованных растительных волокон естественным образом регулируют влажность и очищают воздух. Мебель из переработанных материалов не просто минимизирует экологический след – она создаёт новую эстетику, где устойчивость становится источником красоты. В одном из концептуальных пространств даже представлена система, где комнатные растения интегрированы в архитектурные элементы так, что грань между интерьером и живой природой практически стирается»². Представленная работа Ван Шу относится к современным направлениям проектирования – *симвиотической архитектуре и биофильтрующему дизайну*, в соединении с традиционными приемами китайской культуры чайных домов.

Рассмотрим основные способы интеграции в современный интерьер традиционных приемов и элементов на примере интерьеров различных чайных домов в Китае. Первый способ интеграции представляет собой прямое цитирование – это копирование, воспроизведение элементов интерьера и предметов декоративно-прикладного искусства, живописи и каллиграфии соответствующих чайной церемонии и интерьерам традиционных чайных домов, согласно китайским культурным традициям. Этот метод представлен в дизайн-концепции чайного дома «Лао Шэ». Чайный дом «Лао Шэ» – один из лучших традиционных чайных домов. Необычная обстановка, деревянные окна коридоров, китайская мебель из твердых пород дерева, изысканные фарфоровые чаши и различные дворцовые фонари, висящие на стенах, – все это излучает яркий пекинский колорит. Чайный дом «Лао Шэ» унаследовал и сохранил очарование чайных домиков в пекинском стиле как по форме, так и по функциям, соответствуя методу прямого цитирования в концепции интерьерного пространства.

Следующим методом интеграции традиционных приемов и предметов китайской чайной культуры в современном интерьере чайных домов является *стилизация*. Метод стилизации считается одним из самых распространенных в современных интерьерах чайных домов Китая. «Стилизация изменяет в соответствии с современными эстетическими запросами внешний вид первоначального образа, дает авторское прочтение и творческое переосмысление образов в традиционной культуре» [11]. Инновационные преобразования в стилизации вносят изменения в наружный вид предметов придавая новые творческие прочтения.

Стилизация вносит изменения на материальном уровне достигая визуальной привлекательности нового предмета культурного содержания. На примере интерьера чайного домика в Чжуцзяцзяо можно увидеть более умеренный подход к дизайну интерьеров, использование отдельных предметов декоративно-прикладного искусства, отказ от чрезмерного предметного насыщения интерьера. Здесь мы видим, что отдельные предметы интерьера представлены в стилизованной форме и приобрели новые функции взамен традиционных. Цветовое решение современного чайного дома ассоциируется с китайской традиционной цветовой гаммой.

Но вместе с тем нужно отметить, что все предметы в интерьере современных чайных домов сохранили черты традиционной китайской культуры, оставаясь носителями культуры Китая. Наряду с новыми методами в решении концептуальных идей в средовом дизайне появился новый подход к проектированию пространственных решений – *современный китайский минимализм*. Современный китайский минимализм не пытается копировать традиционные формы, но и не отказывается от своих корней. Вместо этого он ведёт с ней традицией диалог [12]. Силуэты мебели, отсылающие к династии Мин, но выполненные из инновационных материалов. Пространственные решения, вдохновлённые традиционными садами, но переосмысленные для современного образа жизни. Цветовые палитры, берущие начало в классической китайской живописи, но интерпретированные через призму современной колористики. Это создаёт минимализм с отчёлтым «акцентом» – универсальный в своей функциональности, но уникальный в своём культурном выражении.

Гармоничного соединения традиций и современности в своем проекте чайного дома достиг создатель Сюэ Бинхуа³. Чайный дом носит название Цюйланъюань – «Двор изогнутого коридора». Нежилой хутун был реконструирован с учетом максимального сохранения элементов и планировок цинских времен и добавлен постройкой современного стеклянного коридора изогнутой формы. В чайных церемониях Цюйланъюань используется антикварная посуда, внутреннее пространство используется как галерея и арт-площадка, в соответствии с функциональными особенностями традиций чайных домов Китая.

² Эволюция китайского минимализма: новые тенденции на выставке в Гуанчжоу CIFF 2025. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/evoljutsija-kitajskogo-minimalizma-novye-tendentsii-na-vystavke-v-guanchzhou-ciff-2025-23-04-2025?ysclid=mjbq3m4uro16709049> (дата обращения: 12.10.2025).

³ ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-47905050_22076?ysclid=mevbz4j4y185694481 (дата обращения: 12.10.2025).

Интересным для нашего исследования представляется проект современной чайной в Шенчжене, разработанный Бюро EK Design. Задача, поставленная перед дизайнерами, заключалась в буквальном смысле соединить традиции чайного дома и современность, представленные китайской чайной культурой и архитектурой деконструктивизма. Согласно авторской концепции, это позволит привлечь и познакомить современное поколение китайцев к огромной истории традиционного чаепития с помощью современного дизайна и архитектуры, сделает популярным традиции чаепития. Дизайнеры сформулировали свою задачу: «Мы хотели дать возможность молодежи больше узнать о чайной культуре, чтобы им хотелось сюда приходить и проводить здесь время». Дизайнеры творчески переосмыслили традиционную чайную, создав динамичное пространство в духе деконструктивизма с традиционными пейзажами на стенах. Концепция «деконструкции» прослеживается во всех деталях – от балок и колон до барной стойки, включая традиционные элементы китайской архитектуры, представленные шиповым соединением (известным как конструкция «сунь мао») в теплых бордовых и коричневых оттенках самого чая.

Исходное пространство было сложным, в форме узкого треугольника, в котором сложно было спланировать разные зоны. К тому же острый треугольник считается, согласно принципа фэншуй, «негативным пространством». Стены украсили почти монохромными панно с изображением весны. Решением задач планировки и зонирования пространства в проекте стал прием деконструктивизма, позволяющий изменить масштаб и восприятие пространства чайного дома с помощью асимметричных форм и линий. Во всех представленных проектах современная трактовка дизайна чайных домов, которая сохранила в себе свою сущность традиционной китайской культуры и была адаптирована к технологиям и требованиям современности.

Результаты исследования и анализ проектов современных чайных домов Китая позволяют сделать выводы:

- Во время проектирования предметно-пространственной среды чайных домов дизайнеры комплексно подходят к решению вопросов этнокультурных компонентов интерьера.
- Художественные образы интерьерных решений отражают синтез современного дизайна и традиционного китайского искусства на основе конфуцианской концепции о создании нового с опорой на старое.
- Различные элементы интерьера чайного дома не только взаимосвязаны, но и находятся под влиянием друг друга, что позволяет сделать взаимосвязь между гостями чайных домов и окружающим пространством более тесной, выражая творческую мысль дизайнера.
- Экологические материалы в интерьере позволяют отразить духовные стремления в организации пространства в соответствии с историческим китайским представлением мироустройства.
- Стилизация вносит изменения в интерьер на материальном уровне, достигая визуальной привлекательности нового предмета культурного содержания.
- Цветовые палитры берут начало в классической китайской живописи, но реализуются через призму современной колористики.
- Пространственные решения чайных домов современных дизайнеров, вдохновленные традиционными садами, но переосмысленные для современного образа жизни.

Обсуждение и заключение. Современные китайские дизайнеры и архитекторы при строительстве новых Чайных домов успешно включают новые технологии, совмещая их с традициями, используют природные материалы для отделки внутреннего и внешнего пространства, добиваясь полного единения с природой. В решении современных интерьеров чайных домов китайские дизайнеры ведут активный поиск гармоничного соединения традиций и инноваций в разработке новых концептуальных идей, обозначая одним из приоритетных направлений в дизайн-проектировании.

Анализ современных дизайнерских решений чайных домов определил традицию как отправную точку творческой деятельности. Формирование интерьеров чайных домов Китая происходило под влиянием развития культурных традиций чайной церемонии. Китайская чайная церемония – это не просто ритуал чаепития, а духовная практика, миниатюрная модель идеального мироустройства. Через простое действие – приготовление и чаепитие – человек совершает путь к гармонии с собой и другими. Философский фундамент китайской чайной церемонии заложил Лу Юй в «Чайном каноне» VIII в., объединив эти принципы в эстетику «Пути Чая».

Архитектурные решения и стиль интерьеров складывались под воздействием сельского или городского социального окружения, отражая дух места. Духовное наполнение ритуала чаепития отразилось в эстетическом восприятии чайных домов и повлияло на формирование традиционных интерьеров, создающих определенную целостную композицию и философско-эмоциональную атмосферу. Китайская философия (даосизм, конфуцианство и чань-буддизм) оказала глубокое влияние на архитектуру чайных домиков, сделав их не просто постройками, а материальным воплощением духовных идей. Это выражается в гармонии с природой; простоте и асимметрии; символическом порядке и ритме; единстве внутреннего и внешнего пространства.

Таким образом, комплексный подход в разработке концептуальной идеи осуществляется во время современного проектирования предметно-пространственной среды чайных домов на основе философских и культурных традиций. В современных проектах чайных домов дизайнерам удалось соединить традиции чайного дома и современность, представленные китайской чайной культурой, осуществляя идею синтеза эстетического и природного начал в формировании нового образа интерьера.

Список литературы / References

1. Генисаретский О.И. Проектная культура и концептуализм. *Социально-культурные проблемы образа жизни и предметной среды*. Москва; 1987. № 52. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2682/> (дата обращения: 10.08.2025). Genisaretsky O.I. Designing culture and conceptualism *Socio-cultural problems of lifestyle and environment*. Moscow; 1987. No. 52. (In Russ.) URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2682/> (accessed: 10.08.2025).
2. Арутюнов С.А. *Народы и культуры: развитие и взаимодействие*. Москва: Наука; 2009. 247 с. Arutyunov S.A. *Peoples and cultures. Their development and interaction*. Moscow: Nauka; 2009. 247 p. (In Russ.)
3. Чжусан-цызы. Москва: Аст; 2022. 416 с. *Zhuang Zi*. Moscow: AST; 2022. 416 p. (In Russ.)
4. Чайный дом в Нинбо по проекту студии Qicang Design. (In Russ.) URL: <https://www.interior.ru/place/18993-chainii-dom-v-ninbo-po-proektu-studii-qicang-design.html> (дата обращения: 12.08.2025). Tea House in Ningbo designed by Qicang Design studio. URL: <https://www.interior.ru/place/18993-chainii-dom-v-ninbo-po-proektu-studii-qicang-design.html> (accessed: 12.08.2025).
5. Хуан Вэйвэй. Применение традиционных китайских декоративных элементов в современном искусстве дизайна интерьера. *House*. 2021;30:20–21. Huang Wei. The use of traditional Chinese decorative elements in contemporary interior design. *House*. 2021;30:20–21. (In Russ.)
6. Сюн ЦзинхАО, Чжэн Сян. Размышления о включении китайских традиционных элементов в современный художественный дизайн. *Aspect*. URL: <https://na-journal.ru/1-2023-kultura-iskusstvo/4266-razmyshleniya-o-vklyucheniikitaiskih-> (дата обращения: 12.08.2025). Xiong Jinghao, Zheng Xiang. Reflections on incorporating traditional Chinese elements into contemporary artistic design. *Aspect*. (In Russ.) URL: <https://na-journal.ru/1-2023-kultura-iskusstvo/4266-razmyshleniya-o-vklyucheniikitaiskih-> (accessed: 12.08.2025).
7. Chen Chen. Research on the Application of Chinese Traditional Elements in Contemporary Interior Design. *Lifelong Education*. 2020;9(6):103–105. <https://doi.org/10.18282/le.v9i6.1312>
8. Ли Цзэхуо. *Путь красоты*. Пекин: Изд-во Кит. акад. обществ. Наук; 2004. 268 с. Li Zehou. *The Path of Beauty: A Study of Chinese Aesthetics*. Beijing Academy of Social Sciences; 2004. 268 p. (In Russ.)
9. Junbo Lei. The Application of Chinese Traditional Decorative Culture Elements in Interior Design. *Journal of Humanities, Arts and Social Science*. 2024;8(7):1649–1653. <https://doi.org/10.26855/jhass.2024.07.018>
10. Юй Ч. Применение традиционных китайских элементов в современном ландшафтном дизайне. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2020;66(4–10):120–123.
11. Наумова Е.Г. Наумов Н.В. Сущность и взаимосвязь искусства и дизайна как форм художественного творчества. *Манускрипт*. 2019;12(2):138–143. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.27>
12. Мазина Ю.И. *Национальные традиции декоративно-прикладного искусства в современном дизайне*. Автореф. дис. канд. иск. 2012. Mazina Yu.I. *National traditions of arts and crafts in modern design*. Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Arts. 2012. (In Russ.)

Об авторе:

Наумова Екатерина Григорьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Дизайн ШАДИ», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), design-naumova@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Naumova Ekaterina Grigorievna, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, School of Architecture, Design, and Arts, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), design-naumova@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 02.09.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 16.09.2025

Принята к публикации / Accepted 18.09.2025

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 141.5

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-42-47>

Отношение к смерти в святоотеческой антропологии

В.А. Тер-Аракельянц

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российской Федерации

✉ protoierey.vladimir@gmail.com

Аннотация

Введение. В отличие от языческих религий и философских систем, где проводится мысль, что главное в человеке – это душа, а тело лишь временная оболочка, в которой душа развивается, – христианская вера не разделяет такое понимание человеческой природы. Давая предпочтение духовному началу в человеке, она все же видит в нем принципиально двухсоставное существо, состоящее из друг друга дополняющих сторон: духовной и материальной. В данной статье предлагается рассмотрение проблемы отношения к смерти в святоотеческой антропологии.

Материалы и методы. Методология носит комплексный характер, что обусловлено междисциплинарностью подходов к изучению проблемы. Ведущими методами исследования выступили концептуально-логический анализ теоретической терминологии и методы историко-генетического анализа научной методологии.

Результаты исследования. Отмечено, что христианство, отдавая предпочтение духовному началу в человеке, все же видит в нем принципиально двухсоставное существо, состоящее из друг друга дополняющих сторон: духовной и материальной. Победа смерти в нашей жизни стала следствием нарушения заповеди и непреложности Божественных обетований. При том прародительский грех и есть существо понятия смерть, а причина смерти не в Боге, а в человеке. Бог для того проводит нас вратами смерти, чтобы возвысить достоинство жизни.

Обсуждение и заключение. Доказано, что онтологически смерти, как и зла, нет. Бог, не сотворивший зла, не творит и смерть. И как зло есть недостаток добра, так и смерть есть недостаток жизни. Ещё как это не парадоксально, смерть есть акт Божественного милосердия и может заключать в себе пользу. Добавим, что не только пользу, но справедливость таит в себе смерть. Ведь Сам Господь принимает её. Справедливость смерти выражается и в ограничении в мире греха. Ещё одним важным выводом должно быть указание на необходимость памяти о грядущей смерти как важнейшем сoteriологическом обстоятельстве нашей жизни, так как она позволяет нам побеждать греховную склонность. Быть смертным означает не только быть причастным злу, которое она несет, но и благу, в частности, возможности стяжать мученический венец. Проблема смерти – это не конец, а начало всего, что уготовано душе, потому и нашу смерть нужно встречать нашей же жизнью.

Ключевые слова: святоотеческая антропология, духовная смерть, зло смерти, прародительский грех, нечистая совесть, справедливость смерти, память смертная

Для цитирования. Тер-Аракельянц В.А. Отношение к смерти в святоотеческой антропологии. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):42–47. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-42-47>

Original Theoretical Research

Attitude to Death in Patristic Anthropology

Vladimir A. Ter-Arakelyants

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ protoierey.vladimir@gmail.com

Abstract

Introduction. Unlike pagan religions and philosophical systems, where the idea is that the main thing in a person is the soul, and the body is only a temporary shell in which the soul develops, Christian faith does not share such an understanding of human nature. Giving preference to the spirituality in a person, it still sees in them a fundamentally two-

part being consisting of complementary sides: spiritual and material. This article offers a consideration of the problem of attitude to death in patristic anthropology.

Materials and Methods. The methodology is complex, due to the interdisciplinary approaches to the study of the problem. The leading research methods were conceptual and logical analysis of theoretical terminology and methods of historical and genetic analysis of scientific methodology.

Results. It is noted that Christianity preferring the spirituality in a person, nevertheless sees in them a fundamentally two-part being consisting of complementary sides: spiritual and material. The victory of death in our life was the result of a violation of the commandment and the immutability of divine promises. Moreover, the ancestral sin is the essence of the concept of death, and the cause of death is not in God, but in person. God guides us through the gates of death in order to exalt the dignity of life.

Discussion and Conclusion. It is proved that ontologically death, like evil, does not exist. God, who did not create evil, does not create death. Just as evil is a lack of good, so death is a lack of life. Paradoxically, death is an act of divine mercy and can be beneficial. Let's add that death is fraught not only with benefit but justice. After all, God Himself accepts it. The justice of death is also expressed in restriction in the world of sin. Another important conclusion should be an indication of the need to remember the impending death as the most important soteriological circumstance of our life, since it allows us to defeat sinful tendency. Being mortal means not only being involved in the evil that it carries, but also in the good, in particular, the ability to attain the martyr's crown. The problem of death is not the end, but the beginning of everything that is prepared for the soul, therefore our death must be met with our own life.

Keywords: patristic anthropology, spiritual death, evil of death, ancestral sin, bad conscience, justice of death, mortal memory

For Citation. Ter-Arakelyants V.A. Attitude to Death in Patristic Anthropology. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):42–47. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-42-47>

Введение. Хотя ежедневный опыт говорит, что смерть – это непреложный удел каждого человека и закон природы, Священное Писание учит, что первоначально смерть не входила в планы Бога о человеке. Смерть не есть Богом установленная норма, а скорее, уклонение от нее и величайшая трагедия. Книга Бытия повествует, что смерть вторглась в нашу природу вследствие нарушения первыми людьми Божией заповеди. Согласно Библии, целью пришествия в мир Сына Божия было вернуть человеку утраченную им вечную жизнь. Здесь речь не о бессмертии души, потому что она по своей природе не подлежит уничтожению, а именно о бессмертии человека в целом, состоящем из души и тела.

Восстановление единства души с телом должно осуществиться для всех людей одновременно при всеобщем воскресении мертвых. Тем не менее святитель Иоанн Златоуст, говоря о том, чем стала для нас смерть, высокохудожественно её изображая, пишет: «Смерть – палач неумолимый, смерть – приговор неотвратимый, смерть – насильник рода нашего нелицеприятный, смерть – убийца незамаскированный, смерть – путник природный, смерть без доклада является перед лицом царей, смерть – хищник, и днем и ночью с одинаковым искусством совершающий свое дело, смерть – грабитель, похититель правды, смерть только для праведных является желанным гостем. Слыша это, возлюбленные, будем бодрствовать и трезвиться, чтобы не уснуть опять сном греховным» [1].

В противоположность этому мнению, представление о смерти ныне утверждается как явление естественное, нормальное и конечное для человека. Святой Иустин (Попович) по этому поводу пишет: «Сначала неосознанно, а потом систематически сознательно и намеренно, европейскому человеку и через науку, и через философию, и через культуру впрыскивали представление, что человек смертен весь без остатка. Это представление постепенно оформилось в убеждение, которое гласит: смерть – необходимость. Смерть – необходимость! Возможен ли больший ужас, оскорбление и насмешка: величайший враг человека необходим человеку?! Скажите мне, есть ли здесь логика, хоть какая-нибудь, хотя бы детская или даже логика насекомых? Может быть, европейский человек, раздавленный и размолотый на мельнице смерти, утратил и последнюю каплю разума и начал бредить...» [2].

При том никто не спорит о неизбежности и даже неумолимости смерти, подчеркивая её особый характер, о чем преподобный Ефрем Сирин пишет: «Не знает ангел смерти что такое просьба, ни во что ставит всякое моление, никакой плачевный вопль не трогает его, никакие болезненные плачи не возбуждают в нем сострадания. Не обращает он внимание на дары, не прельщается золотом, разлучает матерь с детьми ее; и они остаются сиротами, лишаясь ее сообщества. Нимало не щадит он прекрасных, нимало не милует сильных, губит красоту лица и в гной обращает ее в аду. Опаляет привлекательный цвет кожи, и красота тела исчезает мгновенно; мраком покрывает свет очей, заграждает слух глухотою. В смрад превращает всякое убранство; все украшения попирает во гробе; всякие уста заставляет взывать: увы! всякий голос облекает болезненностью» [3].

Материалы и методы. В исследовании методология носит комплексный характер, что обусловлено междисциплинарностью подходов к изучению проблемы. Исследование проблемы смерти в свете святоотеческой мысли находится в устойчивом развитии философии религии, философской антропологии и целого комплекса философских и общенаучных методов: аналитического, феноменологического, принципов объективности, всеобщей связи, противоречия, методов сравнительного анализа и синтеза, научного обобщения. В исследовании применяется концептуально-логический анализ теоретической терминологии с целью определения понятия смерти для социокультурного контекста.

Привлекаются методы историко-генетического анализа научной методологии для анализа её переориентации от формально-теоретической установки к социально-значимой. Исходной методологической идеей исследования

являются диалектический и системный подходы. Философия религии и философская антропология темы смерти нуждается в новой методологии исследования с привлечением нового понятийного аппарата и методологического инструментария. Методология как логическая организация решения «проблемы смерти» состоит в том, чтобы определить цель и предмет исследования, найти подходы и ориентиры к проблеме, выбрать методы исследования. Религиозно-философский аспект этой темы представляется в том числе и объектом социальной сферы исследований. Это обусловлено неоднозначностью понятия «концепция смерти». Современность требует уточнения и развития этого понятия, соответствующего их новому пониманию.

Результаты исследования. В некоторых религиях и философских системах (например, в индуизме и стоицизме) проводится мысль, что главное в человеке – это душа, а тело лишь времененная оболочка, в которой душа развивается. Когда душа достигает известного духовного уровня, тело перестает быть нужным и должно быть сброшено как сносившаяся одежда. Освободившись от тела, душа восходит на более высокую ступень бытия. Христианская вера не разделяет такое понимание человеческой природы. Давая предпочтение духовному началу в человеке, она все же видит в нем принципиально двухсоставное существо, состоящее из друг друга дополняющих сторон: духовной и материальной. Существуют и простые бестелесные существа как ангелы и бесы. Однако у человека другое устройство и назначение. Благодаря телу его природа не только сложнее, но и богаче. Богом определенный союз души и тела – это вечный союз.

При этом прародительский грех и есть существо понятия смерть. О том, что причина смерти не в Боге, а в человеке утверждает святитель Василий Великий: «Не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением» [4]. Бог для того проводит нас вратами смерти, чтобы, как полагает святой Ефрем, возвысить достоинство жизни: «По Божиему промыслу одна жизнь меняется на другую, вечную, действием смерти, чтобы через испытание еще более возвысилось достоинство Его дара» [3]. Не благо, но зло смерти победил Христос потому святой далее пишет: «С Адама началась смерть, и течение ее простирилось до Христа. Христос упразднил державу ее, отнял жало у греха, и во всех родах проповедуется, что смерть во Христе побеждена Его человечеством» [3].

Точки зрения, что в результате падения отношение души и тела изменились, придерживается святой Игнатий, который далее пишет: «Падением изменились и душа, и тело человека... Падение было для них вместе и смертью... смерть есть только разлучение души с телом, прежде того уже умерщвленных отступлением от них Истинной Жизни, Бога» [5]. Победа смерти в нашей жизни стала следствием нарушения заповеди и непреложности Божественных обетований. Святитель Афанасий Великий по этому поводу пишет: «Смерть превозмогала над нами по силе уже закона, и невозможno было избежать закона, так как он, по причине преступления, постановлен был Богом» [6]. Он же замечает: «Тогда не было бы в Боге правды, если бы, когда сказано Богом, что умрешь, человек не умер» [6]. При этом возникает вопрос, что в настоящее время более естественно – жизнь или смерть?

Размышляя на эту тему, преподобный Николай Сербский пишет: «Так является ли смерть единственной реальностью, а жизнь – случайностью в этом мире, или верно обратное? Христос открыл и доказал: верно обратное» [7]. Когда после смерти душа покидает свое тело, она попадает в чуждые для себя условия. Действительно, она не призвана существовать как призрак и ей трудно приспособливаться к новым и неестественным для нее условиям. Вот почему для полного упразднения всех разрушительных следствий греха Богу угодно было воскресить созданных им людей. Это произойдет при втором пришествии Спасителя, когда по Его всемогущему слову душа каждого человека вернется в свое восстановленное и обновленное тело. Надо повторить, что она войдет не в новую оболочку, а соединится именно с телом, которое принадлежало ей раньше, но обновленное и нетленное, приспособленное для новых условий бытия.

Именно первородный грех стал причиной нынешнего состояния, для которого характерны смерть и тление. У преподобного Симеона Нового Богослова читаем: «Слова и определения Божии делаются законом естества. Почему и определение Божие, изреченное Им вследствие преслушания первого Адама, т. е. определение ему смерти и тления, стало законом естества, вечным и неизменным» [8]. Преподобный Исидор Пелусиот, считая грех причиной смерти, пишет: «Грех – дрова, а смерть – огонь. В чем находила она свойственную ей пищу, то и пожирала. Не нашедши же ее во Христе, естественным образом угасла, лучше же сказать, умерла» [9].

Что касается временного состояния души со времени ее разлучения с телом и до дня всеобщего воскресения, то Священное Писание учит, что душа продолжает жить, чувствовать и мыслить. «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы», – сказал Христос (Мф. 22:32; Екк. 12:7). Смерть, будучи временным разлучением с телом, в Священном Писании именуется то отшествием, то разлучением, то успением (2 Пет. 1:15; Фил. 1:23; 2 Тим. 4:6; Деян. 13:36). Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Когда пришел Христос и умер за жизнь мира, то смерть уже не называется смертью, а сном и успением» [10]. И в другом месте: «Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умерший уже не имеет возможности возвратиться к жизни; если же после смерти он оживет, и при том лучшею жизнью, то это не смерть, а успение» [10].

Та же мысль у святого Ефрема: «От Христа и доныне смерть для нас есть один сон и разлучение души с телом до дня обновления нашего» [3]. И святитель Василий Великий замечает: «Смерть для праведных – сон, вернее же сказать, – отшествие к лучшей жизни» [4]. Ясно, что слово успение (сон) относится не к душе, а к телу, которое после смерти как бы отдыхает от своих трудов. Душа же, разлучившись с телом, продолжает свою сознательную жизнь, как и раньше. Преподобный Ефрем Сирин по этому поводу пишет: «Телесный только сотлевает покров, обвешав от болезней, а душа, как она есть, навсегда остается живой и нетленной... Душа <умерших> живет и мыслит, Творец блюдет ее в Эдеме, а тело их хранится в земле, до возвращения вверено оно ей как залог» [3]. Но

и с другой стороны, смерть, как полагает святой Златоуст, есть уничтожение тления: «Смерть... есть не что иное, как совершенное уничтожение тления, потому что смерть разрушает не просто тело, но тленность его» [10].

Преподобный Максим Исповедник понимает смерть как зло и грех. Подобно тому, как зло и грех есть удаление от источника блага – Бога, смерть является тем же. Святой пишет: «Смерть, собственно, есть отдаление от Бога; жало же смерти – грех, которое Адам, привя в себя, стал в одно время изгнан и от древа жизни, и от рая, и от Бога, за чём необходимо следовала и телесная смерть» [11].

Естественно ответить на вопрос, что порождает что и чего надо бояться больше? Святой Златоуст, отвечая на этот вопрос, замечает: «Станем трепетать не перед смертью, а перед грехом; не смерть родила грех, но грех произвел смерть, смерть же стала исцелением греха» [10]. Тот же святой связывает бесстрашие перед смертью с верой в Воскресение. «Кто способен глубоко усвоить мысль о Воскресении, будет ли бояться смерти, станет ли страшиться чего-нибудь другого?» [10]. Более того, как полагает преподобный Ефрем Сирин: «Смерть, которая страшна вся кому и ужасает смертных, богобоязненному представляется пиршеством» [3]. Он же пишет: «В день смерти радуются только праведные, которые в напутствие себе приобрели дела праведные и имеют брачные одежды» [3]. У него же читаем: «Смерть праведных – конец борьбы со страстями плоти; после смерти борцы прославляются и принимают победные венцы» [3].

Тема смерти и воскресения едины, отсюда строятся и чувства верующего человека. Торжеством веры станет смерть праведных, потому что: «Святые с Небесными Силами воспарят на высоту навстречу нашему Господу, когда Он придет; с Ним войдут они в брачный Чертог – принять награду в стране Жизни, которая выше всякого страха» [8].

Преподобный Симеон Новый Богослов полагает смерть праведника как нечто желанное для него. «Поскольку христиане после Креста и Воскресения Христова удостоверены в том, что, умирая во Христе, переходят от смерти в Жизнь и в радость сопребывания со Христом, они желают смерти. Ибо если Дух Христов есть жизнь души, то какая польза получившим Его жить в этом мире и тем самым быть устранными от той радости, которая подается сопребыванием со Христом?» [8]. То что смерть есть пролог к воскресению из мертвых, а воскресение необходимо не душе, а телу, говорит святой Иоанн Златоуст: «Если не воскреснет тело, то не воскреснет человек, потому что человек есть не только душа, но душа и тело» [10].

Святитель Григорий Нисский считает Господа Иисуса Христа нашим Спасителем от смерти и выход нас к воскресению: «...Истребителем нашим была смерть, которую Господь тогда привел в бездействие, когда, пребывая недвижимым на том месте, где находился, казался нам субботствующим, поборол же силу смерти, пролагая Собою путь всем умершим к воскресению от смерти» [12]. «Теперь же, говорит святитель Афанасий Великий, поскольку Спаситель воскресил тело, смерть уже не страшна, но все верующие во Христа попирают ее как ничтожную и скорее решаются умереть, нежели отречься от веры во Христа» [6]. Есть и другое понимание смерти. Так, святой Максим Исповедник и вовсе не считает смерть тем, чем её называют: «Конец настоящей жизни несправедливо, думаю, называть смертью, а скорее избавлением от смерти, удалением из области тления» [11].

Размышляя на эту тему, святитель Иоанн Златоуст пишет: «Что же такое смерть? То же, что снятие одежды: тело, подобно одежде, облекает душу, и мы через смерть слагаем его с себя на краткое время, чтобы опять получить его в светлайшем виде» [10]. Святой Афанасий Великий, развивая мысль о естестве человека, которое образовано Богом из ничего пишет: «Смерть, воцарившись, овладела людьми, потому что преступление заповеди возвратило их в естественное состояние, чтобы как сотворены были из ничего, так и в самом бытии, со временем, по всей справедливости потерпели тление» [6]. Двойственное явление смерти в жизни людей выражается в том, что с одной стороны, как полагает святитель Феофан Затворник: «Смерть – дверь в отечество для блаженной жизни» [13] и, святитель Игнатий пишет: «Смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной, временной жизни в вечность» [5].

О том же говорит святитель Киприан Карфагенский: «...Смерть это и не есть исществие, а только переход, или переселение в вечность, по окончании временного пути» [14]. Потом она освобождение, о чём опять-таки пишет святой Златоуст: «...Смерть есть освобождение от всех неожиданных бедствий, и скончавшийся с доброю надеждою уже не подлежит неизвестности, но находится в безопасности» [10]. А с другой стороны, она величайшая скорбь и горечь. Преподобный Ефрем Сирин пишет: «Никакая смерть так не горька, как смерть нечестивого грешника. Нечестие его возжигает огонь и неугасимый пламень, отчаяние и утрату всякой надежды. Избави нас, <Господи>, от такой смерти и помилуй по благости Твоей» [3].

При том что для верующего человека скорбь по случаю смерти не достойна. Святой Златоуст пишет: «...Пусть никто не отчаивается за умерших: для Бога – все живы, бодрствуя и погружаясь в сон по Его воле» [10]. Он же утверждает, что смерть есть освобождение от власти дьявола: «Свергающий с себя тяжкую власть смерти сокрушает и силу диавола» [10]. К негативной составляющей этого явления относится то, что смерть привносит разрушение целостного состояния человека. Так, читаем у святителя Игната Брянчанинова: «Смертью болезненно рассекается и раздирается человек на две части, его составляющие, и по смерти уже нет человека: отдельно существует душа его, и отдельно существует тело его» [5].

Святитель Тихон Задонский, размышляя на тему смерти пишет: «Смерть бывает «троякая»: телесная, духовная и вечная. Телесная смерть состоит в разлучении души от тела. Эта смерть – общая всем, праведным и грешным, и неминуема, как видим. Об этой смерти говорит Божие Слово: «человекам положено однажды умереть» (Евр. 9:27). Вторая смерть – вечная, которой осужденные грешники вечно будут умирать, но никогда не смогут умереть; желают обратиться в ничто из-за жестокого и нестерпимого мучения, но не смогут. Об этой смерти говорит Христос:

«Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая» (Апок. 21:8). Третья смерть – духовная, которой мертвы все, не верующие во Христа, истинную Жизнь и Источник Жизни. Также и христиане, исповедующие Бога и Христа, Сына Божия, но живущие беззаконно, мертвы этой смертью» [15].

Впрочем, ни сама смерть причиняет нам скорбь, а нечистая совесть. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Не смерть причиняет скорбь, а нечистая совесть. Поэтому перестань грешить – и смерть станет для тебя желанной» [10]. И страх смерти тоже не от Бога. Преподобный Никон Оптинский (Беляев) учит: «Боязнь смерти – от бесов. Это они все-ляют в душу такой страх, чтобы лишить надежды на милосердие Божие» [16]. «Смерть насыщается на тех, учит святитель Василий Великий, которые достигли предела жизни, какой от начала положен в праведном суде Бога, издалека предусмотревшего, что полезно для каждого из нас» [4].

Святоотеческая мысль строится на утверждении того, что онтологически смерти, как и зла нет. Бог, не сотворивший зла, не творит и смерть. И как зло есть недостаток добра, так и смерть есть недостаток жизни. Покаяние – это единственный способ восприятия плодов нашего спасения, совершенного Господом Иисусом Христом. Душа праведника верит, что через покаяние возможно наше спасение. При этом, защитой и спасением души могут быть только добродетели. Преподобный Исидор Пелусиот учит: «...Успение любителей добродетели... есть окончание скорбей и начало благ. Ибо конец подвигов есть начало венцов» [9]. Об этом же говорит святитель Иоанн Златоуст: «Тщательно подвигающиеся в добродетели, переселяясь от земной жизни, поистине, как бы отпускаются на свободу от страданий и уз» [10].

Он же и вовсе видит смерть праведных как их личное благо: «...Хочу сказать то, чтобы каждый, когда позовут <в загробный мир> его самого или ближнего, с радостью и веселiem и сам шел, и других идущих приветствовал» [10]. У смерти есть ещё одно качество. Она, как это не парадоксально, есть акт милосердия Божественного. Кказанному надо добавить, что не только пользу, но справедливость таит в себе смерть. Ведь Сам Господь принимает её. Справедливость смерти выражается и в ограничении в мире греха. Конечно, приятие смерти, смирение в отношении её находится в прямой зависимости от духовного возраста. Ещё одним важным выводом должно быть указание на необходимость памяти о грядущей смерти как важнейшем сoteriологическом обстоятельстве нашей жизни, так как она позволяет нам побеждать греховную склонность. Быть смертным означает не только быть причастным злу, которое она несет, но и благу, в частности, возможности стягивать мученический венец. Проблема смерти – это не конец, а начало всего, что уготовано душе, потому и нашу смерть нужно встречать нашей же жизнью.

Список литературы / References

1. Иоанн Златоуст свт. На начало поста, и о посте. *Православные цитаты*. URL: <https://azbyka.ru/quotes/umnyimi-rechami-ne-ostanovish-smert/> (дата обращения: 28.09.2025).
2. John Chrysostom St. At the beginning of the Lent, and about the Lent. *Orthodox quotes*. (In Russ.) URL: <https://azbyka.ru/quotes/umnyimi-rechami-ne-ostanovish-smert/> (accessed: 28.09.2025).
3. Иустин (Попович). *Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): жизнеописание. Путь Богопознания*. Пер. с серб. С. Фонова. Москва: Паломник; 2004.
4. Justin (Popovich). *Collection of creations of the Monk Justin (Popovich): biography. Path of God-knowing*. Translated from Serb. by S. Fonova. Moscow: Pilgrim; 2004. (In Russ.)
5. Ефрем Сирин. В 6 ч. Сергиев Посад; 1901–1912. *Цитаты Святых Отцов Православной церкви*. URL: <https://svyatye.com/Prepodobnyi-Efrem-Sirin/O-tele/?ysclid=majy9q7wml265261654/> (дата обращения: 28.07.2025).
6. Ephraim Sirin. At 6 parts. Sergiev Posad; 1901–1912. *Quotes from the Holy Fathers of the Orthodox Church*. (In Russ.) URL: <https://svyatye.com/Prepodobnyi-Efrem-Sirin/O-tele/?ysclid=majy9q7wml265261654/> (accessed: 28.07.2025).
7. Василий Великий: Творения. В 7 ч. Москва; 1845–1848. *Цитаты Святых Отцов Православной церкви*. URL: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-Vasilii-Velikii-Tvorenii-Hexaemeron/> (дата обращения: 28.06.2025).
8. Basil the Great: Creations. At 7 parts. Moscow; 1845–1848. *Quotes from the Holy Fathers of the Orthodox Church*. (In Russ.). URL: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-Vasilii-Velikii-Tvorenii-Hexaemeron/> (accessed: 28.06.2025).
9. Игнатьй. Святитель. *Слово о смерти*. Санкт-Петербург: В. Аскоченский; 1862. Т. 3. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003575283/ (дата обращения: 28.07.2025).
10. Ignatius. Saint. *Word about death*. Saint Petersburg: V. Askochensky; 1862. V. 3. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003575283/ (accessed: 28.07.2025).
11. Афанасий Александрийский. *Творения*. Вступ. ст. А.В. Горского. Москва; 1851–1854.
12. Athanasius of Alexandria. *Creations*. Entry. Art. A.V. Gorsky. Moscow; 1851–1854. (In Russ.)
13. Святитель Николай Сербский. *Мысли о добре и зле*. Пер. с серб. С.А. Луганской. Москва: Изд-во Моск. подворья Свято-Троиц. Сергиевой лавры; 2001. 132 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/mysli-o-dobre-i-zle/ (дата обращения: 28.02.2025).
14. St. Nicholas of Serbia. *Thoughts about good and evil*. Translated from Serbian by S.A. Luganskaya. Moscow: Publishing House Moscow compound of Holy Trinity-Sergius Lavra; 2001. 132 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/mysli-o-dobre-i-zle/ (accessed: 28.02.2025).
15. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. В пер. на рус. яз. с новогреч. еп. Феофана. Москва: Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря; 1890. Вып. 1–2: Слова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/slovo/ (дата обращения: 28.07.2025).

Words of the Monk Simeon the New Theologian. Translated from modern Greek into Russian by ep. Theophanes. Moscow: Publishing house of the Athos Russian Panteleimon Monastery; 1890. No. 1–2: Words. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/slovo/ (accessed: 28.07.2025).

9. *Творения Святого Исидора Пелусиота.* Москва: тип. В. Готье; 1859–1860. Ч. 1. 1859. 468 с. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Isidor_Pelusiot/sobranie-sochinenij/ (дата обращения: 28.08.2025).

Creations of Saint Isidore of Pelusium. Moscow: type. V. Gauthier; 1859–1860. P. 1. 1859. 468 p. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Isidor_Pelusiot/sobranie-sochinenij/ (accessed: 28.08.2025).

10. *Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в русском переводе.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская духовная акад., 1895–1906. Т. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003127511/ (дата обращения: 28.07.2025).

Creations of the Holy Father of our John Chrysostom, Archbishop of Constantinople in Russian translation. Saint Petersburg: Saint Petersburg Spiritual Academy, 1895–1906. V. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003127511/ (accessed: 28.07.2025).

11. *Творения преподобного Максима Исповедника.* Пер., вст. статья и comment. А.И. Сидорова. Москва: Мартис; 1993. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Aleksej_Sidorov/tvorenija-prepodobnogo-maksima-ispovednika-kniga-i-bogoslovskie-i-asketicheskie-traktaty/ (дата обращения: 28.07.2025).

Creations of the Monk Maxim the Confessor. Translation. Introductory article. Comments by A.I. Sidorov. Moscow: Martis; 1993. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Aleksej_Sidorov/tvorenija-prepodobnogo-maksima-ispovednika-kniga-i-bogoslovskie-i-asketicheskie-traktaty/ (accessed: 28.07.2025).

12. Григорий Нисский. *Творения. В 8 ч.* Пер. Московской духовной академии. Москва: Тип. В. Готье; 1861–1872. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004335613/ (дата обращения: 28.06.2025).

Gregory of Nyssa. *Creations. At 8 parts.* Translated by Moscow Theological Academy. Moscow: Type. V. Gauthier; 1861–1872. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004335613/ (accessed: 28.06.2025).

13. Феофан Затворник. *Святитель Феофан Затворник Вышенский, епископ Тамбовский.* URL: <https://azbyka.ru/days/sv-feofan-zatvornik> (дата обращения: 28.06.2025).

Theophanes the Recluse. *Saint Theophan the Recluse Vyhensky, Bishop of Tambov.* URL: <https://azbyka.ru/days/sv-feofan-zatvornik> (accessed: 28.06.2025).

14. Киприан Карфагенский. *Творения Священномученика Киприана епископа Карфагенского.* Книга о смертности. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Kiprian_Karfagenskij/kniga_o_smertnosti/ (дата обращения: 28.02.2025).

Cyprian of Carthage. *Creations of the Holy Martyr Cyprian Bishop of Carthage.* Book on mortality. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Kiprian_Karfagenskij/kniga_o_smertnosti/ (accessed: 28.02.2025).

15. Тихон Задонский. *Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефроня.* 2-е изд., вновь перераб. и доп. Т. 1–2. СПб., 1907–1909. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgaуз_efron/101443/Тихон?ysclid=mikiig91ip453317093 (дата обращения: 28.07.2025).

Tikhon Zadonsky. *Brockhaus and Efron Small Encyclopedic Dictionary.* 2nd ed., revised again and added. V. 1–2. Saint Petersburg, 1907–1909. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgaуз_efron/101443/Тихон?ysclid=mikiig91ip453317093 (accessed: 28.07.2025).

16. Никон Оптинский (Беляев). Москва: Православная энциклопедия; 2000. Т. 50. С. 728–732.

Nikon Optinsky (Belyaev). Moscow: Orthodox Encyclopedia; 2000. V. 50. Pp. 728–732. (In Russ.)

Об авторе:

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, protoierey.vladimir@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Ter-Arakelyants Vladimir Arakelovich, PhD (Doctorate) (Philosophy), Professor, “Department of Philosophy and World Religions”, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, protoierey.vladimir@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 02.10.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 22.10.2025

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 37.013

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-48-53>

Христианство и ислам в культуре адыгов

Е.П. Агапов , Л.П. Пендурина

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

march10@mail.ru

Аннотация

Введение. Ядром адыгской культуры является морально-этический кодекс, обладающий высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью, а периферией – система общественных институтов, постоянно изменяющаяся под влиянием социальной среды. Одним из этих институтов является религия, которая у адыгов встречается в форме язычества, христианства и ислама. Цель статьи – выявить социальные факторы, приведшие к появлению христианства в культуре адыгов, а затем к вытеснению его исламом.

Материалы и методы. Материалом послужили прежде всего работы современных исследователей, рассматривающие сущность адыгской культуры, а также ту роль, которую играют в ней различные религиозные представления. Используются также публикации по рассматриваемой теме, принадлежащие дореволюционным исследователям адыгской культуры из числа иностранных писателей и путешественников. Основным является исторический метод, с помощью которого авторы пытаются показать эволюцию религиозной составляющей в культуре адыгского народа.

Результаты исследования. Большинство исследователей христианства в культуре адыгов полагает, что оно пришло в неё из Византии, хотя некоторые из них упоминают также Грузию и Русь. Однако христианские корни в этой культуре оказались не очень глубокими, поскольку у адыгов процветал синкетический культ, заключавшийся в смешении элементов христианства и традиционных верований. После падения Византии христианство на Востоке лишилось организационной и идеологической поддержки, тогда как Османская империя не ослабляла своих усилий, направленных на исламизацию народов Северного Кавказа. Постепенно ислам сливался с традиционными верованиями адыгского народа, но так и не стал для него этнообразующим фактором, роль которого продолжало играть адыгство как морально-этический комплекс, образующий ядро адыгской культуры.

Обсуждение и заключение. Помимо традиционных верований, в культуре адыгов нашли отражение идеи двух мировых религий – христианства и ислама. При этом и христианство, и ислам всегда переплетались у адыгов с их традиционными верованиями. Большинство адыгов являются в настоящее время приверженцами ислама, который в результате слияния с доисламскими верованиями приобрёл в значительной степени этнический характер.

Ключевые слова: культура адыгов, ядро адыгской культуры, периферия адыгской культуры, язычество, христианство, ислам

Для цитирования. Агапов Е.П., Пендурина Л.П. Христианство и ислам в культуре адыгов. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):48–53. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-48-53>

Original Theoretical Research

Christianity and Islam in the Adyge Culture

Evgeny P. Agapov , Lyudmila P. Pendyurina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

march10@mail.ru

Abstract

Introduction. The core of the Adyge culture is a moral and ethical code with high stability and minimal variability, and the periphery is a system of public institutions that is constantly changing under the influence of the social environment. One of these institutions is religion, which among the Adyge people occurs in the form of paganism, Christianity and

Islam. The purpose of the article is to identify the social factors that led to the emergence of Christianity in the Adyge culture, and then to its displacement by Islam.

Materials and Methods. The material was primarily the work of modern researchers, considering the essence of the Adyge culture, as well as the role that various religious ideas play in it. Publications on this topic belonging to pre-revolutionary researchers of the Adyge culture from among foreign writers and travelers are also used. The main one is the historical method by which the authors try to show the evolution of the religious component in the culture of the Adyge people.

Results. Most scholars of Christianity in the Adyge culture believe that it came from Byzantium, although some of them also mention Georgia and Russia. However, the Christian roots in this culture were not very deep, since the Adyge people flourished a syncretic cult, which consisted in a mixture of elements of Christianity and traditional beliefs. After the fall of Byzantium, Christianity in the East lost organizational and ideological support, while the Ottoman Empire did not weaken its efforts aimed at Islamizing the peoples of the North Caucasus. Gradually, Islam merged with the traditional beliefs of the Adyge people, but never became an ethno-forming factor for it, the role of which the Adyge people continued to play as a moral and ethical complex that forms the core of the Adyge culture.

Discussion and Conclusion. In addition to traditional beliefs, the Adyge culture reflected the ideas of two world religions, Christianity and Islam. At the same time, both Christianity and Islam were always intertwined among the Adyge people with their traditional beliefs. Most Adyge people are currently adherents of Islam, which, as a result of merging with pre-Islamic beliefs, has acquired a largely ethnic character.

Keywords: Adyge culture, core of the Adyge culture, periphery of the Adyge culture, paganism, Christianity, Islam

For Citation. Agapov E.P., Pendurina L.P. Christianity and Islam in the Adyge Culture. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):48–53. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-48-53>

Введение. Слово «адыги» является общим названием для автохтонного народа Северного Кавказа, который включает в себя адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов, говорящих на адыгских диалектах западнокавказской языковой семьи. С.А. Раздольский определяет адыгскую культуру как тысячелетний опыт адыгов, которые обладают уникальными знаниями об окружающем мире, передавая их в межличностном общении как наиболее важные ценности [13, с. 215]. В структуре любой культуры можно выделить ядро и периферию: первое включает в себя нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, тогда как вторая охватывает её элементы, которые подвержены изменениям под воздействием различных социальных факторов. Ядром адыгской культуры является морально-этический кодекс, для обозначения которого используется слово «адыгство» (адыг. «адыгагъэ»), используемое в двух смыслах – широком и узком. В широком смысле это слово означает человечность, а в узком – традиционные нормы поведения адыгов, включающие в себя внимательность, добропорядочность, правдивость, стыд, уважение к старшим и к лицам противоположного пола, умение вести себя в обществе, честность, честь, чуткость и пр. [2, с. 1].

Ядро адыгской культуры обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью, благодаря которым оно играет роль её защитного пояса. В отличие от него, периферия адыгской культуры не остаётся неизменной в процессе её исторического развития, а постоянно изменяется под влиянием социальной среды. Одним из образующих её социальных институтов является религия, которая у адыгов встречается в форме язычества, христианства и ислама. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить социальные факторы, приведшие к появлению христианства в культуре адыгов, а затем к вытеснению его исламом.

Материалы и методы. Материалом послужили прежде всего работы современных исследователей, рассматривающих сущность адыгской культуры, а также ту роль, которую играют в ней различные религиозные представления. Помимо работ современных авторов, используются публикации по рассматриваемой теме, принадлежащие дореволюционным исследователям адыгской культуры из числа иностранных писателей и путешественников. Основным является исторический метод, с помощью которого авторы пытаются показать эволюцию религиозной составляющей в культуре адыгского народа.

Результаты исследования. Как и у других древних народов, на определённом этапе исторического развития у адыгов складывается пантеон языческих богов. Во главе этого пантеона стоял бог Тха, который генетически был связан с архаическим божеством Солнца. В результате его эволюции выполняемые им функции постепенно перешли к богу Тхашхо (букв. Тха Великий), которого стали считать творцом всего существующего. В его честь адыги регулярно устраивали празднества, которые сопровождались танцами и жертвоприношениями, а также произнесением здравиц в форме обращения к Всевышнему, получивших название «хохи» [1, с. 220].

Следующим после Тхашхо в пантеоне адыгских богов был Псатха, который вместе с Верховным богом ведал человеческими душами. О его роли в этом пантеоне говорит то, что он возглавлял пир богов, который устраивался на горе Эльбрус (адыг. Ошхамахо). Согласно представлениям древних адыгов, Псатха был способен воздействовать на природу, усмиряя не только бураны и ураганы, но и бушующий океан. В его честь устраивались празднества продолжительностью до двух месяцев, во время которых совершались пляски вокруг его идола, представлявшего собой деревянный фетиш. Поскольку Псатха считался также распорядителем человеческих душ, в существование которых верили адыги, именно он определял дальнейшую судьбу души, когда она представляла перед ним на небесах. Загробная жизнь человека, а также судьба его души зависели от того, как он жил на земле.

По мнению С.Т. Чамоковой, сложившееся у адыгов представление о Тхашхо как о Верховном боже свидетельствует о том, что они были готовы к восприятию монотеистической религии, первой из которых в их культуре стало православие [17, с. 51].

Большинство исследователей христианства в культуре адыгов полагает, что оно пришло в неё из Византии, хотя некоторые из них упоминают также Грузию и Русь [9, с. 54]. Согласно их представлениям, адыги познакомились с христианством в 40-е гг., когда на Северо-Западе Кавказа протекала миссионерская деятельность православных святых Андрея Первозванного и Симона Кананита, а также апостолов Варфоломея, Матфея, Петра и Филиппа. Греческие и итальянские путешественники, знакомые со средневековым Кавказом, утверждали, что адыги были обращены в христианство Андреем Первозванным или его последователями. Основанием для их утверждения служило то, что адыгам был знаком андреевский крест, символизирующий распятие Андрея Первозванного [14, с. 58].

О роли России и Грузии в распространении христианства среди адыгов говорил немецкий учёный и путешественник Иоганн Гильденштедт, который по приглашению Санкт-Петербургской академии наук приехал в Россию. В конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. он участвовал в академических экспедициях, имевших своей целью исследование Астраханской губернии, а также Северного Кавказа и Грузии. Результатом этих исследований явилась книга «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах», которая увидела свет в 1809 г. Черкесы (адыги) характеризуются И. Гильденштедтом как особый народ, который имеет некоторое сходство только со своими соседями – абхазами, говоря с ними на разных наречиях одного и того же языка. Во времена Ивана Грозного благодаря грузинскому и русскому духовенству на их земле была введена греко-католическая вера, в которой богослужение совершалось на греческом языке по византийскому обряду, разработанному в Константинопольской православной церкви. О её наличии у адыгов свидетельствуют сохранившиеся до восемнадцатого столетия старые каменные церкви, кресты на могилах по берегам реки Кума, соблюдение ими некоторых постов и пр. [3, с. 137].

Большую роль в распространении христианства у адыгов сыграли Абхазское царство, которое в средние века пользовалось на Кавказе значительным политическим влиянием, а также Тмутаракань, перешедшая в конце X в. под власть Руси после разгрома киевским князем Святославом Игоревичем хазарского ханства. Образование Тмутараканского княжества, в котором одно время проповедовали святые Кирилл и Мефодий, считают особым этапом христианизации народов Северо-Западного Кавказа. Это княжество стало крупным христианским центром, в котором имелись кафедральный собор, а также церкви и монастыри [12, с. 80].

В течение нескольких столетий Византия посыпала на Кавказ священнослужителей и религиозные книги, которые способствовали утверждению на его территории христианства в форме православия. Однако её мощь значительно ослабла после падения Константинополя, которое стало кульминацией Четвёртого крестового похода, предпринятого католической церковью в начале XIII в. На фоне ослабления влияния православия в Северном Причерноморье активизировалась деятельность генуэзских факторий (колоний), которые занимались не только торговлей, но и миссионерством, имевшим своей целью обращение в католичество адыгов и абхазов. Правда, деятельность католических миссионеров не только не достигла желаемого результата, но в какой-то степени имела обратный эффект. Православие в Северном Причерноморье не было вытеснено католицизмом, а сохранило свои позиции или даже немного их укрепило [10, с. 181].

В 1453 г. османский султан Мехмед II, прозванный Завоевателем, после двухмесячной осады захватил Константинополь, столицу Византийской империи. Захват турками столицы Византии ознаменовал падение и самой империи, которая служила оплотом христианства на Востоке. Крушение Восточной Римской империи имело своим результатом постепенное изменение религиозных предпочтений адыгов, выражавшееся в возникновении синкретического дуализма, при котором наряду с православными они практиковали и языческие культы.

По оценке современных исследователей, христианизация адыгского народа началась в VI в. и продолжалась целое тысячелетие. Первоначально она осуществлялась Византией, Грузией и Русью, исповедовавшими православную веру, а впоследствии – генуэзцами, которые были поборниками католицизма. Поскольку ни православие, ни католицизм не пустили глубокие корни в сознании адыгского народа, пережитую им христианизацию называют поверхностной [4, с. 140]. Более того, С.Б. Филатов утверждает, что её практически полностью удалось искоренить [15, с. 162].

Христианизация адыгского народа содействовала его приобщению к культурным традициям православия, хотя и не оказала существенного влияния на его сознание. В XVI в. ей на смену пришла исламизация, связанная с политикой Османской империи, которая давно пыталась подчинить себе адыгов если не политически, то с помощью ислама. Несомненно, что исламу принадлежит важное место в религиозных предпочтениях адыгов, но он так и не стал решающим фактором развития их культуры [15, с. 141]. В связи с этим возникают следующие вопросы: 1) насколько глубокими оказались корни, пущенные христианством в культуре адыгского народа? 2) почему католичеству не удалось вытеснить православные идеи из культуры адыгов, а исламу в какой-то степени удалось? 3) почему ислам так и не стал решающим фактором развития адыгской культуры, хотя большинство адыгов являются мусульманами, принадлежащими к одному из его направлений – суннитам? Ответы на эти вопросы, в которых содержатся результаты нашего исследования, можно сформулировать следующим образом:

1) Согласно многочисленным свидетельствам российских и иностранных авторов, которые воочию наблюдали жизнь адыгского народа, христианские корни в его культуре оказались не очень глубокими. Поскольку у адыгов

процветал синкетический культ, заключавшийся в смешении элементов христианства и традиционных верований, некоторые из этих авторов затруднялись определить их религию или даже называли их неверующими [11, с. 37]. Более глубокому укоренению христианства в культуре адыгов не способствовало также то, что священнослужители, использовавшие в своих проповедях греческий язык, сами не всегда понимали их смысл [19, с. 4062].

2) После падения Византии христианство на Востоке лишилось организационной и идеологической поддержки, тогда как Османская империя не ослабляла своих усилий, направленных на исламизацию народов Северного Кавказа. Результатом экспансии Османской империи и Крымского ханства, которое находилось в вассальной зависимости от неё, явилось проникновение ислама во все слои адыгского общества. По сообщению кабардинских князей крымскому хану, которое относится к началу XVIII в., большинство адыгов приняло ислам, почти в каждом селе была построена мечеть и открыта начальная школа. Однако проникновение ислама в культуру адыгов представляло собой довольно длительный процесс, в котором важную роль играли не только мусульманские проповеди, но и силовые методы, практиковавшиеся турецкими султанами и крымскими ханами [5, с. 73]. Несомненно, что оно оказывало определённое влияние на религиозные представления адыгов, но их исповедание ислама – как в своё время и христианства – было в какой-то степени формальным в силу прежде всего недостатка в образованном духовенстве, делающего невозможным основательное знакомство с религиозной доктриной мусульманинства [7, с. 108]. Тем не менее ислам, опиравшийся на военную и идеологическую мощь Османской империи, смог сделать то, что не удалось совершить католицизму, который растерял своё влияние на Востоке: потеснить православие и укрепить свои позиции среди адыгов.

3) Культура адыгов характеризовалась религиозным синкетизмом, который выражался в сосуществовании традиционных верований, а также христианства и ислама. Для того чтобы ислам превратился у адыгов в господствующую форму религии, он должен был интегрироваться в их традиционные верования. Сливаясь с этими верованиями, ислам всё больше приобретал этнический характер, воздействуя на национальные чувства адыгского народа [16, с. 18]. Тем не менее он так и не стал для него этнообразующим фактором, роль которого продолжала играть адыгство как морально-этический комплекс, образующий ядро адыгской культуры.

Обсуждение и заключение. Помимо традиционных верований, в культуре адыгов нашли отражение идеи двух мировых религий – христианства и ислама. При этом и христианство, и ислам всегда переплетались у адыгов с их традиционными верованиями. Большинство адыгов являются в настоящее время приверженцами ислама, который в результате слияния с доисламскими верованиями приобрёл в значительной степени этнический характер.

Проблема взаимоотношения традиционных верований адыгов и двух мировых религий, рассмотрению которой посвящена статья, многоаспектна. Одним из её аспектов является осмысление этого взаимоотношения как межрелигиозного диалога, выявление сущности и типологии которого становится популярной темой исследований в области социально-гуманитарного знания [8, с. 61–101; 20, с. 15–30]. Ещё одним интересным и малоизученным аспектом рассматриваемой нами проблемы является отражение в культуре адыгов идей буддизма, который с тринацатого столетия исповедуют их ближайшие соседи – калмыки [6, с. 21–33; 18, с. 15]. Мы полагаем, что выделенные нами аспекты этой проблемы могут стать предметом дальнейших исследований, посвящённых философским основам адыгской культуры.

Список литературы / References

1. Анчек С.Х. Хохи как характеризующее явление вербальной мудрости адыгов. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015;11–2:219–222.
Anchek S.Kh. Khokh as a phenomenon. Characterizing the verbal wisdom of the adyghes. *Humanities, social-economic and social sciences*. 2015;11–2:219–222. (In Russ.)
2. Бгуашева З.К. Феномен адыгской культуры: этнологический и культурологический аспекты. *Концепт*. 2014;11. Спецвыпуск. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14630.htm> (дата обращения: 10.07.2025).
Bguasheva Z.K. Phenomenon of the Adyge culture: ethnological and culturological aspects. *Concept*. 2014;11. Special issue. (In Russ.) URL: <http://e-koncept.ru/2014/14630.htm> (accessed: 10.07.2025).
3. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Императорская Академия наук; 1809. 197 с.
Güldenstädt J.A. *Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus from the Travel of Mr. A. Guildenstedt of Russia and the Caucasus Mountains in 1770, 71, 72 and 73 years*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1809. 197 pp. (In Russ.)
4. Ильинова Н.А., Чистякова О.А., Авагимян А.В. Ислам в Адыгее: особенности интеграции в народную культуру. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2018;229(4):139–145.
Ilyinova N.A., Chistyakova O.A., Avagimyan A.V. Islam in Adygea: features of integration into national culture. *The Bulletin of the Adyghea State University*. 2018;229(4):139–145. (In Russ.)
5. Касумов Х.А. Ислам у адыгов: легитимизация и трансформация религиозных практик. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013;1:73–76.
Kasumov H.A. Islam among the Adyghes: the legitimization and transformation of religious practices. *Actual problems of the Humanities and natural sciences*. 2013;1:73–76. (In Russ.)

6. Кокова Л.Д., Кокова Б.Д. Судьбой своей связавшая народы: кабардинская княжна и калмыцкая ханша Джанет. *Nomadic civilization: historical research*. 2022;2(4):21–33. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2022-2-4-21-33>
- Kokova L.J., Kokova B.J. Bound the peoples by her fate: the Kabardian princess and the Kalmyk khansa Janet. *Nomadic civilization: historical research*. 2022;2(4):21–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2022-2-4-21-33>
7. Ляушева С.А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность (философско-культурологический анализ). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ; 2002. 184 с.
- Lyausheva S.A. *Evolution of Adyg's religious beliefs: history and modernity (philosophical and cultural analysis)*. Rostov-on-Don: Publishing House SKNTs VSh, 2002. 184 p. (In Russ.)
8. Мельник С.В. Классификация видов межрелигиозного диалога: новый подход. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия*. 2024;1:61–101.
- Melnik S.V. Classification of types of interreligious dialogue: a new approach. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. I. 3: Philosophy*. 2024;1:61–101. (In Russ.)
9. Музалев А.А., Шоров М.А. Христианство в Адыгее: история и современность. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2006;1:54–56.
- Muzalev A.A., Shorov M.A. Christianity in Adygheya: a history and modernity. *The Bulletin of the Adyghe State University*. 2006;1:54–56. (In Russ.)
10. Остапенко Р.А. Генуэзские фактории в восточном Причерноморье и Крыму как центры католической миссии среди зихов. *Метаморфозы истории*. 2017;10:181–205.
- Ostapenko R.A. Genoese trading posts in the eastern Black Sea region and Crimea as centers of the Catholic mission among the Zikhs. *Metamorphoses of history*. 2017;10:181–205. (In Russ.)
11. Остапенко Р.А. Религиозные верования адыгов по сведениям европейских авторов (XIII – середина XIX века). *Культурная жизнь Юга России*. 2011;41(3):36–38.
- Ostapenko R.A. Religious beliefs of the Circassians according to European authors (13th – mid 19th Centuries). *Cultural Studies of Russian South*. 2011;41(3):36–38. (In Russ.)
12. Остапенко Р.А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников. *Наследие веков*. 2019;17(1):78–97.
- Ostapenko R.A. Elements of Christianity in the culture of the Circassians according to ethnographic, linguistic and archaeological sources. *Legacy of centuries*. 2019;17(1):78–97. (In Russ.)
13. Раздольский С.А. Проблемы и подходы в теории и методике изучения адыгской культуры. *Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи*. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН; 2012. С. 209–222.
- Razdolsky S.A. Adyge culture: theoretical and methodological problems of scientific research. *Socio-humanitarian and environmental problems of the development of modern Adygea*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2012. Pp. 209–222. (In Russ.)
14. Спенсер Э. *Путешествия в Черкесию*. Майкоп: Адыгея; 1994. 85 с.
- Spencer E. *Travels to Circassia*. Maykop: Adygea; 1994. 85 p. (In Russ.)
15. Филатов С.Б. Религиозное становление адыгейского народа. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018;1:162–168.
- Filatov S.B. Religious establishment of Adyg people. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018;1:162–168. (In Russ.)
16. Цеева З.А. Этапы усвоения ислама традиционной культурой адыгов (XVI – XVIII вв.). *Религия и общество*. Под ред. С.А. Ляушевой. Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2004. 62 с.
- Tseeva Z.A. Steps of the Assimilation of Islam by the Traditional Culture of the Adyghs (the 16th–18th Centuries). *Religion and society*. Maykop: Publishing House of the Adygea State University, 2004. 62 p. (In Russ.)
17. Чамокова С.Т. Трансформация религиозных взглядов адыгов на примере основных адыгских космогонических божеств. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2015;3:48–53.
- Chamokova S.T. Transformation of the religious beliefs of the adyghs on the example of the major adygh cosmogonic deities. *Bulletin of Maikop state technological university*. 2015;3:48–53. (In Russ.)
18. Шогенова Ф.А. *Нравственная культура в традиционном быту адыгов*. автореф. ... дис. канд. ист. Ф.А. Шогенова. Нальчик, 2004. 24 с.
- Shogenova F.A. *Moral culture in the traditional life of the Circassians*. Extended abstract of dissertation of Candidate of History F.A. Shogenova. Nalchik, 2004. 24 p. (In Russ.)
19. Шорина Д.А. Православие в культуре адыгского народа – изучение христианских элементов культуры. *Научный аспект*. 2024;31(4):4062–4066.
- Shorina D.A. Orthodoxy in the culture of the Adyge people – the study of Christian elements of culture. *Scientific aspect*. 2024;31(4):4062–4066. (In Russ.)
20. Шохин В.К. Философия межрелигиозного диалога: основные вехи, категории и полемическое поле. В.: Сб. материалов научной конференции «Актуальные проблемы философии». Тезисы. Доклады. Статьи. Москва: Изд-во Книжный мир; 2025. С. 15–30.

Shokhin V.K. Philosophy of interreligious dialogue: main milestones, categories and polemic field. In: *Sat. materials of the scientific conference “Current issues of philosophy”. Theses. Reports. Articles.* Moscow: Publishing House Book World; 2025. Pp. 15–30. (In Russ.)

Об авторах:

Агапов Евгений Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), march10@mail.ru

Пендиюрина Людмила Петровна, доктор философских наук, доцент кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), prinpet@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Agapov Evgeny Petrovich, PhD (Doctorate) (Philosophy), Professor, “Department of Philosophy and World Religions”, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), march10@mail.ru

Pendyurina Lyudmila Petrovna, Member of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, PhD (Doctorate) (Philosophy), Associate Professor, “Department of Philosophy and World Religions”, Don State Technical University, (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), prinpet@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

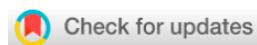
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 19.07.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 02.08.2025

Принята к публикации / Accepted 04.08.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 339.138

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-54-60>

Промышленный туризм как фактор артификации и развития корпоративной структуры производственных объектов

Ш.А. Костюк¹✉, Т.О. Бердник²✉

¹ Институт журналистики и коммуникации, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

² Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ kostiukshirin41@gmail.com

Аннотация

Введение. В современном обществе туризм является областью интеграции культуры и бизнеса, включающей в орбиту своих интересов все большее число как потребителей, так и производителей туристических услуг. Особое место в данной сфере деятельности занимает промышленный туризм, делающий ставку на артификацию технологических процессов и превращение производственных предприятий в туристическую достопримечательность региона. Промышленный туризм имеет более чем вековую историю. Изучению феномена посвящены труды культурологов, историков, экономистов, экологов и представителей других научных сфер. Цель данного исследования состоит в рассмотрении проблемы промышленного туризма в контексте его влияния на оптимизацию производственной и кадровой структуры предприятий, осуществляющих экскурсионно-туристическую деятельность.

Материалы и методы. Материалами послужили междисциплинарные теоретические исследования, расширяющие понимание значения туристической деятельности в целом и промышленного туризма, в частности. Базовым методом выступил сравнительный анализ. Использовался также эмпирический подход, основанный на личном опыте посещения промышленных предприятий с экскурсионной целью. Для комплексного изучения темы применяется комбинация методов из нескольких научных областей: семиотический и дискурс-анализ, включенное наблюдение, контент-анализ; сетевой анализ; метод кейс-стади.

Результаты исследования. Рассмотрены генезис и эволюция специфического вида туристической деятельности, основанной на открытости производственных процессов для сторонних посетителей. В качестве прообраза исследуемого феномена выделены так называемые «машинные залы» первых всемирных художественно-промышленных выставок второй половины XIX столетия, когда обыватель стал заинтересованным свидетелем реальных технологических циклов. Опыт артификации промышленных процессов в дальнейшем стал использоваться повсеместно. Положительный опыт развития промышленного туризма имеет Ростовскую область, располагающая богатыми природными и производственными ресурсами, привлекательными для туристов.

Обсуждение и заключение. Очевидная маркетинговая целесообразность производственных экскурсий способствовали активному развитию промышленного туризма в XX – XXI вв. При этом сложились симбиотические отношения между участниками туристической деятельности: туристы получают яркие впечатления и повышают уровень эрудиции в ходе экскурсий, а предприятия оптимизируют производственную и кадровую структуру, обеспечивают действенную саморекламу, окупаемую за счет оплаты экскурсионных услуг. В современном мире промышленный туризм не только становится драйвером индустриального прогресса, но и оказывает благоприятное влияние на развитие региональной культуры, совершенствует экономику, формирует эффективную базу для трудоустройства населения.

Ключевые слова: промышленный туризм, артификация производственного процесса, экономика впечатлений

Для цитирования. Костюк Ш.А., Бердник Т.О. Промышленный туризм как фактор артификации и развития корпоративной структуры производственных объектов. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):54–60. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-54-60>

Industrial Tourism as a Factor in the Artification and Development of the Corporate Structure of Production Facilities

Shirin A. Kostyuk¹✉, Tatyana O. Berdnik²✉

¹ Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ kostiukshirin41@gmail.com

Abstract

Introduction. In modern society, tourism is an area of cultural and business integration, attracting an increasing number of both consumers and producers of tourism services. Industrial tourism occupies a special place in this field, focusing on the artificialization of technological processes and the transformation of manufacturing enterprises into tourist attractions in the region. Industrial tourism has a history dating back more than a century. The phenomenon has been studied by cultural scholars, historians, economists, ecologists, and representatives of other scientific fields. The purpose of this study is to examine the issue of industrial tourism in the context of its impact on the optimization of the production and personnel structure of enterprises engaged in excursion and tourism activities.

Materials and Methods. The materials consisted of interdisciplinary theoretical studies that broadened the understanding of the significance of tourism in general and industrial tourism in particular for the development of the regional socio-cultural situation. The basic method was a comparative analysis of the positive consequences and results of the excursion process for tourists, on the one hand, and enterprises, on the other. An empirical approach based on personal experience of visiting industrial enterprises for excursion purposes was also used. For a comprehensive study of the topic, a combination of methods from several scientific fields is used: semiotic and discourse analysis, participant observation, content analysis, network analysis, and case study method.

Results. The genesis and evolution of a specific type of tourist activity based on the openness of production processes to outside visitors are considered. The so-called “machine halls” of the first world art and industrial exhibitions of the second half of the 19th century, when ordinary people became interested witnesses of real technological cycles, are identified as the prototype of the phenomenon under study. The experience of artifying industrial processes was subsequently used everywhere. The Rostov region, which has rich natural and production resources that are attractive to tourists, has had positive experience in the development of industrial tourism.

Discussion and Conclusion. The obvious marketing benefits of industrial tours contributed to the active development of industrial tourism in the 20th and 21st centuries. This has led to the development of a symbiotic relationship between participants in tourism activities: tourists gain vivid impressions and increase their level of erudition during tours, while enterprises optimize their production and personnel structures and ensure effective self-promotion, which is recouped through the payment for tour services. In today's world, industrial tourism is not only becoming a driver of industrial progress, but also has a positive impact on the development of regional culture, improves the economy, and forms an effective basis for employment.

Keywords: industrial tourism, artification of the production process, experience economy

For Citation. Kostyuk Sh.A., Berdnik T.O. Industrial Tourism as a Factor in the Artification and Development of the Corporate Structure of Production Facilities. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):54–60. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-54-60>

Введение. Результатом второй промышленной революции середины XIX столетия стал массовый переход на поточное машинное производство практически всех полезных для человека товаров. Принципиальные изменения, основанные на инновациях в технологической сфере, стали решающим фактором индустриализации общества и бурного экономического развития. Имея прогрессивное значение для цивилизационного процесса в целом, машинизация производства принималась общественным мнением неоднозначно.

В художественной среде викторианской Англии возникло движение «Искусства и ремесла», идеологами которого были известные и авторитетные в ту эпоху деятели пластических искусств Джон Рёскин и Уильям Моррис. Оба художника выступали с резкой критикой машинной продукции за превосходство ручного ремесленного производства и вынашивали утопическую идею о возрождении средневековой готической эстетики, профессиональных ремесленных гильдий и кустарного производства. Уильям Моррис, который был не только художником, но и прекрасным публицистом, убеждал как создателей, так и потребителей промышленной продукции в том, что «массовизация» товаров приводит к вульгаризации вкусов, эстетической и даже нравственной деградации общества [1, 2].

При этом идеи Уильяма Морриса о разрушительном влиянии индустриализации на культуру противоречили его художественно-производственной практике. Применяемые Моррисом принципы формообразования при тиражном изготовлении мебели, посуды и других элементов интерьера получили развитие в стилевых направлениях раннего дизайна – функционализме и конструктивизме, и использовались при построении образовательной концепции в школе Баухаус, первого высшего учебного заведения, выпускающего профессиональных промышленных дизайнеров [3].

Материалы и методы. Изучение промышленного туризма с акцентом на его трансформационную роль (артификацию, развитие территорий и корпораций) опирается на мощный теоретический фундамент. Материалами послужили междисциплинарные теоретические исследования, расширяющие понимание значения туристической деятельности в целом и промышленного туризма, в частности, для развития региональной социокультурной ситуации. Базовым методом выступил сравнительный анализ положительных последствий и результатов экскурсионного процесса для туристов, с одной стороны, и предприятия – с другой. Используется также эмпирический подход, основанный на личном опыте посещения промышленных предприятий с экскурсионной целью. Для комплексного изучения темы применяется семиотический и дискурс-анализ, контент-анализ, включенное наблюдение, сетевой анализ для изучения коммуникационных и формальных связей между подразделениями, вовлеченными в турпоток; метод кейс-стади с целью многомерного изучения одного или нескольких конкретных производственных объектов, внедривших промышленный туризм.

Результаты исследования. Первая всемирная художественно-промышленная выставка (англ. The Great Exhibition of the Works of Industry of All Nations), призванная по замыслу ее организаторов нивелировать недоверие потребителей к машинной продукции, была организована и проведена в 1851 г. в Лондоне под патронатом самой королевской семьи Великобритании (рис. 1). Миссия выставки стала выполнима благодаря объединению усилий Королевского общества искусств, представителей производства и бизнеса, а также поддержки на государственном уровне. Свои экспозиции продемонстрировали более тридцати стран мира, причем наряду с произведениями изобразительного и декоративно-прикладного искусства были представлены образцы новейшей промышленной продукции. Таким образом, промышленные товары наравне с продуктами художественной деятельности получали статус неотъемлемого элемента эстетического освоения пространственной среды [3].

Немецкому архитектору и теоретику искусства Готфриду Земперу было поручено создание концепции оформления выставки в целом. Важным фактором популяризации промышленного производства стал так называемый машинный зал. По архитектурному проекту Земпера была возведена галерея, в которой собраны самые совершенные для того времени станки, производящие продукцию прямо на глазах посетителей. Превращение производственного процесса в яркое захватывающее шоу привлекало множество зрителей и меняло их мнение о его не-приглядности, опасности и бесчеловечности – удовлетворенное любопытство рождало приятие индустриального производства и его продукции.

Рис. 1. Машинный зал на Первой всемирной художественно-промышленной выставке.
Архитектор Готфрид Земпер. 1851 г., Лондон

Эффект был столь очевидным, что создание машинных павильонов с новейшим производственным оборудованием стало традиционным для всех последующих всемирных промышленных выставок конца XIX в. В разные годы их проектированием занимались самые передовые и авторитетные архитекторы, в частности, на Всемирной выставке искусства и промышленности 1867 г. в Париже автором проекта машинного зала был Густав Эйфель, который впоследствии для выставки 1889 г. возвел свою знаменитую башню, ставшую инженерным и архитектурным чудом своего времени [4].

Популяризации достижений промышленного производства служило само здание Первой всемирной художественно-промышленной выставки, построенное специально для этого мероприятия архитектором Джозефом Пакстоном. Огромное по размерам здание было собрано из легких металлических конструкций в рекордно малые сроки благодаря использованию передовых строительных технологий. Пакстон впервые применил в здании общественного назначения сплошное остекление, что делало его похожим на наполненную солнцем оранжерею. Это было настолько неожиданно и эффектно, что журналисты прозвали постройку Хрустальным дворцом. В определенном смысле Хрустальный дворец сам стал главным выставочным экспонатом, привлекая и восхищая посетителей со всего мира [5].

Таким образом, промышленные выставки XIX в. целенаправленно формировали у посетителей эстетическое удовольствие от соприкосновения с производственно-технологическими действиями по изготовлению продукта. Эта цель позже была положена в основу индустриального туризма, поэтому мероприятия выставок можно считать прообразом феномена, получившего развитие уже в XX – XXI столетиях.

Первым предприятием, открывшим двери для посетителей, был завод Jack Daniel's, производитель всемирно знаменитой марки виски в штате Теннесси США. Первоначальный опыт экскурсионной деятельности завода (тогда

винокурни) в 1866 г. не имел успеха и на долгое время был забыт. Однако считается, что именно тогда зародился промышленный туризм [6]. Его маркетинговая функция вскоре стала очевидна, что способствовало активному развитию отрасли. В основном объектами промышленного туризма были винодельни, сыроварни, фруктовые плантации, где экскурсионная программа обязательно включала дегустацию и рекламное продвижение продукции.

Основная концепция современного промышленного, или индустриального, туризма состоит в возможности побывать на действующих производственных объектах, познакомиться с технологическими процессами, а иногда и принять в них непосредственное участие. Для туриста это уникальный шанс получить яркие впечатления от посещения необычных для него мест и знакомства с процессом изготовления тех или иных товаров. Удовлетворение естественного любопытства потребителей становится действенным фактором успеха данного бизнеса, ведь, как и все другие виды туристической деятельности, промышленный туризм реализует прежде всего развлекательно-досуговую функцию [7, 8, 9].

Для производственных организаций экскурсионные мероприятия привлекательны тем, что они являются эффективной рекламой деятельности предприятия. Во время тура производитель демонстрирует самое позитивное в контексте своих передовых технологий, профессионализм сотрудников, высокие стандарты продукции, бережную экологическую политику и др. Предприятие, используя этот удобный ресурс для коммуникации с потребителем, позиционирует себя как лидер рынка и ведущий региональный бренд [10]. Результатом становится формирование доверия к предприятию и качеству его изделий. Как правило, туристы активно делятся впечатлениями в личных контактах и через соцсети, обеспечивая производственному бренду результативное продвижение его положительного имиджа. Привлекательный образ предприятия в свою очередь способствует увеличению числа потенциальных клиентов. Затраты на такую весьма действенную рекламу успешно покрываются за счет платы туристов за экскурсию.

Благодаря открытости технологических процессов для сторонних наблюдателей повышается культура производства, развивается корпоративная структура. В цехах поддерживается чистота помещений и оборудования, сотрудники следят за своим внешним видом, поведением и качеством коммуникации, что положительно сказывается на производственных отношениях и трудовой дисциплине. Кроме того, у работников формируется гордость за свое предприятие и профессию [11, 12].

Еще один важный фактор привлекательности экскурсий для предприятий – это профориентационная деятельность по привлечению молодых сотрудников. Крупные производственные организации разрабатывают интересные экскурсии для школьников и студентов высших и средних учебных заведений, чтобы увлечь их совершенством технологических процессов и заинтересовать устранием на работу. Таким образом, совершенствуется кадровая система производственных организаций.

Одним из российских предприятий, активно осуществляющих туристическую программу, является Новолипецкий металлургический комбинат (рис. 2). Здесь проводятся полуторачасовые экскурсии в доменном и прокатном цехах, где туристы становятся свидетелями захватывающих по красоте и мощи технологических процессов, которые, осуществляясь в режиме реального времени, превращаются для туристов в зрелищное представление. С целью повышения привлекательности тура на территории комбината создан единственный в России экологический парк «Лебединое озеро» с прекрасным птичником. Для экскурсантов это очень наглядное подтверждение экологичности и чистоты производства (рис. 3).

Рис. 2. Сталепрокатный цех Новолипецкого металлургического комбината (фото автора)

Эффективной формой промышленного туризма становится бренчмаркинг. Суть этого явления состоит в том, что в качестве экскурсантов выступают эксперты, представители предприятий-партнеров или производственных объединений сходного направления деятельности. Цель подобных посещений – провести сравнительный анализ различных аспектов деятельности предприятия для изучения его передовых методов и дальнейшего их использования для совершенствования собственных результатов [13].

Ведущим исследователем этого феномена является британский экономист Энтони Барнс Аткинсон. Ученый выделил три типа бренчмаркинга в соответствии с сопоставлением того или иного признака:

- продуктовый, когда анализу подлежат конечные продукты производства, сравниваются качества собственного продукта с продуктами конкурентов;
- функциональный, когда сравниваются технологические функции и процессы, а также затраты на их внедрение;
- стратегический, когда сопоставляются глобальные стратегии и перспективы освоения рынка соответствующей отрасли [13].

Рис. 3. Экологический парк «Лебединое озеро» Новолипецкого металлургического комбината (фото автора)

Как правило, для полноценного анализа все три вида бренчмаркинга осуществляются в совокупности, что способствует выработке оптимальных практик совершенствования отрасли и минимизации сопутствующих проблем и негативных последствий [15, 16]. Зачастую после экскурсии на предприятие туристам предоставляется право приобрести производимую продукцию по лояльной цене без торговых наценок. Эта возможность особенно привлекательна для посетителей предприятий, изготавливающих сувенирные изделия или пищевые продукты и напитки [17].

В качестве такого примера можно назвать Императорский фарфоровый завод в Санкт-Петербурге, основанный еще в 1744 г. императрицей Елизаветой I. Помимо увлекательной экскурсии по производственным цехам и информации об истории предприятия туристы могут в закрытом для обычных покупателей магазине приобрести по доступной цене уникальную продукцию завода. Другой пример – винодельческое Акционерное общество «Производственно-аграрное объединение «Массандра» в Южном Крыму, основанное князем Львом Сергеевичем Голицыным (рис. 4). Посетители узнают его богатую историю, берущую начало с 1892 г., могут увидеть все этапы производства и хранения знаменитых вин, продегустировать винную коллекцию и, наконец, приобрести наиболее понравившиеся образцы в специализированном магазине при предприятии.

Рис. 4. Производственно-аграрное объединение «Массандра» в Крыму (фото автора)

Ростовская область, будучи крупнейшим агропромышленным регионом, активно включается в процессы развития индустриального туризма. На территории области успешно функционирует множество производств, которые охотно открывают свои двери посетителям.

Ведущим производственным гигантом региона является Группа компаний «Ростсельмаш», выпускающая высокотехнологичную сельскохозяйственную технику. Предприятие активно развивает экскурсионную деятельность, отрывая для туристов основные процессы производства в контексте современных инновационных технологий. Наиболее привлекательная для посетителей часть экскурсионной программы связана со знакомством экспозиции музея техники, где собраны образцы продукции предприятия за всю историю его существования. Такой ретроспективный обзор формирует наглядное представление об эволюции развития технологических достижений Ростсельмаша.

Ростовская область со времен античности была центром развития винодельческой культуры региона. Одним из крупнейших предприятий, продолжающих традиции виноделия на территории Северного Причерноморья, является акционерное общество «Цимлянские вина». Это винодельческое предприятие полного цикла, занимающееся

выращиванием, переработкой и выпуском уникальных игристых вин с защищенным географическим указанием «Долина Дона». Вина предприятия пользуются успехом у потребителей и коллекционеров. Но успеху бизнеса способствует также грамотная экскурсионная политика. Развивая туристическую деятельность, винодельня организует увлекательные туры по виноградникам и производственным цехам с дегустацией и правом приобретения продукции по лояльным ценам.

Акционерное общество «Семикаракорская керамика», входящее в перечень предприятий народных художественных промыслов России, выпускает сувенирную продукцию с оригинальным дизайном массового и ограниченного тиража, а также уникальные образцы по индивидуальным заказам. Семикаракорские сувениры являются постоянными участниками международных выставок самого высокого уровня и часто награждаются дипломами и медалями.

Экскурсионная программа знакомит посетителей с историей и всеми циклами производства знаменитых сувениров. Но «гвоздем» экскурсии являются мастер-классы, дающие возможность создать в рамках художественной традиции авторскую версию изделия, оставив ее себе на память. После приобретения такого опыта туристы охотно приобретают продукцию предприятия, которая в силу своей уникальности стала настоящим сувенирным маркером региона [18].

Обсуждение и заключение. За более чем вековой опыт развития промышленного туризма в мировой практике наработаны разнообразные технологии взаимодействия с потребителем туристического продукта. В эпоху постиндустриального общества, когда произошла принципиальная смена социокультурной парадигмы и основным экономическим ресурсом стала сфера оказания услуг, туристическая деятельность превратилась в эффективный фактор общественного прогресса. Актуализируется внимание к феномену, получившему название «экономика впечатлений». Заказчик туристических услуг ищет теперь не только пассивного отдыха и развлечений, но и стремится получить новые знания, новые ощущения, открыть тайны скрытых до сих пор для него процессов. В этих условиях знакомство с производственными технологиями становится все более востребованным запросом туристов.

Предприятия, открывавшие двери для экскурсантов, получают как прямую выгоду от оплаты экскурсионных услуг и продажи сувенирной продукции, так и косвенную выгоду от эффекта непрямой рекламы. Показывая производственные процессы в позитивном контексте, бренды-производители формируют свой позитивный имидж в сознании потребителей, что имеет маркетинговый эффект, а также благоприятно сказывается на кадровой политике.

Таким образом, промышленный туризм вносит значимый вклад в развитие цивилизационных процессов, популяризируя производственную региональную культуру в контексте ее истории, современного состояния и будущих перспектив.

Список литературы / References

1. Моррис У. *Искусство и жизнь*. Москва: Искусство; 1973.
Morris W. *Art and Life*. Moscow: Iskusstvo; 1973. (In Russ.)
2. Бхаскаран Л. *Дизайн и время*. Москва: Арт-Родник; 2009.
Bhaskaran L. *Designs of the times*. Moscow: Art-Rodnik; 2009. (In Russ.)
3. Аллен Р. *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2014. 448 с.
Allen R. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara; 2014. 448 p. (In Russ.)
4. David Landes. “Why Europe and the West? Why Not China?”. *Journal of Economic Perspectives*. 2006;20(2):3–22.
5. Головач Э.П., Хутова Е.Н. Тенденции развития промышленного туризма в мире. *Вестник Брестского государственного технического университета. Экономика*. 2018;111(3):10–14.
Halavach E.P., Khutova E.N. Trends of development of industrial tourism in the world. *Vestnik of Brest State Technical University. Economy*. 2018;111(3):10–14. (In Russ.)
6. Чхотуя И.З., Власюк Л.И. Стратегический анализ конкурентных преимуществ региона в контексте развития промышленного туризма. *Стратегирование: теория и практика*. 2021;1(2):190–205.
<https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-190-205>
- Chkhotua I.Z., Vlasyuk L.I. Strategic Analysis of the Region’s Competitive Advantages in the Context of Industrial Tourism Development. *Strategizing: Theory and Practice*. 2021;1(2):190–205. (In Russ.)
<https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-190-205>
7. Полянина С.С., Докашенко Л.В. *Сущность промышленного туризма и его виды*. В: Материалы Всероссийской научно-методической конференции «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры». Оренбург, 29–31 января 2014 г. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс «Университет»; с. 1773–1776.
Polyanina S.S., Dokashenko L.V. *The essence of industrial tourism and its types*. University complex as a regional center of education, science and culture, materials of the All-Russian scientific method. Conf., Orenburg; pp. 1773–1776. (In Russ.)
8. Бердник Т.О., Бондарь Ю.А., Гурин М.В. Опыт дизайнера проектирования гостиничных объектов туристической инфраструктуры черноморского побережья. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(2):62–67. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-2-62-67>
- Berdnik T.O., Bondar Ju.A., Gurin M.V. Experience in Design Engineering of Hotel Facilities of Tourist Infrastructure of the Black Sea Coast. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(2):62–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-2-62-67>

9. Пайн Д.Б., Гилмора Д.Х. *Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена*. Москва: Вильямс; 2005. 299 с.
- Pine J.B., Gilmore J.H. *The Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage*. Moscow: Williams; 2005. 299 p. (In Russ.)
10. Kvint V.L., Okrepilov V.V. Quality of life and values in national development strategies. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2014;84(3):188–200. <https://doi.org/10.1134/S1019331614030058>
11. Jia Y. Analysis and suggestions on Chinese industrial tourism development. *International Business Research*. 2010;3(2):169–173. <https://doi.org/10.5539/ibr.v3n2p169>
12. Кадыров Р.В. Мударисов Р.Г. Промышленный туризм как креативный маркетинг. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018;8:88–94.
- Kadyrov R.V., Mudarisov R.G. Industrial tourism as creative marketing. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and law*. 2018;8:88–94. (In Russ.)
13. Аткинсон Э.А., Банкер Р.Д., Каплан Р.С., Янг С.М. *Управленческий учёт*. Москва: Издательский дом «Вильямс»; 2005. С. 568–575. 874 с.
- Atkinson A.A., Bunker R.D., Kaplan R.S., Young S.M. *Management accounting*. Moscow: “Williams” Publishing House; 2005. Pp. 568–575. (In Russ.)
14. Иванушкина А.В. Бенчмаркинг как инструмент конкурентного анализа корпорации. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018;1:65–73. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=24/> (дата обращения: 30.07.2025).
- Ivanushkina A.V. Benchmarking as a tool for competitive analysis of corporations. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and law*. 2018;1:65–73. (In Russ.) URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=24/> (accessed: 30.07.2025).
15. Atkinson A.B. The Luxembourg Income Study (LIS): Past, Present and Future. *Socio-Economic Review*. 2004;2(2):165–190. <https://doi.org/10.1093/seco/2.2.165>
16. Iațișin T. and Colesnicova, T. Analysis of obstacles on wine tourism development in the Republic of Moldova. *Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Developmen*. 2017;17(2):173–176.
17. Talmaciu M., Manolescu I.T. Enhancing competitiveness and resilience of tourism in crises condition. Experiences from Eastern Partnership countries. *CES Working Papers*. Centre for European Studies, Alexandru Ioan Cuza University; 2022;13(4):381–399.
18. Промышленный туризм. Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/600/> (дата обращения: 30.08.2025).
- Industrial tourism. Official portal of the Government of the Rostov Region. URL: <https://www.donland.ru/activity/600/> (accessed: 30.08.2025).

Об авторах:

Костюк Ширина Аалиевна, кандидат социологических наук, директор Института журналистики и коммуникации, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына (720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547), kostiukshirin41@gmail.com

Бердник Татьяна Олеговна, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Дизайн», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), tatiana@berdnik.me

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Kostyuk Shirin Aaliyevna, Cand. Sci. (Sociology), Director of the Institute of Journalism and Communication at Kyrgyz National University (547, Frunze St., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan), kostiukshirin41@gmail.com

Berdnik Tatyana Olegovna, Cand. Sci. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Design, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), tatiana@berdnik.me

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

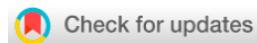
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 01.09.2025

Принята к публикации / Accepted 03.09.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 72.035

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-61-68>

Трансформация национального стиля в архитектуре православных храмов середины XIX – начала XX века на территории Ростовской области

Е.М. Кишкинова^{id}

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ KEM0022@yandex.ru

Аннотация

Введение. Цель статьи – стилевая классификация архитектуры православных храмов Ростовской области периода романтизма, эклектики и модерна. Объектом исследования стали храмы середины XIX – начала XX в., предметом исследования является стилевая эволюция их архитектурных решений. Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью и необходимостью реставрации ряда храмов исследуемого периода на территории Ростовской области.

Материалы и методы. В ходе искусствоведческого исследования были применены стилистический и сравнительный анализ, библиографический метод, фотофиксация, синхронический и диахронический подходы. Материалами послужили исторические и современные фотографии фасадов и интерьеров, планы, разрезы, проектные чертежи исследуемых объектов культурного наследия, а также их прототипов и аналогов.

Результаты исследования. Представлен целостный обзор донских храмов середины XIX – начала XX в. Для ряда храмов впервые проведен архитектурно-художественный анализ, определены прототипы композиционных и декоративных решений, дана стилевая характеристика. Показано, что стилевая эволюция донского храмостроения рассматриваемого периода в целом совпадает с общероссийской. В регионе представлены памятники русско-византийского, византийского, русского и неорусского стилей. Для середины XIX в. характерны заимствования из архитектуры XV в., позднее преобладают мотивы «узорочья» московской и ярославской школ, реже используются мотивы псковской и новгородского средневекового зодчества, в византийском стиле – элементы средневизантийской архитектуры.

Обсуждение и заключение. Наряду с общероссийскими тенденциями, имеются и региональные особенности, обусловленные географическим, историко-политическим контекстом и традиционализмом менталитета казачества. Во-первых, это обилие храмов византийского стиля. Во-вторых, продолжительность эклектического этапа, оставившего множество характерных памятников. В-третьих, хронологическая краткость и сдержанность в проявлении модерна. Храмы, хронологически относящиеся к нерусскому этапу, стилистически близки поздней эклектике, приемы которой остаются доминирующими, лишь незначительно трансформируясь под влиянием модерна. Православные храмы середины XIX – начала XX в. на территории Ростовской области могут и должны стать источником вдохновения для современных архитекторов, обращающихся к храмостроению.

Ключевые слова: русско-византийский стиль, русский стиль, неорусский стиль, византийский стиль, храмовая архитектура

Для цитирования. Кишкинова Е.М. Трансформация национального стиля в архитектуре православных храмов середины XIX – начала XX века на территории Ростовской области. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):61–68. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-61-68>

Transformation of the National Style in the Architecture of Orthodox Churches of the mid-19th – early 20th Centuries in the Rostov Region

Evgeniya M. Kishkinova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ KEM0022@yandex.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the article is a style classification of the architecture of Orthodox churches in the Rostov region of the period of romanticism, eclecticism and Art Nouveau. The object of research was the churches of the mid-19th – early 20th centuries, the subject of research is the style evolution of their architectural solutions. The relevance of the topic is due to insufficient study and the need to restore a number of churches of the studied period in the Rostov region.

Materials and Methods. In the course of art history research, stylistic and comparative analysis, bibliographic method, photofixation, synchronic and diachronic approaches were applied. The materials were historical and modern photographs of facades and interiors, plans, sections, design drawings of the studied objects of cultural heritage, as well as their prototypes and analogues.

Results. The article provides a holistic overview of the Don churches of the mid-19th – early 20th centuries. For a number of churches, architectural and artistic analysis was carried out for the first time, prototypes of compositional and decorative solutions were determined, and a style characteristic was given. It is shown that the style evolution of the Don church building of the period under consideration as a whole coincides with the all-Russian one. Monuments of Russian-Byzantine, Byzantine, Russian and Russian Revival styles are represented in the region. For the middle of the 19th century, borrowings from the architecture of the 15th century are characteristic, later the motifs of the “patterns” of the Moscow and Yaroslavl schools prevail, the motifs of Pskov and the Novgorod medieval architecture are less often used, in the Byzantine style – elements of the Middle Byzantine architecture.

Discussion and Conclusion. Along with all-Russian trends, there are also regional features due to the geographical, historical and political context and traditionalism of the mentality of the Cossacks. Firstly, there is the abundance of Byzantine-style churches. Secondly, the duration of the eclectic stage which left many characteristic monuments. Thirdly, chronological brevity and restraint in the manifestation of modernity. Churches chronologically related to the non-Russian stage are stylistically close to late eclecticism, the techniques of which remain dominant, only slightly transforming under the influence of Art Nouveau. Orthodox churches of the mid-19th – early 20th centuries in the Rostov region can and should become a source of inspiration for modern architects who turn to church building.

Keywords: Russian-Byzantine style, Russian style, Russian Revival style, Byzantine style, church architecture

For Citation. Kishkinova E.M. Transformation of the National Style in the Architecture of Orthodox Churches of the mid-19th – early 20th Centuries in the Rostov Region. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):61–68. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-61-68>

Введение. Неотъемлемой частью архитектурного наследия Ростовской области являются православные храмы середины XIX – начала XX в. Архитектурные особенности этих храмов исследованы неравномерно. Цель данной публикации – характеристика стилевой эволюции их архитектуры, задачи – выявление памятников, наиболее полно отражающих этапы этой эволюции, анализ их объемно-пространственных композиций и декора, определение прототипов архитектурно-художественных решений, выявление региональной специфики донских храмов в контексте общей линии эволюции русского храмостроения изучаемого периода. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью и необходимостью реставрации ряда храмов исследуемого периода на территории Ростовской области. Наиболее известные и крупные, такие как соборы Рождества Богородицы и Покровский в Ростове-на-Дону, Вознесенский собор и Александро-Невская церковь в Новочеркасске [1, 2], изучены достаточно подробно, однако многие памятники, находящиеся в удаленных станицах и хуторах, не анализировались с точки зрения их стилистики, соответственно, не проводилась и стилистическая классификация храмов.

Теоретической основой исследования стала концепция, изложенная в монографии В.Г. Лисовского «Национальный стиль в архитектуре России» [3], а также идеи, представленные в монографии Е.И. Кириченко «Русский стиль» [4]. В последние годы литература, посвященная памятникам зодчества Южного региона, стала довольно многочисленной. Так, была переиздана книга руководителя строительства новочеркасского собора К.Х. Лимаренко [5]. Общая характеристика эволюции архитектуры данного региона представлена в книге Г.В. Есаулова «Архитектура Юга России. От истории к современности» [6]. Храмы, построенные по проектам А.А. Ященко, рассмотрены в исследовании М.Г. Евенко и В.В. Пищулиной «Творчество академика архитектуры А.А. Ященко» [7]. Региональный аспект храмостроения раскрыт в монографии В.В. Пищулиной «Храмостроение в пространственной культуре донских казаков XVI – XIX вв.» [8]. Исторические сведения скрупулезно собраны в работе А.В. Шадриной «Храмы Донской и Новочеркасской епархии. Конец XVII века – 1920 г.» [9]. С целью выявления прототипов были просмотрены альбомы образцовых проектов [10, 11].

Материалы и методы. Применены стилистический и сравнительный анализ, библиографический метод, фотофиксация, синхронический и диахронический подходы. Материалами послужили исторические и современные фотографии фасадов и интерьеров, планы, разрезы, проектные чертежи исследуемых объектов культурного наследия, а также их прототипов и аналогов.

Результаты исследования. Как известно, во второй четверти XIX в., в соответствии с идеями романтизма, углубляется интерес к средневековому наследию национальной культуры. В архитектуре выражением этого процесса стало формирование русско-византийского стиля, который получил наиболее полное отражение в творчестве академика архитектуры К.А. Тона. Для этого стиля характерны идущие от классицизма симметрия композиций, монументальность, акцентировка центра, а также заимствованные из древнерусской архитектуры луковичные главы, килевидные закомары и кокошники, перспективные порталы, аркатурно-колончатые пояса.

Крупнейшим памятником русско-византийского стиля в Ростовской области является собор Рождества Пресвятой Богородицы в Ростове-на-Дону (1854–1860). В его основе – проект Введенской церкви в Семеновском полку, составленный К.А. Тоном и переработанный московским архитектором А.С. Кутеповым [3, с. 86]. Здание центрично и симметрично, относится к типу крестово-купольных храмов. В пятикупольной композиции доминирует центральная глава, все купола луковичные. План квадратный, причем каждая сторона квадрата усложнена выступающим ризалитом, соответствующим рукаву креста. Ризалиты разделены гранеными полуколоннами и над карнизом завершены килевидными закомарами. Арочные окна оформлены наличниками с килевидными архивольтами, а двери – перспективными порталами. Световые ограждения барабаны декорированы небольшими трехчетвертными дорическими колоннами. Всефасадность и симметрия здания связаны с классицистической традицией, в то время как детали – узкие арочные окна, килевидные закомары и наличники – восходят к архитектуре Московского княжества XIV в. и Московского государства конца XV в., в частности, к Успенскому собору Московского кремля Аристотеля Фиораванти.

По проекту, приведенному в составленном К.А. Тоном альбоме [10], еще до ростовского собора, в 1844–1846 гг. построена Одигитриевская церковь слободы Аграфеновка. Проект был разработан для Богоявленской церкви в Саратове (1838 г., не сохранилась). Композиция решена по принципу «корабля». В отличие от проекта, церковь крестообразная, так как усложнена притворами с севера и юга, с угловыми устремлениями, без отдельно стоящих опор. Над квадратным средокрестьем возвышается квадратный же барабан, увенчанный сомкнутым четырехскатным сводом. Колокольня представляет собой завершенный шатром восьмерик над тремя ярусами четвериков. Северный и южный рукава креста, перекрытые цилиндрическими сводами, на фасадах завершены треугольными фронтонами. Окна арочные, в барабане, среднем четверике и восьмерике колокольни – чередующиеся с такими же нишами, причем архивольты опираются на пилasters. Границы шатра прорезаны круглыми люкарнами. Углы всех объемов закреплены лопатками, в нижнем ярусе здания – рустованными. Второй четверик колокольни под карнизом украшен фризом ширинок. Купол и шатер колокольни первоначально завершали миниатюрные главки-маковки. В настоящее время храм нуждается в реставрации.

Еще один пример использования образцового проекта К.А. Тона – церковь св. Марии Магдалины (1852), построенная в селе Ново-Марьинском (ныне хутор Красный Десант). Композиция также решена по принципу «корабля». Шатровая колокольня включает четверик и два восьмерика. Молитвенный зал в плане квадратный, с угловыми устремлениями, без отдельно стоящих опор. Над ним возвышается восьмигранный барабан, приподнятый на пьедестал и увенчанный луковичным куполом. Апсида в плане полукруглая. Верхний восьмерик колокольни прорезан прямыми угольными проемами звона, глухие грани украшены наложенными на них плоскими обелисками. Грани нижнего восьмерика декорированы филенками, в которые вписаны киоты. Шатер колокольни завершает миниатюрная главка-маковка. Порталы перспективные, с килевидными архивольтами. Окна арочные, с трапециевидными сандриками. Грани барабана закреплены полуколоннами, поддерживающими архитрав и опирающимися на консоли. Окна барабана сдвоенные арочные, с килевидными архивольтами, поддерживающими тонкими полуколоннами. Таким образом, заимствованные из классицизма ордерные элементы дополнены узнаваемыми мотивами древнерусской архитектуры (шатер, килевидные архивольты, трапециевидные сандрики, луковичная глава).

Начало формирования византийского стиля также относится к эпохе романтизма. Однако зрелые формы этого направления обретают в период эклектики, к 1860 г., когда академик архитектуры Д.И. Гримм разработал проект Владимирского собора для Херсонеса. Византийский стиль базировался на тщательном изучении архитектурного наследия Византийской империи. В правление Александра II этот стиль широко использовался при возведении храмов, наглядно выражая идею родства с Византией, единства славянских народов и имперского величия. Эти идеи обусловили востребованность стиля в исследуемом многонациональном и поликонфессиональном регионе, близком к южной границе. Характерными чертами стиля стали пологие купола, низкие барабаны, завершенные аркатурами, «полосатая кладка», имитирующая византийскую технику «утопленного ряда» и «опус микстум», полукруглые ризницы вокруг апсид, двойные и тройные арочные окна. Разнообразными были и композиции – не только крестово-купольные, но и тетраконхи, и базилики. За время своего существования византийский стиль эволюционировал от романтического этапа к археологизированному, затем к эклектизированному и, наконец, к этапу, отмеченному влиянием модерна.

Наиболее значимый памятник византийского стиля на территории Ростовской области – безусловно, Вознесенский собор в Новочеркасске (1891–1905). Автор его проекта – Александр Александрович Ященко (1842–1893). Очень

удачно градостроительное решение собора: он органично вырастает на вершине холма, увенчивая его и играя гла-венствующую роль в ансамбле окружающей здание площади Ермака. Собор – пятиглавый трехнефный четырех-столпный крестово-купольный, с глухими боковыми куполами звонниц. Квадратный план осложнен соединением «кораблем» с преддверием и колокольней, дополненной притворами. Апсида окружена полукольцевой ризницей. Кроме апсиды, Вознесенский собор имеет в плане выступающие подобные ей полукружия с севера и юга, характерные для храмов так называемого «афонского типа». Купола шлемовидные. Колокольня «восьмерик на четверике» выполнена невысокой. Барабан центральной главы декорирован двойной аркатурой, причем арки нижнего яруса опираются на сдвоенные полуколонны, а верхнего – на единичные. Аркатуры боковых глав имеют опорами пилasters, а не полуколонны. Ярус звона колокольни оформлен подобно центральному барабану, но без верхней «короны». В углы объемов храма врезаны вытянутые колонны со скошенными «византийскими» капителями.

Такие же капители имеют все полуколонны храма, причем их декоративное оформление включает то аканты, то аканты с крестами. Фасады основного объема завершают монументальные закомары, украшенные широкими фризами сочного растительного орнамента, а боковые фасады притвора под колокольней – трехлопастные кривые. Разнообразны по оформлению карнизы, делящие на два яруса основной объем храма, завершающие пьедесталы барабанов и аркатуры, а также отрезки карнизов, подчеркивающие срезанные углы объемов. Они включает пояски зубчиков, шеврона, поребрика, аканта, бус в варьирующих сочетаниях. Особенно пышно оформлены фасады колокольни. Главный вход решен в виде перспективного портала, сродни владимиро-суздальской архитектуре. Фланкируют главный вход два арочных окна, над которыми в нишах размещены рельефные восьми-конечные кресты. Над порталом находится окно-трифор, в его центральный повышенный проем вкомпонованы часы. Ниша, в которую заключен трифор, ступенчато сокращается, завершаясь киотом с изображением Донской иконы Богоматери. Боковые фасады четверика колокольни, кроме трифора во втором ярусе, прорезаны окном-би-фором в ярусе нижнем. Архивольт над ним образован изгибом карниза, под которым – растительный орнамент и барельефы шестикрылых Серафимов.

Почти одновременно с Вознесенским собором в Новочеркасске была построена Александро-Невская церковь (1888–1902). Автор ее проекта – Николай Евстигнеевич Анохин (1854 – ?). Анохин положил в основу своего проекта созданный В.А. Шретером проект несохранившейся церкви для имения Ф.А. Терещенко под Киевом (до 1883 г.). Храм – четырехстолпный пятиглавый, крестово-купольный с малыми боковыми куполами над звонницами и доминирующим центральным куполом. Основной кубический объем окружен четырьмя полукуполами, примыкающими к закомарам, это придает объемному решению характер тетраконха. Цилиндрическая колокольня соединена с храмом обширной трапезной. Окна полуциркульные, в барабанах храма и колокольни разделены широкими простенками и дополнены профилированными архивольтами с сухариками. Сухарики расположены также под карнизами. Архивольты окон нижнего яруса имеют килевидное очертание. К рельефным украшениям относятся кольца во фризах, косая сетка в уровне полукуполов, кресты на углах под звонницами, врезанные в простенки и углы полуколонки. Звонницы легкие, прямоугольные в плане, открыты. Арки, поддерживающие их купола, покоятся на четырех низких колоннах. Портал перспективный килевидный. Прямоугольное в плане главное помещение с четырьмя столбами дополнено на западе обширной трапезной и находящимся под колокольней притвором, на востоке – полукольцевой ризницей вокруг апсиды. Восточные угловые ячейки храма, где помещаются боковые алтари, имеют скругленные внутренние углы и перекрыты не выраженными на фасаде малыми полусферическими сводами, вызывающими ассоциации с решением интерьеров Софии Константинопольской: в интерьере мотив центрального купола, подхваченный четырьмя полукуполами, дополняется двумя небольшими конхами. Хоры были сняты при ремонте 1912–1915 гг. В характере деталей Александро-Невской церкви византийские черты сочетаются с заимствованиями из русских источников: это килевидные архивольты ниш и арки порталов нижнего яруса, а также двухцветность фасадов, напоминающая постройки XVII в.

Троицкая церковь хутора Дядин (1886–1894) атрибутирована М.Г. Евенко как относящаяся к творчеству А.А. Ященко [7]. Композиция, как и в описанных выше храмах, решена «кораблем» и включает колокольню «восьмерик на четверике», небольшую трапезную, собственно церковь, увенчанную единственным куполом на низком барабане, и апсиду. Однако планировочное решение отличается оригинальностью. Русская традиция увязана здесь с общей крестообразностью плана, символически значимой и восходящей генетически к ранним христианским мавританиям и баптистериям V в. В то же время основной объем храма имеет восьмиугольный план. Сочетание крестообразности и октагональности – весьма редкий прием в архитектуре византийского стиля. Барабаны завершены аркатурой, купола – над основным объемом и колокольней – полусферические. В простенках окон барабанов размещены миниатюрные полуколонны. Окна арочные, в четверике колокольни и над порталами находятся трифории, объединенные общим перспективным архивольтом. Углы четверика колокольни и порталы акцентированы сдвоенными полуколоннами. Аналогичный храм – Одигитриевская церковь – находится в поселке Грузско-Ломовка г. Макеевка Донецкой народной Республики.

Применительно ко второй половине XIX в. направление, ориентированное на средневековое наследие древнерусской архитектуры, принято называть русским стилем. Согласно классификации В.Г. Лисовского, в русском стиле существовало два направления – эклектическое (соединявшее исторический декор со структурой современных зданий) и органическое (стремившееся к единству декора и композиции). Исходя из этой классификации, здания храмов следует отнести ко второму – органическому – направлению.

Один из интереснейших памятников этого направления на территории Ростовской области – церковь Архангела Михаила слободы Позднеевка (1890 г). Церковь скомпонована «кораблем». Колокольня шатровая, относится к типу «четверик на четверике», боковые части колокольни с севера и юга и верхний четверик венчаются фронтонами с кидевидными завершениями. Сводчатая трапезная имеет двухскатное покрытие. Основной двухсветный объем бесстолпного молитвенного зала, усложненный притворами с севера и юга, перекрыт сомкнутым сводом с распалубками, оформленными как трехлопастные килевидные закомары. Центральная глава световая, боковые глухие. Все барабаны двухъярусные, разделенные профилированными карнизами и дополненные в уровне пьедесталов плоскими ступенчатыми арочными нишами. Фронтоны притворов, в которые вклюпованы киоты, по форме аналогичны фронтонам колокольни. Мотив трехлопастной килевидной закомары является ведущим в декоре фасадов, повторяясь в решении сандриков арочных окон, опирающихся на пиластры. Эта трехлопастная закомара вызывает в памяти средневековые памятники, например, московскую церковь св. Трифона в Напрудном, и сандрики наличников построек XVII в. Большую роль в композиции фасада играет ордер, расположенный по-ярусно и представленный полуколоннами, единичными или собранными в пучки на углах, поддерживающими раскреповки сложнопрофилированных карнизов. Порталы перспективные. К декоративным деталям также можно отнести филенки стен и кладку из двухцветного кирпича, образующую шахматный орнамент, кресты и ромбы. Очень интересна система сводов. Она напоминает памятники барокко. В конструктивном отношении близкий аналог – Благовещенская церковь на Васильевском острове в Петербурге, 1750–1765 гг. Относящаяся к эпохе барокко, она тем не менее отмечена влиянием допетровского зодчества Москвы.

Одигитриевская церковь г. Аксай (тогда – станицы Аксайской) датируется 1891–1897 гг. Храм имеет кресто-образный план и традиционную композицию «кораблем». Колокольня представляет собой увенчанный шатром четверик со скосенными углами и проемами звона на более широком четверике. Судя по исторической фотографии, первоначально она была гораздо более высокой и многоярусной. Основной объем венчается сомкнутым четырехлотковым сводом, которому снаружи придано очертание полусферического купола. Над шатром и куполом – небольшие главки. Апсида огранная. Фасады не оштукатурены, декор выполнен кирпичной кладкой. Нижний четверик колокольни и раскреповки основного объема подчеркнуты щипцами со срезанным верхним углом. Декор щипцов составляют рельефные кресты, сухарики под карнизом и ступенчато размещенные сухарики, напоминающие геометризованную романскую аркатуру. Венчающий карниз основного объема украшен треугольными зубцами в два ряда, фриз включает узкие филенки, ниже размещены сухарики и городки. Рельефные кресты, окаймленные миниатюрными полуколоннами, обрамляют портал главного входа. В углы основного объема врезаны небольшие полуколонны с капителями в виде куба со скосенными углами. Такие же полуколонны в два яруса фланкируют притворы. Основной объем лишен отдельно стоящих столбов и перекрыт сомкнутым сводом. Стиль храма – русский, с отдельными романскими заимствованиями. Такое направление в национальном стиле современники называли «русско-романским» [3, с. 120].

Сложным, запоминающимся обликом обладает Пятницкая церковь станицы Манычской (1897–1904), построенная по проекту Ивана Петровича Злобина (1859 – ок. 1930). Церковь крестово-купольная, «кораблем», с четырьмя внутренними столбами. Четверик колокольни, трапезная и храм двухсветные, ярусы разделены горизонтальной тягой. Колокольня и все пять глав церкви – шатровые, обилие вертикалей придает силуэту храма подчеркнутую динамику. К основному объему примыкают с севера и юга пятигранные апсидоподобные выступы, придавая церкви характер храма «афонского типа». Четверик колокольни книзу расширяется, приобретая вид усеченной пирамиды. Основной объем и трапезная над профилированным карнизом завершены парапетом с балюсинами. Фриз включает ленту бегунца и широкую полосу с триглифами и ширинками. Окна арочные, с полуциркульными и килевидными архивольтами, опирающимися на полуколонны и пиластры с византийскими капителями. Над четвериком колокольни, верхняя часть которого представляет собой аркаду со столбами, украшенными балюсиновидными полуколоннами, закрепленную по углам пучками из трех цилиндрических полуколонн и завершенную глухим парапетом также с балюсиновидными полуколоннами и рельефными крестами, возвышающимися четыре яруса убывающих по диаметру восьмериков звона.

Первый, украшенный городками, и третий, дополненный ширинками, восьмерики прорезаны проемами через одну грань, а второй и четвертый представляют собой ажурные аркады. Во втором восьмерике, завершенном кокошниками с крестами по оси проемов, арки опираются на столбы, в третьем, дополненном ширинками – на столбы, украшенные балюсиновидными полуколоннами, а в четвертом, верхняя часть которого декорирована бегунцом, эти полуколонны удваиваются. Шатер колокольни венчает кольцо с арочными нишами и шея с луковичной главкой. Угловые шатры основного объема представляют собой восьмерики, приподнятые на квадратные основания с арочными нишами. Собственно восьмерики дополнены ширинками, прорезаны арочными окнами и завершены аркатурой на консолях с миниатюрными рельефными крестами по осям окон. Над шатрами – кольца с бегунцом и «шпен» с луковичными главками. Границы основного восьмерика центральной главы увенчаны трехлопастными кокошниками с центральной килевидной частью, окна здесь также арочные, с килевидными архивольтами, поддерживаемыми пиластрами с перехватами-валиками. Под подоконной тягой размещены ширинки. Под шатром находится малый восьмерик, украшенный аркатурой, опирающейся на балюсиновидные полуколонны и имеющей зубчатое завершение. Шатер венчает кольцо с аналогичной аркадой меньшего масштаба, выполненной в более низком рельефе, и глава на тонком барабане – шея. Апсидоподобные выступы декорированы филенками.

Главный вход обрамлен десятигранными, придающими порталу зубчатый характер. Детали восходят к архитектуре русского узорочья середины XVII в. (таким, как церковь Рождества Богородицы в Путинках). При этом декор фасадов не кажется чрезмерным. Напрашивается сравнение храма – и в стилистике, силуэте, и в декоре – с построенным одновременно с ним Петропавловским собором Петергофа, возведенным по проекту Н.В. Султанова.

В начале XX в. под влиянием новых принципов формообразования в рамках обращения к национальной архитектурной традиции средневековья создаются памятники, трактованные особенно свободно и выразительно. Объемно-пространственные композиции становятся более пластичными и цельными, основанными на соотнесении подчеркнуто-укрупненных масс, планы – более строгими и простыми, а декорации уже не столь изобильны, они не покрывают фасады сплошь, а образуют на них своеобразные сгустки, подчеркивая композиционные узлы. Происходит переход от стилизаторства эклектики к стилизации модерна, к творческому переосмыслению средневековых форм. Этот этап освоения наследия принято называть неорусским стилем. Главным источником вдохновения теперь становится более ранняя, более лаконичная архитектура, прежде всего памятники Новгорода и Пскова. Эмоциональность, порой экспрессивность авторских подходов усиливает романтическую составляющую. Все это – результат воздействия тенденций рубежа столетий, хотя черты модерна в различных памятниках проявляются в неодинаковой степени. Для многих храмов характерно повышенное внимание к выразительности объемов, акцентировка, порой монументализация отдельных элементов, заостряющих привычные композиционные решения. Впрочем, в храмовой архитектуре Ростовской области эти тенденции проявляются довольнодержанно, предпочтение, под влиянием казачьего традиционализма, отдается устоявшимся приемам поздней эклектики.

Памятником, наиболее полно выражавшим тенденции неорусского стиля, является старообрядческий Покровский собор в Ростове-на-Дону, построенный в 1913 г. по проекту академика архитектуры В.А. Покровского. Принадлежит «Белокриницкому согласию». Здание прямоугольное в плане, с полукруглой апсидой. Протяженный объем храма перекрыт на два ската. Притвор акцентирован узкими вертикальными ленточными окнами, объединенными общим архивольтом. Над юго-западным углом размещена небольшая одноярусная звонница с арочными проемами звона, опирающимися на толстые короткие столбики, перекрытая на четыре ската и увенчанная главкой. Небольшие главки акцентируют также восточную стену молельного зала и алтарь. Окна фасада полуциркульные, арочные, с двойными архивольтами, объединенными горизонтальными тягами. В простенках – низкие полуколонны. Крыльца имеют щипцовые завершения. Венчающий карниз поддерживает кронштейны, фриз филенчатый, под архитравом – регулы с гуттами. Декоративные детали восходят, с одной стороны, к псковской архитектуре (лаконизм, маленькая звонница, поскатное покрытие), с другой – к модерну (три ленточных окна под архивольтом).

Характерным примером неорусского стиля является и Успенская церковь в хуторе Недвиговка (1905–1915). Автор проекта – Григорий Николаевич Васильев (1868–1932). Храм пятиглавый, традиционно запроектирован «кораблем». Притворы и трапезная в плане прямоугольные, над трапезной размещены хоры, занимающие половину ее площади. Молитвенный зал в плане квадратный, с мощными пристенными устремами. К пятигранный апсиде примыкают жертвенник и диаконник. Выступающие с севера и юга притворы придают плану храма крестообразность. Колокольня включает два восьмерика над четвериком и шатровое завершение с главкой на тонком барабане-шее. В верхнем ярусе под карнизом размещены зубчики, аркатура, ширинки, архивольты арочных проемов. У основания барабана – кокошники. В нижнем ярусе окна имеют зубчатое завершение. У боковых окон четверика – скругленные верхние углы. Карниз, венчающий все здание, опирается на ступенчатые кронштейны типа городков. Над цоколем проходит поясок поребрика. Стены трапезной прорезаны тремя арочными окнами, простенки которых декорированы приземистыми полуколоннами. Притворы имеют щипцовое перекрытие. Карниз поддерживает городки. Плоскость стен разделена лопатками на прясла, завершенные трехлопастной в центре и двухлопастными по сторонам кривыми. Окна арочные, с бровками. В нише под центральным окном – ширинки и резной каменный процветший крест в килевидной нише, над окном вставка бегунца. Центральный кубический объем, декорированный карнизом на сухариках, аркатурой и аркатурно-колончатым поясом, перекрыт на четыре ската и несет пять глав – световую центральную с крупным луковичным куполом и глухие боковые, со слегка вытянутыми, каплевидными куполами. Главный барабан с арочными окнами украшен сухариками, поребриком, бегунцом, ширинками, боковые, с арочными нишами – сухариками и бегунцом. Входы арочные, к ним ведут лестницы. Архивольт портала западного входа опирается на тонкие полуколонны с каменными резными капителями. По сторонам его окна четверика колокольни имеют трехлопастное завершение и вписаны в арочные ниши с бровками. Детали восходят к архитектуре русского узорочья середины XVII в. Мощное пятиглавие напоминает памятники ярославской школы. К элементам неорусского стиля относятся окна с зубчатым завершением и скругленными углами, каплевидные купола, а также мотивы средневековой новгородской архитектуры (щипцы, многолопастные кривые, бровки).

Лаконизмом декоративного решения и противопоставлением в силуэте укрупненного центрального купола и миниатюрных главок приделов близка неорусскому стилю Вознесенская церковь хутора Сусат (1914).

Обсуждение и заключение. Рассмотренные архитектурные памятники позволяют сделать вывод, что стилистическая эволюция храмостроения на территории Ростовской области в середине XIX – начале XX в. хронологически соответствует общероссийской трансформации национального стиля от романтизма через эклектику к модерну практически без отставания, характерного для провинциального зодчества более ранних периодов. Русско-византийский, византийский, русский, неорусский стили представлены формирующими экологический каркас региона

памятниками достойного архитектурно-художественного уровня, в которых особенности этих этапов освоения наследия проявились полно и наглядно. Если в середине XIX в. строительство велось в основном по образцовым проектам, то во второй половине XIX – начале XX в. преобладают проекты, выполненные для конкретных храмов.

Подавляющее большинство храмов имеет колокольни, связанные с основным объемом здания. Наряду с крестово-купольными, в том числе «афонского типа» и тетраконхами, широко применяются бесстолпные композиции – крестообразные и однонефные. Разнообразны венчающие части храмов – одноглавые, пятиглавые, шатровые, с главами на сомкнутых сводах. Варьеруют и купола – луковичные, близкие к шлемовидным, полусферические. Декоративные элементы в русско-византийском стиле заимствованы в основном из архитектуры XV в., в византийском стиле – из памятников средневизантийского периода с добавлением древнерусских мотивов, в русском стиле – главным образом из «узорочья» московской и ярославской школ, в неорусском стиле к ним добавляются элементы псковской и новгородской средневековой архитектуры. Особенностью региона, обусловленной его изначально пограничным положением, можно считать широкое распространение храмов византийского стиля, выражающего имперскую идею. Еще одна особенность – обращение в рамках русского стиля и к его «русско-романскому» варианту. Черты модерна в храмостроении в начале XX в. проявляются зачастую довольно сдержанно, при сохранении ориентации на «узорочье» XVII в. Заимствования из более ранних эпох становятся ведущими в редких случаях.

Православные храмы середины XIX – начала XX в. на территории Ростовской области – не только свидетельства исторической памяти и объекты культурного наследия, заслуживающие углубленного изучения, сохранения, реставрации, в том числе с воссозданием первоначального облика. Они могут и должны стать источником вдохновения для современных архитекторов, обращающихся к храмостроению.

Список литературы / References

1. Волошинова Л.Ф. *Творения московских и петербургских зодчих в Ростове-на-Дону*. Ростов-на-Дону: Новая книга; 2003. 80 с.
2. Voloshinova L.F. *Creations of Moscow and Saint Petersburg architects in Rostov-on-Don*. Rostov-on-Don: New Book; 2003. 80 p. (In Russ.)
3. Петров В. *Александро-Невская г. Новочеркасска церковь. Историческое описание*. Новочеркасск: 1913. 75 с. Petrov V. *Alexander-Nevskaya, Novocherkassk church. Historical description*. Novocherkassk: 1913. 75 p. (In Russ.)
4. Лисовский В.Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. Москва: Совпадение; 2000. 414 с. Lisovskiy V.G. “National style” in the architecture of Russia. Moscow: Sovpadeniye; 2000. 414 p. (In Russ.)
5. Кириченко Е.И. *Русский стиль: Поиски выражения нац. самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – нач. XX в.* Москва: Галарт, ACT; 1997. 430 с. Kirichenko E.I. *Russian style: Search for the expression of national identity. Nationality. Traditions of Old Russian and folk art in the Russian art of the 18th-early 20th century*. Moscow: Galart, AST; 1997. 430 p. (In Russ.)
6. Лимаренко К.Х. *Войсковой соборный храм в г. Новочеркасске*. Новочеркасск: Издание соборостроительной комиссии; 1904. 73 с.
7. Limarenko K.Kh. *Military Cathedral Church in Novocherkassk*. Novocherkassk: Publication of the Cathedral Commission; 1904. 73 p. (In Russ.)
8. Есаулов Г.В. *Архитектура Юга России: от истории к современности*. Москва: АрхитектураС; 2016. 568 с. Esaulov G.V. *Architecture of the South of Russia: from history to modernity*. Moscow: ArchitectureS; 2016. 568 p. (In Russ.)
9. Евенко М.Г., Пищулина В.В. *Творчество академика архитектуры А.А. Ященко*. Ростов-на-Дону: ЮФУ; 2016. 156 с. Evenko M.G., Pishchulina V.V. *Creativity of academician of architecture of A.A. Yashchenko*. Rostov-on-Don: SFU; 2016. 156 p. (In Russ.)
10. Пищулина В.В. *Храмостроение в пространственной культуре донских казаков XVI – XIX вв.* Ростов-на-Дону: ДГТУ; 2017. 272 с.
11. Pishchulina V.V. *Church building in the spatial culture of the Don Cossacks of the 16th–19th centuries*. Rostov-on-Don: DSTU; 2017. 272 p. (In Russ.)
12. Шадрина А.В. *Храмы Донской и Новочеркасской епархии. Конец XVII века – 1920 г. Справочник*. Ростов-на-Дону: Антей; 2014. 437 с.
13. Shadrina A.V. *Churches of the Don and Novocherkassk diocese. The end of the 17th century–1920. Directory*. Rostov-on-Don: Antey; 2014. 437 pp. (In Russ.)
14. Тон К.А. *Церкви, сочинённые архитектором Константином Тоном*. Санкт-Петербург; 1838. 18 с. Ton K.A. *Churches, composed by architect Konstantin Ton*. Saint Petersburg; 1838. 18 p. (In Russ.)
15. Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях. Санкт-Петербург: синодальная типография; 1899. 51 с.
16. *Atlas of plans and facades of churches, iconostases for them and chapels approved for leadership in church buildings in villages*. Saint Petersburg: synodal printing house; 1899. 51 p. (In Russ.)

Об авторе:

Кишкунова Евгения Михайловна, кандидат искусствоведения, профессор кафедры «Архитектурная реставрация, реконструкция и история архитектуры» (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), KEM0022@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Kishkinova Evgeniya Mikhailovna, Cand. Sci. (Art History), Professor, “Department of Architectural Restoration, Reconstruction and History of Architecture”, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), KEM0022@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.09.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 04.10.2025

Принята к публикации / Accepted 07.10.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94. 323.3 (470.61)

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-69-75>

Оригинальное теоретическое исследование

Деятельность донских партизан-одиночек в период Великой Отечественной войны

В.П. Трут^{ID}

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российской Федерации

✉ trut.vladimir@rambler.ru

Аннотация

Введение. В период Великой Отечественной войны одной из форм борьбы с врагом являлась деятельность партизан-одиночек. Немало их было и на территории Ростовской области. В целом данный вопрос как в общероссийском, так и региональном масштабах в историографии не освещен. Важно проанализировать и охарактеризовать данное явление на примере подвигов донских партизан-одиночек. Статья посвящена исследованию деятельности партизан-одиночек Ростовской области в период ее временной оккупации немецкими войсками. Целью является выявление конкретных фактов борьбы донских партизан-одиночек с оккупантами, анализ характера, масштабов, различных форм и значения их героических действий.

Методы и материалы. Источниками данной работы являются документы Центра документации новейшей истории Ростовской области, большинство которых впервые вводится в научный оборот, и затрагивающие данную тему научные исследования. Задействование историко-системного и проблемно-хронологического методов позволило показать деятельность партизан-одиночек области во время войны.

Результаты исследования. Термин «партизаны-одиночки» возник ещё в годы войны и использовался как в официальном советском делопроизводстве, так и в общественной среде. Им определяли тех советских граждан, которые не являлись членами партизанских отрядов и подпольных групп, исключительно добровольно, по собственной воле принимали крайне непростое и в прямом смысле слова смертельно опасное в условиях вражеской оккупации решение об осуществлении различной диверсионной деятельности против немецких властей и различных промышленных, транспортных и иных важных объектов, использовавшихся оккупантами. На конкретных примерах раскрываются характер и формы их борьбы с немецко-фашистскими оккупантами, включавшей различные виды боевой, разведывательной, пропагандистской, диверсионной, вредительской работы и носившей исключительно добровольный характер.

Обсуждение и заключение. Деятельность партизан в годы войны в различных регионах страны, в частности, в Ростовской области, отражена в историографии. Так, некоторые аспекты борьбы врагом донских партизан затрагивались в ряде общих исследований, посвященных рассмотрению общей истории Ростовской области, военного периода, о местном добровольческом движении и об участии в партизанском движении донского казачества. В то же самое время вопрос деятельности донских партизан-одиночек в историографии вплоть до настоящего времени не только не рассмотрен, но даже и не ставился.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ростовская область, партизаны-одиночки, партизанское движение, немецкая оккупация

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01265, <https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

Для цитирования. Трут В.П. Деятельность донских партизан-одиночек в период Великой Отечественной войны. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(4):69–75. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-69-75>

The Activities of Don Partisan Loners During the Great Patriotic War

Vladimir P. Trut

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ trut.vladimir@rambler.ru

Abstract

Introduction. During the Great Patriotic War, one of the forms of struggle against the enemy was the activity of partisan loners. There were a lot of them on the territory of the Rostov region. In general, this issue is not covered in historiography both on an all-Russian and regional scale. It is important to analyze and characterize this phenomenon using the example of the Don partisan loners' exploits. The article is devoted to the study of the activities of partisan loners of the Rostov region during its temporary occupation by German troops. The purpose of the article is to identify specific facts of the struggle of Don partisan loners with the invaders, to analyze the nature, scale, various forms and significance of their heroic actions.

Methods and Materials. The sources of this work are the documents of the Center for Documentation of the Latest History of the Rostov Region, most of which are introduced into scientific use for the first time, and scientific research affecting this topic. The use of historical-systemic and problem-chronological methods made it possible to show the activities of partisan loners of the region during the war.

Results. The term "partisan loner" arose during the war years and was used both in official Soviet office work and in the public environment. This term determined those Soviet citizens who were not members of partisan detachments and underground groups, exclusively voluntarily, of their own free will, made an extremely difficult and literally deadly decision under enemy occupation to carry out various sabotage activities against the German authorities and various industrial, transport and other important objects used by the invaders. Concrete examples reveal the nature and forms of their struggle against the Nazi invaders, which included various types of combat, reconnaissance, propaganda, sabotage work and were exclusively voluntary.

Discussion and Conclusion. The activities of partisans during the war years in various regions of the country, in particular, in the Rostov region, are reflected in historiography. Some aspects of the struggle by the enemy of the Don partisans were touched upon in a number of general studies devoted to the consideration of the general history of the Rostov region, the military period, about the local volunteer movement and about participation in the partisan movement of the Don Cossacks. At the same time, the issue of the Don partisan loners' activities in historiography has not been considered and raised.

Keywords: Great Patriotic War, Rostov Region, partisan loners, partisan movement, German occupation

Funding. The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–01265, <https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

For Citation. Trut V.P. The Activities of Don Partisan Loners During the Great Patriotic War. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(4):69–75. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-4-69-75>

Введение. В истории борьбы партизан и подпольщиков Ростовской области с немецкими оккупантами в период Великой Отечественной войны, несмотря на предшествующую довольно значительную работу исследователей, вплоть до настоящего времени имеются недостаточно изученные вопросы, имеющие значительную научную актуальность. Одним из них, безусловно, является деятельность так называемых партизан-одиночек. Термин «партизаны-одиночки» возник ещё в годы войны и использовался как в официальном советском производстве, так и в общественной среде. Им определяли тех советских граждан, которые не являлись членами партизанских отрядов и подпольных групп, исключительно добровольно, по собственной воле принимали в прямом смысле слова смертельно опасное в условиях вражеской оккупации решение об осуществлении различной диверсионной деятельности против немецких властей и различных промышленных, транспортных и иных важных объектов, использовавшихся оккупантами.

В работе на основе исследований, представительной архивной источников базы, раскрываются различные формы действий в ходе Великой Отечественной войны партизан-одиночек Ростовской области [1, 2]. Отмечается, что изучение их деятельности в контексте региональных исследований имеет очень большое значение, поскольку позволяет установить их хотя бы примерную численность и выяснить масштабы их вклада в общее дело сопротивления оккупантам и в общую победу над неприятелем.

Материалы и методы. Исследование осуществлялось на базе выявленных, систематизированных и проанализированных документальных источников, находящихся в одном из главных областных архивных хранилищах, в Центре документации новейшей истории Ростовской области. Большинство из них впервые вводится в научный оборот. Всесторонний и обстоятельный анализ данных документальных источников основывался на принципах научности, объективности и историзма. Использованные в ходе подготовки данной научной работы историко-системный и проблемно-хронологический методы исследования позволили проанализировать деятельность партизан-одиночек области в годы войны, охарактеризовать формы и методы их активного и пассивного сопротивления неприятелю и его мероприятиям в период оккупации области. Опираясь на данные исследовательские методы в

анализе конкретных действий партизан-одиночек, удалось установить и охарактеризовать как общие, так и особенные черты данного движения, содержание и специфику побудительных мотивов их деятельности. Использовались методы анализа и синтеза данных, а также общенаучные и специальные научные исторические принципы, такие как объективность, научность, историзм.

Результаты исследования. Термином «партизан-одиночка» определяли тех советских граждан, которые не входили в состав партизанских отрядов и подпольных организаций в городах и иных населенных пунктах. Исключительно добровольно, по собственной воле они принимали крайне непростое и в прямом смысле слова смертельно опасное в условиях вражеской оккупации решение об осуществлении различной диверсионной деятельности против оккупационных властей и различных промышленных, транспортных и иных важных объектов, использовавшихся оккупантами [3, 4].

Как правило, они являлись жителями сельских населенных пунктов, деревень, сел, станиц. Однако не являлись подпольщиками в полном смысле этого слова, поскольку, во-первых, не входили в подпольные организации и соответственно не являлись их членами, во вторых, они действовали исключительно самостоятельно и в одиночку, в третьих, среди них преобладали лица преклонного возраста, в четвертых, если среди партизан и подпольщиков было достаточно большое количество коммунистов и комсомольцев, идейных сторонников коммунистической идеологии и советского государственно-политического строя, то подавляющее большинство партизан-одиночек не являлись членами партии и комсомола и вступали в борьбу с врагом и в прямом смысле этого слова рисковали своими жизнями исходя из личных не столько идейно-политических, сколько морально-нравственных качеств, доминирующими среди которых являлось глубоко осознанное чувство истинного патриотизма. Важно отметить, что данный термин «партизаны-одиночки» возник и использовался в официальном советском делопроизводстве, и в общественной среде еще в период войны.

Зачастую имена партизан-одиночек и совершенные ими подвиги оставались неизвестными. Исключение составляли только те из них, которые в силу ряда причин получили общественную известность еще в годы войны или сразу после ее окончания. Так, например, еще в годы войны благодаря стечению позитивных обстоятельств широко стал известен подвиг, который совершил 83-летний житель деревни Куракино Псковской области Матвей Кузьмич Кузьмин. Он сознательно завел немецкий отряд в засаду, повторив известный подвиг Ивана Сусанина. Данный факт даже был отмечен в сводке Совинформбюро 25 февраля 1942 [5].

Среди донских последователей подвига Ивана Сусанина и Матвея Кузьмича можно назвать Прокофия Сердюкова и Михаила Чередниченко. В Веселовском районе Ростовской области немцы взяли проводником до хутора Поздеевка, где располагались части Красной Армии, 55-летнего колхозника сельхозартели «Победа» Прокофия Сердюкова. Но он сознательно повел немцев в противоположенную сторону. Всю ночь отряд немцев блуждал по степи, так и не попав в нужное им место. Немцы очень жестоко избили старика и, посчитав что он умер, бросили его окровавленное тело в канаву [6]. А в докладной записке секретаря Чертковского райкома партии Мижирицкого секретарю Ростовского областного комитета ВКП (б) Петру Ильичу Александрюку от 2 мая 1944г. приводился следующий факт: «При отступлении немцев в ночь с 25 на 26 декабря 1943 г. ими был взят тов. Чередниченко М.Н. в качестве проводника, чтобы он глухой дорогой вывел немецкую часть с танками к городу Миллерово. тов. Чередниченко М.Н. специально повел немцев через слабый мостик через реку Калитву, в результате чего один танк целиком утонул, а остальные застряли. Танки находятся там и по сей день. Сам тов. Чередниченко М.Н. случайно спасся» [7]. В конце данной докладной записи Мижирицкий ходатайствовал о награждении М.Н. Чередниченко почетной боевой медалью «За отвагу» [8]. Хотя имена этих чудом выживших героев и совершенные ими подвиги стали известны, никаких правительственные наград они удостоены не были и в настоящее время, к очень большому сожалению ни научным работникам, ни широким слоям общественности они практически не известны. Вплоть до настоящего времени они не упоминаются ни в историографии, ни в художественно-документальной и иной массовой литературе, ни в учебных изданиях по истории Ростовской области.

По мере освобождения оккупированной советской территории подвиги и героическая борьба многих таких оставшихся в живых и погибших борцов-одиночек становилась известна. Так, например, стали широко известны обстоятельства мужественных действий и смерти 18-летней Евдокии Александровны Кучеренко. Она не имела возможности осуществить какие-либо боевые действия. Е. Кучеренко боролась с врагом так как могла, срывая вражеские листовки и активно ведя среди односельчан советскую агитацию. Она была схвачена оккупантами и их пособниками, двадцать дней томилась в тюрьме, постоянно подвергаясь допросам, жестоким пыткам и избиениям. Была казнена [9]. Но казалось-бы очень скромный подвиг Евдокии Кучеренко по праву может быть поставлен с самыми героическими делами известных партизан-одиночек, поскольку воочию продемонстрировал и врагу, и местным жителям свою непокорность оккупантам, несгибаемую силу духа, огромное мужество, веру в победу.

Достоянием гласности и данный подвиг Е.А. Кучеренко и героические дела множества других отважных борцов с оккупантами во многом стали возможны благодаря практической реализации известных решений высшего партийно-государственного руководства страны о подготовке в каждой освобожденной области подробных отчетов о борьбе с врагом местных партизан и подпольщиков в период оккупации. Данные отчеты, как правило, готовились местным областным руководством на основании многократно проверенных фактических данных, представлявшихся ему районными партийными органами и перепроверенных местными и областными органами НКВД и специальными комиссиями областных комитетов партии.

В результате в обком партии стали поступать первые тщательно проверенные и полностью достоверные сведения о сопротивлении местных жителей врагу в период оккупации того или иного конкретного района Ростовской области. В частности, уже 24 августа 1943 г. в докладной записке секретаря Песчанокопского райкома партии Баранова в областной комитет ВКП (б) говорилось: «За все время вражеской оккупации (6 месяцев) в районе не имелось партизанских отрядов или групп. Борьбу с немецкими захватчиками вели *одиночки* (выделено нами – Авт.), разрозненно... Старик-колхозник Стерлев Андриян Макарович из поселка Жуковка весь период оккупации прятал у себя оставленное ему на сохранение попавшими в окружение бойцами Красной Армии боевое знамя 43-го Гвардейского стрелкового полка. По доносам его шесть раз арестовывали немцы, били, истязали, добивались выдачи знамени, но он молчал. После освобождения района награжден орденом «Боевого Красного Знамени» и был удостоен звания гвардеец» [10]. А секретарь Развиленского райкома партии честно докладывал, что в районе партизанских отрядов не было, «действовали только, как было установлено органами НКВД после освобождения района, только *партизанки-одиночки* (выделено нами – Авт.), комсомолки Пискуненко, Полулях, Кравцова и Юношева» [11].

В конце 1943 г. первый секретарь Ростовского обкома ВКП (б) Петр Ильич Александрюк разослал первым секретарям райкомов партии области письмо под грифом «Совершенно секретно» с требованием, на основании решения Всесоюзного штаба партизанского движения о создании Всесоюзного учета партизан-участников Великой Отечественной войны, представления наиболее проверенных и полных списков всех партизан, а также как было прямо указано в данном письме, лиц, которые вели борьбу с оккупантами в качестве партизан-одиночек. В частности, 15 декабря 1943 г. такое письмо поступило в адрес первого секретаря Бело-Калитвенского райкома партии [12]. 25 декабря аналогичное письмо за № 974 поступило и в Багаевский районный комитет ВКП (б) [13]. Позже аналогичные письма были разосланы и во все другие районы Ростовской области. Более того, в марте 1944 г. такие письма Ростовского областного комитета партии вновь были разосланы во все райкомы области.

Активная работа по сбору и предоставлению данных сведений велась на протяжении периода 1944 г. и первой половины 1945 г. В поступивших в обком партии ответных письмах секретарей райкомов партии содержались подробные отчеты, подготовленные всеми районными комитетами ВКП (б) Ростовской области о деятельности партизан и подпольщиков во время оккупации на территории соответствующего района. В них содержались сведения самого различного характера, и с подробными описаниями действий местных партизан и подпольщиков, и борьбы партизан-одиночек, и прямые честные ответы, что на территории того или иного района партизанских отрядов не было, что борьбу с врагом вели только отдельные патриоты одиночки или что вообще сопротивления оккупантам в районе не оказывалось. Примечательно, что практически в каждом из данных отчетов того или иного района области присутствует отдельный раздел, озаглавленный «Партизаны-одиночки».

Среди множества всех этих ответов, можно выделить некоторые, как наиболее показательные. Так в письме секретаря Дубовского райкома партии Гурова «Информация о народных мстителях» от 15 мая 1944 г. на имя секретаря обкома Александрюка приводились многочисленные факты диверсий, саботажа оккупационным властям, спасения красноармейцев из лагеря военнопленных, антифашистской агитации со стороны жителей района. Среди прочего был отмечен следующий факт: «бывшая уборщица колхозного правления 63-летняя Бекурова Ксения Семеновна вела среди населения беседы, о том, что фашисты не победят за это ее арестовали и зверски замучили, вырезав груди, отрезали нос, отрубили руки, она приняла смерть со словами на устах «Русских вам не победить» [14]. А в письме секретаря Егорлыцкого райкома РК ВКП (б) Березина секретарю обкома партии Александрюку прямо констатировалось: «В районе не было крупных партизанских отрядов, но во время оккупации в одиночку и небольшими группами колхозники и колхозницы, рабочие и служащие *всячески пакостили немцам* (выделено нами – Авт.) не выполняли их приказов и распоряжений, всякими и разнообразными методами срывали намеченные мероприятия немцев» [15].

После рассмотрения и анализа всех поступивших из районов области отчетов о деятельности на их территориях в период вражеской оккупации партизанских отрядов, подпольных организаций, партизан-одиночек, в конце 1944 г. под непосредственным руководством первого секретаря Ростовского обкома ВКП (б) Петра Ильича Александрюка была подготовлена и им лично подписана сводная, весьма обширная 238 страницная докладная записка «О деятельности партизанских отрядов и групп на территории Ростовской области в период немецкой оккупации» [16]. В ней, среди прочего, присутствовали специальные главы о действиях партизан-одиночек и, как говорилось в документе, патриотических делах населения во время оккупации [17].

В данном документе приводились многочисленные и разноплановые примеры борьбы патриотически настроенных жителей области с немецкими оккупантами и их пособниками из числа местного населения. Например, в Тарасовском районе «в качестве партизана-одиночки действовали товарищи Гаркушин, член партии, бывший участковый милиционер и Володин, член партии, бывший начальник УГРО. Гаркушин провел советских разведчиков в тыл к немцам и участвовал с ними в нападении на немецкую часть, лично застрелив при этом двух неприятельских солдат» [18]. А после занятия района немцами Володин в одну из ночей пробрался в станицу Романовскую и поджег склад с зерном, в результате чего сгорело более 7 тысяч тонн хлеба [19]. В Константиновском районе, отмечалось в данном документе, «комсомолец Попов обрезал телефонный провод, связывавший станицу Константиновскую с городом Шахты. Немцы поймали Попова и жестоко его пытали, отрубили все пальца на руках, мучили, избивали, в трех местах пробили голову, а труп бросили в балку. Старуха Борщова (так в тексте – Авт.),

проживавшая в районе шлюза № 3, спасла 18 выходивших из окружения красноармейцев. За это немцы сожгли ее дом и ранили убегавшую пожилую женщину» [20].

В записке приводились и достаточно многочисленные факты жестоких расправ немцев с мирными гражданами, которые укрывали у себя выходивших из окружения или раненых советских бойцов. В частности, «в Зимовниковском районе семья беспартийного рабочего кирпичного завода Алексея Ивановича Сердечного была расстреляна немцами за то, что прятала у себя раненного командира Красной Армии. Были убиты мать тов. Сердечного, его жена, дочь-подросток, сын 9 лет и невестка Анастасия, беременная на седьмом месяце» [21]. Отмечались и примеры, когда рискуя своей жизнью, мирные жители спасали пленных советских солдат. Например, в Боковском районе «колхозница Александра Ивановна Пшеничная сумела организовать побег из лагеря военнопленных 120 красноармейцев, а колхозница сельхозартели им. Кривошлыкова сумела вывести из лагеря около 100 пленных красноармейцев» [22]. Необходимо, однако, учитывать тот факт, что далеко не все примеры самоотверженной борьбы жителей Ростовской области с немецкими захватчиками период войны стали известны и получили общественную огласку. Даже в такой обширной докладной записке, обстоятельно готовившейся областным комитетом партии, многие эпизоды деятельности партизан-одиночек в силу ряда причин не нашли своего отражения. В тоже время приведенные факты являются весьма показательными в плане поистине всенародной борьбы с захватчиками, которую вели исключительно по собственной инициативе представители самых разных социальных и половозрастных категорий наших граждан.

Обсуждение и заключение. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что деятельность партизан-одиночек Ростовской области, несмотря на целый ряд имевшихся объективно обусловленных и сугубо субъективных неблагоприятных факторов, имела важное значение и носила исключительно добровольный характер. Она имела достаточно массовый характер и выражалась в самых различных формах боевой, разведывательной, пропагандистской, диверсионной, вредительской деятельности, а также помощи выходивших из окружения и находившихся в концлагерях бойцам и командирам Красной Армии.

Особым является вопрос о мотивации деятельности граждан, решивших, исходя исключительно из собственных побуждений, вступить в поистине смертельную для них борьбу с врагом. Естественно, в каждом отдельном случае данные побудительные мотивы того или иного человека были сугубо субъективные. Но определяющими в их сознании были патриотические чувства. Очевидным является факт доминирования среди партизан-одиночек Ростовской области лиц, не являвшихся к тому же членами партии или комсомола.

Анализ материалов, связанных с деятельностью партизан-одиночек, ставит и еще один достаточно сложный вопрос соотношения в сознании боровшихся с врагом партизан-одиночек идей патриотизма и идеологических советско-коммунистических воззрений. Очевидно, что среди них были и подлинные патриоты, для которых любовь к Родине и готовность бороться за ее независимость являлись высшими моральными ценностями, отстаивать которые они были готовы даже ценой собственной жизни. Среди партизан-одиночек были и идейные сторонники коммунистических идей и советского государственно-политического строя. Немало было и тех, особенно среди выросших при советской власти представителей молодого поколения, кто одновременно разделял и те и другие взгляды, для которых патриотизм, любовь к Родине, готовность к самопожертвованию ради ее свободы и независимости являлись тождественными верности советским идеям. Далеко не случайным в рассматриваемый период времени являлось такое социально-политическое явление как советский патриотизм. И это было реалиями рассматриваемого советского исторического периода в целом и особенно периода Великой Отечественной войны. Другое дело, что в тот период времени идеология ставилась на первое место, а после краха советской системы зачастую началось отрицание данного факта. При этом и тот и другой подходы представляются нами сильно идеологизированными и не отражающими реальную историческую картину рассматриваемого периода времени.

В то же самое время вопрос не только об относительно точной, но и даже приблизительной численности партизан-одиночек Ростовской области в период войны остается открытым. Это объясняется как специфическими особенностями их положения и деятельности, гибели немалого количества борцов, оставшихся безвестными, так и фактической научной не разработанности данной темы и отсутствием посвященных ей специальных исследований.

Разноплановая деятельность и героическая борьба партизан-одиночек были одним из составных элементов существовавшего в Ростовской области общего партизанского движения и сыграли немаловажную роль в борьбе с воинскими контингентами неприятеля, представителями армии противника и членами местной оккупационной администрации, что заметно осложнило ее деятельность, проявилось в срыве многих планировавшихся ею важных военно-хозяйственных мероприятий. Существенной деятельностью партизан-одиночек была и в плане поддержки морально-политического духа населения оккупированной донской территории, укрепления его веры во всенародный характер, правоту борьбы с врагом и окончательную победу над ним.

Список литературы / References

1. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. *История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней)*. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: Ростовкнига; 2012. 416 с.
2. Kislicsyn S.A., Kislicsyna I.G. *History of the Rostov region (from the Land of the Don Army to the present day)*. Ed. 2nd. rev. and add. Rostov-on-Don: Rostovkniga; 2012. 416 p. (In Russ.)
3. Маркусенко И.С. *Дон в Великой Отечественной войне*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 180 с.

Markusenko I.S. *Don in the Great Patriotic War*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov University, 1977. 180 p. (In Russ.)

3. Трут В.П. Добровольческое движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2023;9(4):38–43. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>

Trut V.P. Volunteer movement in the Rostov region during the Great Patriotic War. *Science almanac of the Black Sea region countries*. 2023;9(4):38–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>

4. Трут В.П. Донское казачество в годы Великой Отечественной войны. В: *История донского казачества. В 3-х томах*. Том 3. Донское казачество на переломе эпох (XX – начало XXI в.). Ростов-на-Дону: Омега Паблишер; 2020. С. 177–218.

Trut V.P. Don Cossacks during the Great Patriotic War. In: *History of the Don Cossacks. In 3 volumes*. Volume 3. Don Cossacks at the turn of the epochs (the 20th – beginning of the 21st century). Rostov-on-Don: Omega Publisher; 2020. Pp. 177–218. (In Russ.)

5. От Советского Информбюро. Вечернее сообщение 24 февраля. *Известия*. 1942;46:2.

From the Soviet Information Bureau. Evening report on February 24th. *Izvestiya*. 1942; 46:2. (In Russ.)

6. Докладная записка секретаря Ростовского обкома ВКП (б) П.И. Александрюка «О деятельности партизанских отрядов и групп на территории Ростовской области в период немецкой оккупации». *Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 225.

Memorandum of the Secretary of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party P.I. Alexandryuk “On the activities of partisan detachments and groups in the Rostov Region during the German occupation”. *Documentation Center for Contemporary History of the Rostov Region (DCCHRR)*. F. 3. B. 1. F. 24. P. 225. (In Russ.)

7. Докладная записка секретаря Чертовского райкома партии Мижирицкого секретарю Ростовского областного комитета ВКП (б) Александрюку от 2 мая 1944г. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 113. Л. 9.

Memorandum of the Secretary of the Chertkovsky District Party Committee Mizhiritsky to the Secretary of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party Alexandryuk dated May 2, 1944. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 113. P. 9. (In Russ.)

8. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 113. Л. 11.

DCCHRR. F. 3. B. 1. F. 113. P. 11. (In Russ.)

9. Дуся Кучеренко. Вырезка из газеты «Путь Сталина». 1943. 25 марта. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

Dusya Kucherenko. Clipping from the newspaper “Stalin’s Way”. 1943. March 25. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 85. P. 2. (In Russ.)

10. Докладная записка секретаря Песчанокопского РК ВКП (б) Баранова секретарю Ростовского обкома ВКП (б) Александрюку о 7 декабря 1943 г. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

Memorandum of the Secretary of the Peschanokopsky of the All-Union Communist Party Baranov to the Secretary of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party Alexandryuk on December 7, 1943. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 81. P. 1. (In Russ.)

11. Докладная записка начальника Управления НКВД Ростобласти комиссара государственной безопасности Горбенко секретарю Ростовского обкома ВКП (б) Александрюку от 6 марта 1945 г. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

Memorandum of the Head of the Office of the NKVD of the Rostov Region Commissioner of State Security Gorbenko to the Secretary of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party Alexandryuk dated March 6, 1945. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 83. P. 6. (In Russ.)

12. Письмо секретаря Ростовского обкома ВКП (б) П.И. Александрюка секретарю Бело-Калитвенских РК, ГК ВКП (б) от 23 декабря 1943 г. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

Letter from the Secretary of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party P.I. Alexandryuk to the Secretary of the Belo-Kalitvensky the All-Union Communist Party dated December 23, 1943. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 37. P. 3. (In Russ.)

13. Письмо секретаря Ростовского обкома ВКП (б) П.И. Александрюка секретарю Багаевского районного комитета ВКП (б) от 25 декабря 1943 г. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 9.

Letter from the Secretary of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party P.I. Alexandryuk to the Secretary of the Bagaevsky District Committee of the All-Union Communist Party of December 25, 1943. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 38. P. 9. (In Russ.)

14. Письмо секретаря Дубовского райкома партии Гурова от 15 мая 1944г. на имя секретаря обкома Александрюка. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 46. Л. 7.

Letter of the Secretary of the Dubovsky District Party Committee Gurov dated May 15, 1944 in the name of the secretary of the regional committee Alexandryuk. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 46. P. 7. (In Russ.)

15. Письмо секретаря Егорлыцкого райкома РК ВКП (б) Березина секретарю обкома партии Александрюку от 3 апреля 1943 г. *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

Letter from the secretary of the Yegorlytsky district committee of the All-Union Communist Party Berezin to the secretary of the regional party committee Alexandryuk dated April 3, 1943. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 47. P. 1. (In Russ.)

16. Докладная записка секретаря Ростовского обкома ВКП (б) П.И. Александрюка «О деятельности партизанских отрядов и групп на территории Ростовской области в период немецкой оккупации». *ЦДНИРО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 247.

Memorandum of the Secretary of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party P.I. Alexandryuk “On the activities of partisan detachments and groups in the Rostov Region during the German occupation”. *DCCHRR*. F. 3. B. 1. F. 24. P. 247. (In Russ.)

17. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 152.
DCCHRR. F. 3. B. 1. F. 24. P. 152. (In Russ.)
18. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 165.
DCCHRR. F. 3. B. 1. F. 24. P. 165. (In Russ.)
19. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 165–166.
DCCHRR. F. 3. B. 1. F. 24. P. 165–166. (In Russ.)
20. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 178.
DCCHRR. F. 3. B. 1. F. 24. P. 178. (In Russ.)
21. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 218.
DCCHRR. F. 3. B. 1. F. 24. P. 218. (In Russ.)
22. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 234.
DCCHRR. F. 3. B. 1. F. 24. P. 234. (In Russ.)

Об авторе:

Трут Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Документоведение и языковая коммуникация», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), trut.vladimir@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Trut Vladimir Petrovich, PhD (Doctorate) (History), Professor, “Department of Documentation and Language Communication”, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), trut.vladimir@rambler.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 18.10.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 30.10.2025

Принята к публикации / Accepted 31.10.2025